

Константин Сергиенко Увези нас, Пегас!

Константин Сергиенко УВЕЗИ НАС, ПЕГАС!

Глава 1: Я просыпаюсь на дереве

Все началось с Гедеона. Попал я туда в начале мая, когда зелень яркая и свежая, а горячие ветры еще не гоняют по дорогам столбы пыли.

До этого потаскало меня по Америке с запада на восток. Где я только не побывал! Даже у колорадских бандитов и оклахомских индейцев.

Привык я ко всякому. Спал где попало, ел что придется. Кожа моя огрубела: щелкни по ней ногтем — звенит. Желудок здорово подобрался, и в день мне хватало початка кукурузы. И вот Гедеон на земле Черной Розы.

В то майское утро я проснулся, потому что в самое ухо мне пел пересмешник. Уж он так надрывался и передразнивал всех подряд, что мне снился хор гномов, крокодилов и железных человечков.

Я открыл глаза. Под щекой теплая, шершавая кора. Еще вчера, как стемнело, я перелез какой-то забор и устроился ночевать на дубе. Дубы здесь все равно что таверна. Ветви огромные, раскидистые. Найдешь в них и кровать, и даже кресло, и даже обеденный стол.

Я уж давно прилаhdился спать на деревьях, особенно в чьем-нибудь саду, потому как в частных владениях всегда спокойней. В крайнем случае тебя выгонит хозяин. В парке швыряются камнями мальчишки, а в лесу глупый охотник может выпалить в тебя из дробовика.

Открыл я глаза. Солнышко посверкивает через листву. Испанский мох вроде белой кисеи спадает по веткам. Могучий ствол дуба недалеко от земли расходится наподобие чаши. В этой чаше я и прилаhdился спать вроде птички.

— Эй, мистер!

Под деревом стоял негр в полосатых штанах и белой панаме.

— Эй, мистер белый, не надо бы вам спать на этом дубе, — говорит он.

Я потянулся. Негр это не беда. Конечно, непорядок, что он увидал меня снизу. Не в моих правилах устраиваться так, что тебя видно. Но вчера было темно, и я не сумел выбрать

укромного места. Вон туда, чуть бы правей и повыше, за густую крону и кисею моха, тогда нипочем не заметил бы меня старый негр в полосатых коротких штанах и мятой белой панаме.

— Я вам любезно и по-душевному говорю, мистер белый мальчик, не надо бы вам спать на этом дубе. Сэр босс очень добрый, но под этим дубом у него важное место, и поэтому он никому не разрешает спать на этом дубе.

— Ладно, — сказал я. — Пока твой сэр босс встанет, я досплю еще часок.

Слезать не хотелось. Уж очень теплая кора у дуба, как будто живая. И, казалось, под ней все еще текли мои сны, все еще пели маленькие человечки.

— Это хорошее дело, мистер мальчик. Только сэр босс встает очень рано. В прошлом году, когда мистер Конь обронил несколько яблок вот здесь, у самого дуба, сэр босс так рассердился, что велел продать мистера Коня.

— Мне-то что! — Я зевнул.

— Ну как же? Я вам толкую, уважаемый мальчик, что мистер Конь здесь гулял...

— Послушай, — сказал я, — мне бы доспать полчаса.

Этот чудной негр ни за что не пойдет жаловаться. Я по опыту знал, что негры хорошо относятся к бродягам. Пускают их ночевать, кормят. Но все же пора сматываться. Я сел на сук, свесил ноги, потянулся еще раз.

— Кто тут живет? — спросил я.

Передо мной яркой зеленью раскинулась большая лужайка, на ней горели клумбы с цветами. В конце лужайки поднималась белая колоннада особняка, вся в лиловых мячиках тени. Серебристые ильмы склонялись к ее галереям.

— Тут живет сэр босс, мистер мальчик, — важно ответил негр. — Но я вам хотел сказать про собак.

Не успел он начать про собак, как стая борзых веером выскочила из-под кустов и с радостным лаем заскакала под моим дубом.

— Вот про этих собак я вам и хотел сказать, мистер мальчик, — мирно повествовал негр. — Они очень добрые, но я вам душевно советую не слезать.

Какой там слезать! Последние штаны оборвут. А что мне будет? Всего-то ночевал на дубе.

— Сейчас я попробую с ними потолковать, мистер мальчик, — сказал негр. — И тогда, быть может, вам удастся слезть с дуба.

Он и вправду стал с ними разговаривать. Он называл собак не иначе как «леди и джентльмены». Он объяснял им, что я попал сюда случайно. Что какой-то мистер Кролик подшутил надо мной и завел в этот сад.

Шутки шутками, а борзые уселись вокруг негра, выпучили глаза и слушали его, как президента.

Я уже стал потихоньку спускаться, но весь спектакль испортили новые зрители. На лужайку выбежали веселые молодые люди и, увидев меня, остановились как вкопанные.

— Ой, кто-то на дедушкином дубе, — сказала девочка в белом костюме с теннисной ракеткой.

Рядом с ней стоял щеголь весь в красном. В руках почему-то серебряный шлем. Чуть поодаль еще один мальчик рассматривал меня, засунув руки в карманы.

— Дядюшка Париж, — сказала девочка, — кто это на дереве?

— Это очень хороший мальчик, маленькая госпожа, — ответил негр. — Его загнали на дерево собаки.

— А зачем он залез в наш сад?

Негр меня явно выгораживал, но продолжал свою песню про мистера Кролика.

— Я думаю, мистер Кролик его привел. Мистер Кролик большой шутник. Он шел с белым мальчиком, беседовал о том о сем, и они не заметили, как попали в наш сад.

— Ах, мистер Кролик! — насмешливо сказала девочка. — Эй, ты, тебя мистер Кролик привел?

— Может, и мистер Кролик, — ответил я.

— А что ты здесь делаешь?

— Что он здесь делает, Мари? — лениво сказал щеголь в красном. — Наверное, собрался чего-то украсть.

— А чего у вас красть? — спросил я. — Такой шлем я вчера на помойке видел.

— Ах, ты! — сказал щеголь в красном. — Ну-ка слезь, я тебя проучу!

— Перестаньте, мистер Чартер, — сказала девочка. — Всегда вы задираетесь. Почему вы решили, что он собрался воровать?

— Знаю я этих бродяжек, — сказал мистер Чартер.

— Почему это бродяжка? — сказал я. — Может, я порядочный человек.

— Если ты порядочный человек, то слезай вниз. Я научу тебя вежливости! — распаялся щеголь.

— Как вам не стыдно, мистер Чартер! — сказала девочка. — Вы вдвое больше его. Детей бить нельзя.

— Разве что, — насмешливо сказал щеголь.

— Эй, ты! — сказала девочка. — Слезай и уходи. Знал бы ты, на какой дуб залез!

— Дуб как дуб, — сказал я. — Отгоните собак, тогда слезу. Видал я дубы получше.

— Надо же! — девочка всплеснула руками. — Да ты посмотри, какой это дуб. Весь в дедушкиной славе!

Я свесился и посмотрел. И вправду, дуб оказался не простой. По стволу развешаны старые сабли и пистолеты. Как это я ночью ничего не зацепил?

— Что с ним разговаривать, Мари? — важно сказал щеголь. — Позвать мсье генерала, и все тут.

— При чем здесь генерал? — вдруг сказал третий. До этого он стоял молча.

— Как это при чем, мистер Аллен? — спросила девочка.

— По-моему, ни при чем, — мрачно повторил тот. Лет этому мистеру Аллену примерно как и мне. Одет он в простую фланелевую куртку, на голове голубой картуз, а башмаки не такие уж новые. Выглядел он вроде простого подмастерья, и непонятно, почему затесался в богатую компанию.

Взять щеголя. У него сюртук как огонь, отвороты белоснежные, пуговицы и галуны серебряные. Сапоги на нем в обтяжку, из мягкой хорошей кожи. Лет ему, конечно, побольше, чем мне и этому Аллену. Может быть, он уже офицер?

А девочка с ракеткой, наверное, дочь хозяина. На пальце дорогое кольцо, ракеткой она помахивает беспечно и, видно, не сомневается, что все в нее влюблены.

— Вы все-таки странный, мистер Аллен, — сказала она, капризно растягивая слова, как принято на Юге. — Когда вы покатаете нас на своем паровозе?

— Покатаю, — буркнул мистер Аллен.

— До самого форта?

Тот кивнул.

— А у нас скоро будет паровой брандспойт! — сказал щеголь и напялил серебряный шлем.

Да он пожарник! И мундир у него похож. Правда, в соседнем штате, откуда я пришел, пожарники одеты в голубое с желтым.

Собак отогнали, и я слез на землю. Тут только до конца понял, что ночевал на важном дереве. Не только сабли и пистолеты, но и знамена развешаны на ветвях. Какие-то бунчуки и ленты, в большом дупле мраморный бюст. Я присмотрелся и узнал Наполеона.

— Следовало бы все-таки его проучить, — сказал щеголь. — Не понимаю, Мари, почему вы заступаетесь за оборванцев? Такие везде бросают окурки, и от них сгорают дома достойных граждан. Нам стоит немалых усилий их тушить. Нет, я бы все-таки его проучил.

— Держи карман шире, — сказал я.

— Что?! — Он на мгновение оцепенел от моей наглости. — Нет, ну теперь уж...

Он направился ко мне и уже замахнулся, чтобы дать оплеуху. Тогда простым движением из индейской борьбы кузати я отбил его руку и подсечкой усадил на зеленую травку. Первым никогда не лезу, но получать ни за что ни про что не собираюсь.

Через мгновение я уже красовался на заборе, перекинув одну ногу, а мистер Чартер не мог оправиться от изумления.

Девочка Мари хмыкнула и пошла к дому. Третий свидетель поражения Чартера кинулся ко мне с внезапно загоревшимся взглядом.

- Эй, подожди! — крикнул он. — Как тебя звать?
— Майк, а что? — сказал я.
— Тебе негде жить? — спросил он.
— Ночевать везде можно, — ответил я с достоинством.
— А работа есть?
— С голоду не помру, — заверил я. Но в этот момент у меня уже сосало под ложечкой.
— Приходи в полдень на станцию, — сказал он, — спроси, где «Пегас».

У него было бледное лицо и черные блестящие глаза. Так я познакомился с Моррисом Алленом. И было это в городке Гедеон на земле Черной Розы, а точнее, в саду имения «Аркольский дуб».

Глава 2: Гедеон и его обитатели

Гедеон оплетен маленькой речкой того же названия, но летом она высыхает так, что кружки воды не набрать. Земля здесь черная, жирная. Некоторые говорят, что поэтому целый округ назван Черной Розой. Другие считают, что причиной тому негры. В здешних местах черных вдвое, а то и втрое больше, чем белых. Им возражают:

— Ты спятил, старина! Черная Роза от негров? Но тогда была бы не роза, а помойка. Черная Помойка, ха-ха! Так бы называлась наша земля, старина!

Белые сидят на верандах своих домов, пьют чай со льдом, а черные работают в поле. Сейчас самое время засеять хлопком поля вокруг Гедеона.

С тех пор, как мистер Уитни от нечего делать придумал «джинна», машину по очистке хлопка, Юг прямо-таки второй раз родился. А то копались вручную негры, кое-как выдирали ненужные семена из волокон.

Головастый этот мистер Уитни. То ли в шутку, то ли на спор взял да и сочинил «джинна». И всего-то несколько проволочек, рукоятка да барабан. Пошло-поехало. Завертелись «джинны», горы белоснежной ваты поплыли с Юга в разные концы света.

Плантаторы вздохнули свободно, уселись поудобней в плетеные кресла и задремали. Только иногда надо проснуться да поглядеть, хорошо ли работают черные.

Тихая жизнь в Гедеоне. Жители в нахлобученных шляпах сидят целый день, прислонившись к заборам. Сидят, строгают палочки.

- Эй, Хэнсом, который час?
— А кто его знает! Должно быть, полдень.
— Я палочку всю сострогал. Кинь мне лишнюю.
— Нет у меня лишней, Том.
— Если полдень, то сейчас пройдет Билл-почтальон.
— Да, верно. Тогда и попросишь у него палочку...

Солнце здесь жарит так, что очень скоро любая рубашка становится белой.

Между прочим, в Гедеоне есть свой Капитолий. Лет тридцать назад Гедеон считался столицей штата, и тогда на самом высоком месте поставили белый дом с куполом и колоннадой. От него проложили Президентскую аллею, а влево и вправо разбили парк генерала Лафайета.

Теперь все пришло в запустение. Капитолий зарос тутовыми деревьями, мальчишки выбили стекла, а какой-то бродяга написал кирпичом на ободранных стенах: «Здесь трижды плюнул, проходя мимо, вечный странник Х. — 2 апреля 1860 г.». Судя по дате, «вечный странник» посетил Гедеон незадолго до меня.

Главная гордость Гедеона пожарная каланча. Ее начал строить заезжий архитектор. Он довел каланчу до середины, прокутил все деньги и скрылся. Отцы города поругались и доделали каланчу, украсив ее башенками на манер старых крепостей.

В одной из таких башенок часто сидит Люк Чартер по кличке Красный Петух, тот самый щеголь, которого я усадил на травку в саду «Аркольского дуба».

Пожарники самые гордые и самые почитаемые люди Гедеона. Иногда они устраивают гонки по улицам. Топают копыта тяжелых битюгов, гремят колеса бочек и помп, вскакивают у заборов жители в нахлобученных шляпах, а местная живность спасается кто куда. Начальник

пожарников устроил все на военный лад. Себе он присвоил чин полковника, а Люку Чартеру подарил лейтенанта.

— Солдаты! — кричит полковник двум десяткам бравых усатых пожарников. — Мы армия спасения! Будьте всегда начеку! От штатских только беда! Мы им покажем, что такое воинская дисциплина!

Правда, уж если что загорится в Гедеоне, никакая пожарная команда не потушит. Огонь тут зубастый и хваткий, глазом не успеешь моргнуть, все проглотит.

Люк Чартер сидит с важным видом на каланче. Как только на улице появится местная дама, прикладывает руку к глазам и зорко оглядывает окрестности. Не горит ли чего?

Весь город знает, что Люк Чартер имеет виды на внучку генерала Бланшара. «Аркольский дуб» это и есть имение генерала.

Генерал Бланшар один из первых жителей Гедеона. Когда Бонапарта сослали на остров Святой Елены, многие французы бежали в Америку. Одни поселились в Новом Орлеане, другие в Филадельфии, а генерал Бланшар устроился в Гедеоне и решил превратить его в «маленький Париж».

Это было не очень легко. Еще раньше Гедеон задумали как «маленькую Филадельфию». Улицы тут разбивали без всяких затей по прямой линии — шесть Северных и шесть Южных.

Но генерал и его друзья не пали духом. Благодаря им появилась улица Вредных Мальчишек, улица Мокрой Доски и даже улица Любви. Они потянулись на взгорки, окружавшие Гедеон. Это позволило генералу заявить, что теперь, как и в Париже, тут есть свой Монмартр.

Генерал старается, чтобы в его имении царил дух «старой доброй Франции». Он заготовил большой список имен. Каждый негр отныне должен напоминать генералу о родине.

Так появились дядюшка Париж и тетушка Ла-Рошель, старший рабочий Кардинал и повариха Сорбонна. Старый генерал не обошел и тех, кого считал повинными в военных неудачах Наполеона. Тройке великолепных борзых он дал имена знаменитых маршалов Нея, Груши и Мюрата.

Первого он обвинял в том, что при Ватерлоо тот завел под картечь сразу четыре дивизии. «Эшелонами, эшелонами надо было строить, а не колонной!» — говорил генерал. Груши совершил еще более страшную ошибку. Он опоздал с фланговым ударом, а это могло спасти битву.

О Мюрате генерал вообще не мог разговаривать спокойно. Он называл его опереточным шутом и балаганщиком. Тем не менее пес Мюрат был любимым из «маршальской тройки». По этому поводу генерал говорил, что не все Мюраты живут без пользы для человечества.

Больше всех на свете старый вояка любит внучку Мари. Родители ее утонули во время пожара парохода «Дункан» на реке Миссисипи. У генерала теперь никого не осталось.

Правда, живет еще в доме приемышем девочка Хетти, но с детства она сильно припадает на ногу, а генерал, как бывший гвардеец, любит красивый шаг. За это он не слишком дорожит Хетти, и даже старый негр дядюшка Париж больше греет старое сердце генерала своими рассказами.

Дядюшка Париж считается не в себе, но в хозяйстве проявляет большое умение. Это он вырастил аркольский сад, где огромные, похожие на треноги дубы окружены кольцами белых роз чероки, голубого ириса и алых цветов с названием «Страсть любви».

К самому дому подступают лавры и раскидистые ильмы, а магнолии отведены подальше, чтобы ночным ароматом не томить спящих на галерее.

Вилла «Аркольский дуб» стоит на приподнятом месте. Отсюда хорошо виден весь Гедеон со своим Капитолием, пожарной каланчой, отелями «Колокол» и «Азалия». В этих отелях плантаторы до глубокой ночи играют в бильярд и карты. В Гедеоне много богатых плантаторов. Богатый — это если полсотни негров и больше. А если, допустим, всего десяток, то даже плантатором не назовут и в клуб «Рыцари Юга» не примут.

Блеск столичной жизни давно погас в Гедеоне. С тех пор как знаменитый генерал Лафайет с конвоем из сотни разукрашенных индейцев проехал по улицам Гедеона, ничего торжественного тут уже не случалось.

Мало-помалу разъехались видные люди, а ведь были, были они в Гедеоне. Закрылась одна

газета, другая еле расходуется. Уехал мистер Перкинс, известный ботаник, уехали врач Биглер и адвокат О'Райли. Но самое обидное, что некий Андерсон, первый поселенец в здешних местах, тоже смотал удочки. Он продал каменный дом, самый первый дом в Гедеоне, и исчез в неизвестном направлении.

Но все это не мешает генералу Бланшару повторять время от времени: «Жить можно только в двух местах, в Париже и Гедеоне».

Когда столицу перенесли в Корону к предгорьям Красного Каньона, сердца гедеонцев чуть не лопнули от горя и зависти. Правда, Корона наслаждалась столичной жизнью всего пять лет. Это звание перехватил бойкий Монториоль. Но гедеонцы не перестали ревниво относиться к Короне.

Не успела Корона начать постройку железной дороги, чтобы возить руду, кукурузу и табак на пароходы, как Гедеон схватился за ту же идею. Перенести, чтобы коронцы ездили быстрее нас? Чтобы они валом пустили свой товар вниз по реке вместо гедеонского хлопка? Ни за что на свете! Пригласить инженеров, нанять рабочих и строить, строить, строить!

Эта дорога влетела Гедеону в копеечку. Местность от Гедеона только поначалу ровная, потом идут холмы, овраги. Чем ближе к форту Клер, тем все труднее строителям. Пришлось и мосты ставить, и туннели вести.

Но самого главного гедеонцы не учли. Дымящие, гремящие, свистящие паровозы никак не подходили к характеру жителей Черной Розы. Первый же локомотив с медной табличкой «Наш любимец» сыпанул таким роем искр, что спалил две Северных улицы и хлопковый склад в придачу. На него поставили здоровенный кожух, но «Наш любимец» не растерялся и устроил другой сюрприз. В один прекрасный день он взорвался, не вытерпев того, что «печеная голова», а попросту кочегар-негритенок, имел обыкновение садиться на предохранительный клапан.

«Печеная голова» взлетел в воздух метров на пять и, как ни странно, остался жив, а «Наш любимец» снес половину станции и оставил о себе яркую память.

Но делать нечего. Дорогу построили, и плантаторы с ужасом смотрели, как, шипя паром, разбрызгивая масло, грохоча и улюлюкая, железные дьяволы помчались через их поля...

Считалось, что Моррис Аллен тоже влюблен в четырнадцатилетнюю Мари Бланшар. Его бы никто не принял всерьез, но Моррис Аллен имел собственный паровоз.

Глава 3: Гудок «Пегаса»

Да, горячая машина ценой в пятнадцать тысяч долларов — вот что придавало вес Моррису Аллену.

Первый раз я услышал о паровозах от индейцев. В Калифорнии тогда еще не было линий, а я пробирался как раз оттуда. Напор железных дорог шел с востока, индейцы его очень боялись. «Железный конь пойдет, буйвол уйдет, — говорили они, — буйвол уйдет, папузам нечего будет кушать». Папузы — это индейские ребяташки.

Один молодой индеец прославился тем, что за тысячу миль ходил смотреть на паровозы. Он делал страшные глаза и показывал: «Пуф-пуф!»

Потом и я узнал, что такое горячка железных дорог. Уж кто-кто, а бездомные и бродяги сразу полюбили свистки паровозов и запах рельсов. Железная дорога возила, кормила. Залез в товарный вагон — ту-ту! — только тебя и видели. Никакой шериф не угонится за поездом, никакой кондуктор не ссадит, если ты едешь «на палке», то есть под вагоном, положив доску покрепче на две соседние оси.

Два месяца я трудился на укладке путей между Коринтом и Джексоном, а потом работал кочегаром на маневровом паровозе в Мемфисе. Так что до встречи с Моррисом Алленом я уже знал, почему железо на рельсах. Может, это и помогло нам сойтись.

В полдень я прогуливался по деревянной платформе местного вокзала. Вокзал тут маленький, всего в один этаж, под зеленой крышей. Ту часть, которую снес «Наш любимец», так и не отстроили заново. В Гедеоне, считай, полвокзала.

Морриса я увидел сразу. Он шел, вытирая руки паклей. На нем была темная блуза и тот же голубой картуз.

— Крепкий ты парень? — спросил Моррис и пощупал мне мускулы.

Мы поговорили. Не сразу я поверил, что Моррис умеет водить паровоз, а он сомневался, что я работал кочегаром. Ведь вместе нам было чуть больше трех десятков.

Оказывается, Моррис давно искал кочегара себе по возрасту. Со взрослыми у него ничего не получалось. Взрослые плохо слушаются, как он объяснил.

Для работы у топки нужна выносливость, сильная спина и хорошие руки. Взял он было одного сорванца из Гедеона, но на третий день тот запросился к маме. Я понравился Моррису тем, что не спасовал перед Чартером. Такой человек ему нужен.

— Парень мой ходит пока на соломе, но хочу перейти на алмаз, — сказал Моррис. — Ты с чем управлялся?

— Пенсильванский алмаз.

— А я тут местный нашел.

По всем дорогам машинисты и кочегары, стрелочники и сцепщики говорят на своем языке, и к этому надо привыкнуть. Солома — это дрова, алмаз — уголь. Поначалу не все бывает понятно на железной дороге.

— Ну пойдем, покажу тебе парня, — сказал Моррис. На запасном пути стоял его паровоз. Я сразу оценил машину. Это был небольшой аккуратный локомотив с парой огромных ведущих колес под самой будкой. Я сразу определил: тип «крэмптон», редкая птичка. Он походил, скорей, на быстрый экипаж, чем на тяжелую машину. Корпус весь темно-синий, обручи желтые, колеса красные. Медные поручни так и горят. Колокол, передний фонарь и готические окна в узорах. Через будку медная дощечка с литой надписью «Пегас».

Что и говорить, хоть на парад выезжай. Перед «скотоловом», передней решеткой, опущенной на самые рельсы, пристроен букет полевых цветов.

— Да!.. — протянул я восхищенно. — Кофейник что надо. Чей?

— Мой, — коротко ответил Моррис.

Вот тут-то я и взглянул на Морриса Аллена другими глазами. Тут-то я и понял, как он затесался в компанию шеголей среди цветов и деревьев «Аркольского дуба».

Ведь если Люк Чартер, по кличке Красный Петух, красовался белоснежными манжетами и серебряным шлемом, то за Моррисом Алленом всегда бродила незримая тень «Пегаса». А эта штука, скажу вам, не деревянная лошадка, которую таскает по улицам Гедеона сопливый мальчишка.

«Пегас» был уже на ходу. В котле гудела горячая сила, манометр показывал сорок футов. Моррис расхаживал вокруг паровоза с масленкой и молотком. В своем картузе с длинным козырьком он был похож на дятла, который любовно обстукивает сосну.

Внезапно прибежал негритенок-посыльный.

— Мистер Моррис, шеф вас зовет.

— Я занят, — буркнул Моррис.

— Мистер Моррис, он очень вас зовет! Срочные грузы!

— Я мертвый сегодня, — хладнокровно повторил Моррис. — Цилиндры парят.

Посыльный убежал, но вскоре пожаловал начальник станции. За ним спешил толстый плантатор. Он вытирал мокрый лоб панамой, и панاما уже превратилась в тряпку.

— Хелло, Моррис! — сказал начальник. — У тебя «Пегас» горячий. Сбегай до форта, всего шесть осей.

— Я мертвый сегодня, — повторил Моррис, — цилиндры парят.

— Ничего у тебя не парит, Моррис. А вот у «Гедеонца» лопнула трубка. Выручи, Моррис.

Иначе ударят нас по карману, большая неустойка.

— Возьмите «Страшилу», — сказал Моррис.

— Да ведь «Страшила» в Пинусе, ты знаешь, Моррис. Он только к вечеру завтра вернется.

— Что я могу поделать? — сказал Моррис.

Плантатор тем временем рассматривал его с изумлением.

— Это и есть машинист? — спросил он.

— Да, — ответил начальник станции.

— Он мальчишка! Я с ним не поеду!

— Это Моррис Аллен, — сказал начальник, — лучший машинист по всей линии.

— Хватит меня дурачить! — закричал плантатор. — Сначала у вас что-то ломается, потом

вы суете мне детей. Я требую неустойку! Я месяц назад заключил контракт на эту поездку!

— Видишь, Моррис, — сказал начальник станции, — в какое положение ты меня ставишь.

— Сэр, — он обратился к плантатору, — вы с какой фермы?

— «Два енота», — ответил плантатор.

— Это у самой Подметки?

— Да, — недовольно сказал плантатор, — что с того?

— Сэр, вы просто далеко живете. У нас в Черной Розе все знают Морриса Аллена. И каждый счастлив прокатиться на его «Пегасе».

— Черт возьми! — закричал плантатор. — Я не кататься приехал! Я должен успеть к пароходу в форт Клер!

— Не шумите, сэр, — сказал Моррис. — Какой у вас груз?

— Коровы!

— Отвези ты их ради Христа, Моррис, — сказал начальник, — всего шесть осей. Я уже загнал коров по вагонам. «Гедеонец» забарахлил.

— Замените машиниста! — выкрикнул плантатор.

— На этом локомотиве ездит только Моррис Аллен, — сказал начальник, — это его собственный локомотив.

— Собственный? — плантатор вытаращил глаза. — Это как?

— Сэр, — терпеливо сказал начальник станции, — я предлагаю вам хорошую замену. Иначе вам придется ждать до послезавтра. Паровоз освободится для вас только послезавтра. «Гедеонец» еще три дня простоит.

— Это невозможно, — сказал плантатор, — у меня пароход. Сэм Весли уже дожидается в форте.

— Вас повезет мистер Аллен.

— Он пустит моих коров под откос!

— Ваше дело, — сказал Моррис и полез в будку. В жарком настое полдня раздался гудок «Пегаса». Что за гудок! Как будто труба пропела — ти-та-та! Плантатор застыл на месте.

— Это его гудок? — спросил он.

— А чей же?

— Уфф... — плантатор облегченно вздохнул. — Тогда поехали. Этот гудок мы хорошо знаем. Это хороший гудок. — Он снова вытер лоб и повторил: — Хороший гудок. Дочка его очень любит. Поехали.

Тут Моррис неторопливо спустился из будки и сказал:

— Сегодня не поедем.

— Почему? — изумился плантатор.

— Я передумал.

— Но ты же согласился, Моррис! — воскликнул начальник станции.

— А теперь передумал, — повторил Моррис, вытирая руки паклей.

Как его ни уговаривали, он согласился ехать только утром. В восемь часов утра — ни раньше ни позже. Таков уж был Моррис Аллен.

Глава 4: У Бланшаров

Моррис Аллен оставался загадкой всей линии от Гедеона до форта Клера, а может, и до самой Короны. Он мог зарабатывать большие деньги, но не делал этого.

В его контракте с компанией сказано, что грузы он берет по своему желанию, а где и сколько стоит «Пегас», никого не касается. Иногда он накатывал сотни миль без единого фунта, и никто не знал, для чего.

Моррис зарабатывал на «Пегасе» ровно столько, чтобы расплатиться с компанией за пользование рельсами и депо. Но чаще «Пегас» стоял на открытом воздухе, и только когда случалась серьезная поломка, в клапанах, например, или насосах, Моррис загонял его в «коровник» и платил механикам компании.

Его звали Лентяй Моррис. Гудок «Пегаса» знали все фермеры Черной Розы, Подметки и даже Красного Каньона, хотя туда Моррис заезжал не часто.

Каждый машинист старается, чтобы гудок его паровоза отличался от других. Но у «Пегаса» самый необычный гудок. Он сделан из шести трубок, одна другой меньше, а в каждой есть клапан. Когда Моррис подает пар, гудок играет ти-та-та, и эту мелодию любят негры и белые.

Вечером того же дня мы появились у Бланшаров. Я бы ни за что не пошел туда, откуда меня выгнали, как бродяжку, но Моррис обрядил меня в такой костюм, что никто бы не устоял на моем месте.

Оказывается, у Морриса была выходная одежда, только он никогда ее не надевал. Я первый нарядился в залежавшийся костюм Морриса. И что за костюм!

Длинный сюртук, белая сорочка со стоячим воротником, бабочка, узкие голубоватые брюки и модные туфли с задранными носами. Прибавьте к этому шляпу с лентой и тросточку. Да, тросточку! Моррис настоял, чтобы я ее взял.

Сам он вырядился в ту же куртку и неизменный картуз, делавшие его похожим на подмастерье.

Желтый закат опустился на поля Черной Розы. Он был как сок апельсина, который налили в сады до самого неба. Вечером цветы и деревья раскрывают свои поры. Запах магнолий, сассафрасов, ириса, жасмина подушкой накрыл примолкший умиротворенный Гедеон.

Вечером на галерее Бланшаров собираются гости. Здесь подают чай с бисквитами, сиропы и домашнее пиво, настоящее на разных кореньях и сосновых иголках. Угощение идет в две очереди.

Сначала развлекается молодежь, а часам к десяти наезжают солидные плантаторы, чтобы провести ночь за игрой в карты.

В легких плетеных креслах на галерее уже сидели Люк Чартер, его приятель, девушка и, конечно, сама хозяйка Мари Бланшар. Мы застали конец таинственной страшной истории, которую рассказывала девушка:

— В этот момент он прицелился, раздался выстрел и, ах! — Тут рассказчица поднялась с места. — Голубка упала на землю! Он подбежал и увидел...

— Я знаю, это была не голубка! — выкрикнул Чартер.

— Ах, не мешайте, мистер Чартер, — сердито сказала Мари, — всегда вы путаетесь. Кто же это был, Дейси? Так страшно.

— Это была она, его возлюбленная...

— Ох, несчастный!

— А я знаю историю почище, — сказал Чартер. Тут нас заметили.

— Смотрите, мистер Аллен и еще кто-то. Идите сюда, мистер Аллен! Кто это с вами? Сначала меня не узнали.

— Майк, — сухо представился я.

— Послушайте, — удивленно сказала Мари Бланшар, — вы как две капли воды похожи на того Майка, который сидел у нас на дубе.

— По правде сказать, я тот самый Майк и есть.

Люк Чартер вскочил со своего кресла.

— Вот как? — Мари оглядела меня с ног до головы. — Это весьма интересно. Вы пришли с мистером Алленом?

— Мы пришли вместе, — сказал Моррис.

— Но вас нелегко узнать, — сказала Мари. — Кто вы такой? Я недавно читала книжку про богатого мальчика, который любил ходить в одежде бедняка. Может быть, вы и есть тот богатый мальчик?

— Когда настоящий джентльмен знакомится, он полностью называет свое имя, — заявил Люк Чартер, — только босяки называют себя Майк, Джек или как там еще.

— В самом деле, — Мари состроила капризную мину, — как ваше имя?

— Его зовут Аллен, — внезапно ляпнул Моррис. — Майкл Аллен. Это мой брат.

Всеобщее удивление. У Мари Бланшар круглое лицо с нежной кожей, яркие губы и немного прищуренные глаза, как будто в них всегда бьет солнце. Но сейчас эти глаза широко открылись.

— Это ваш брат, мистер Аллен? Откуда он взялся?

— Он живет в Калифорнии и пришел ко мне погостить, — сказал Моррис.

— Это правда? — Мари уставилась на меня. — Вы на самом деле брат Морриса?

Я приосанился и ответил:

— Что же тут удивительного?

— А какой брат? Двоюродный?

— Родной, — поспешно сказал Моррис. — Родной брат Микки.

— Но почему вы не сказали об этом утром?

— У Микки есть плохая привычка спать на деревьях в чужом саду. Кроме того, он был неважно одет. Мне было стыдно за Микки.

Моррис говорил так серьезно и с таким достоинством, что все ему сразу поверили. Им и в голову не пришло, что Аллен способен на такие шутки. Черт возьми, теперь я стал его «братом»!

— Между прочим, я сразу понял, что этот человек кем-то доводится мистеру Аллену, — сказал Чартер, — поэтому я и не стал за ним гнаться, когда поскользнулся.

Мари иронически усмехнулась, а Чартер покраснел. Я решил проявить галантность.

— Утром трава всегда мокрая, поэтому не мудрено, что вы поскользнулись, сэр.

— Да, совершенно не мудрено, — подтвердил Чартер. — Позвольте вам представить моего друга Отиса Чепмена.

Его приятель поклонился. Внезапно Мари опрокинула легкое плетеное кресло и помчалась по галерее, как простая девчонка.

— Дедушка, дедушка! У Морриса брат из Калифорнии! Идите все сюда! Хетти, дедушка!

Генерал Бланшар, маленький сухой старик, вышел к нам бодрым шагом. Откинув голову, он посмотрел на меня и сказал, что я похож на барабанщика его полка, который погиб смертью храбрых при Ватерлоо. Я ответил, что умею не только барабанить, но и играть на трубе. Это вконец расположило ко мне генерала. Он обещал достать трубу и барабан.

— Мари, мы повесим их вместе с другими реликвиями. Я знаю, что у Лану в Филадельфии хранится серебряная труба кирасирского полка Монбрена. Я обменяю ее на бекон. Лану очень любит бекон.

Высунулось несколько любопытных лиц. Длиннющий негр Кардинал смотрел через плечо необъятной тетушки Сорбонны. Крошечные негрятята выглядывали из-за угла галереи. По всему видно, появление нового человека, да еще родного брата Морриса Аллена, было здесь событием.

— Дядюшка Париж, ау! — крикнула Мари в глубину сада.

Из влажного сумрака пахнуло ароматом магнолий и донеслось еле слышно:

— Я тут, госпожа!

— Ау, дядюшка Париж, ау!

Густо-желтая полоса уходящего дня висела под фиолетовым небом. На нем уже высыпали крупные звезды. Рано темнеет на земле Черной Розы.

Меня представили Хетти. Она заметно припадала на одну ногу и очень стеснялась. У нее были красивые золотисто-пепельные локоны, рассыпанные вокруг узкого лица.

Зажгли масляную лампу под огромным розовым абажуром. Хетти отодвинула кресло в тень и залезла на него с ногами, как в люльку.

Люк Чартер завел со мной важный разговор о Калифорнии. Он спросил, есть ли там железные дороги. Я сказал, что строят совсем маленькую от Фолсома до Сакраменто Сити. Чартер интересовался, как я сумел добраться сюда из такой дали.

Я многое мог бы ему рассказать. От Фриско до Денвера я испытал все, что может испытать бездомный мальчишка моих лет, а может, и больше. Впрочем, малолетство не раз спасало меня, иначе вряд ли бы я сидел на галерее Бланшаров живой и здоровый.

Сначала по континентальной дороге я увязался за почтовым экипажем. Но его ограбили среди красных колорадских каньонов, застрелив возницу, который вздумал сопротивляться.

Долину Горного Ручья я прошел пешком, сбив все ноги и едва не замерзнув насмерть. Холод здесь с виду легкий. Но один всадник, проехав всю ночь на лошади, утром обнаружил, что его ноги превратились в ледышки до колен. Их пришлось отрезать.

В Денвере, городе холостяков и бандитов, я случайно попал в перестрелку и чудом

уцелел. Жизнь там стоит дешевле седла. Весь Денвер — сплошные кабаки, игорные дома. Здесь проигрывают золото, добытое в Калифорнии. Время от времени игроки высыпают на улицу и начинают палить друг в друга, стараясь не попасть в шерифа Боба Вильсона. Если попадешь в шерифа, тебя немедленно повесят, а это позорная смерть.

От Денвера до Сент-Луиса я добирался кратчайшей дорогой через прерии, где бывают золотые миражи, а иногда налетает ураган и поднимает в воздух целый фургон. Попадаются белые пыльные места, сплошь заваленные скелетами. Голова тут немеет от солнечного жара.

В прериях я попал к индейцам. Белые проложили дорогу через тропы буйволов, и те ушли в другие места. Индейцы мстили за это. Они напали на наш небольшой караван и всех перебили. Малая Попона хотел вынуть мне сердце кинжалом, но Черный Сокол так сжал его руку, что Малая Попона побледнел.

Потом Малая Попона учил меня курить, он в тот же день забыл, что хотел меня прикончить. Я провел у индейцев несколько дней. Меня не отпускали, да я бы и сам не пошел. Куда идти одному через бесконечные прерии. Ночью на лагерь индейцев напал большой отряд кавалеристов. Это было настоящее избиение. Белые мстили за своих. Я видел, как убили Малую Попону и Черного Сокола. Кавалеристы взяли меня с собой и довезли до форта Атчисон.

Еще немного, и я оказался в Сент-Луисе. В этом городе сошлись три Америки, их делили три реки — Миссури, Миссисипи и Огайо. На западе, между Миссури и Миссисипи, разгуливали здоровенные молодцы в высоких сапогах, мягких шляпах и кожаных куртках. За поясами у них заткнуты ножи и шестизарядные кольты. Каждого белого без ножа и колта они презрительно называют «янки». Переправиться на ту сторону Миссисипи или Миссури для них значит «поехать в Америку».

Янки с Севера другие люди. Небо у них черное от дыма труб, а море около Нью-Йорка засорено, как бочка для мусора. Янки жуют табак, болтают и везде ищут выгоду.

Из Сент-Луиса я решил податься на юг, в Дикси-кантри. Тут теплей и спокойней. Сразу чувствуешь себя важной птицей, потому что ты белый. В Дикси-кантри разрешено рабство.

Я вовремя сбежал из Сент-Луиса, там началась чума. Еще раз я спасся от смерти и теперь живой, здоровый сидел на галерее Бланшаров.

Я быстро освоился с положением «брата». Красивая одежда придавала мне уверенность. Я попробовал поболтать с Хетти, но оказалось, что из нее слова клещами не вытянешь.

Пришел дядюшка Париж. Он поздравил Морриса с тем, что у него появился такой близкий родственник. Он сказал:

— Я всегда говорил мистеру Моррису, что ему не хватает брата.

— Дядюшка Париж, — сказала Мари, — как поживают твои знакомые братец Кролик и братец Лис?

— Ох, маленькая госпожа, — вздохнул дядюшка Париж, — у них трудное время. Ведь пора сеять хлопок. В прошлом году мистер Кролик и мистер Лис договорились сеять хлопок. Но теперь мистер Лис сомневается, стоит ли сеять хлопок.

— Почему, дядюшка Париж?

— С тех пор как мистер Кролик и мистер Лис решили работать в поле вместе, они делят урожай по справедливости. Один получает верх, другой низ. В следующий раз они меняются, один получает низ, а другой верх. В первый год они посадили кукурузу. Мистеру Кролику достались початки, а мистеру Лису корневища. На второй год они посадили брюкву. Мистеру Лису достались побеги, а мистеру Кролику сама брюква. На третий год они посеяли пшеницу. Мистер Кролик взял колосья, а мистеру Лису осталось опять непонятно что. В четвертый раз был картофель, и снова неудача для мистера Лиса. Теперь братец Кролик предлагает засеять поле хлопком. Но вы быстро сообразите, что братцу Лису это никак не выгодно. Вот он и раздумывает, сеять ли хлопок.

— Ну и хитрец твой братец Кролик, дядюшка Париж! — сказала Мари.

— Да, — вздохнул дядюшка Париж, — он очень умный господин. Только, боюсь, зря он сердит мистера Лиса. У мистера Лиса очень острые зубы.

— Сколько ты нам ни рассказывал про этих Лисов и Кроликов, — заметил Чартер, — все обманщики выходят сухими из воды.

— Это до поры до времени, масса Чартер, до поры до времени, — сказал дядюшка Париж.

— А что ты нам расскажешь сегодня? — спросила Дейси.

— Сегодня, госпожа, я расскажу вам кое-что для мистера Аллена и его нового брата. Я так рад, что у мистера Аллена появился брат.

— Он у меня всегда был, — буркнул Моррис.

— О, конечно, мистер Аллен. Только мы его не видели. Я и хотел сказать, что вдвоем вам будет легче ездить на паровозе.

— Ты попал в точку, — сказал Моррис.

— Про паровоз я и хочу рассказать, мистер Аллен, — сказал дядюшка Париж. — Послушайте, красивые господа.

Вот что мы услышали.

Глава 5: Кто придумал паровоз и дорогу

У мистера Аллена очень красивый паровоз, и зовут его «Пегас». Но кто знает, как звали дедушку «Пегаса»? Сэр «Пегас» не очень-то любит говорить, а мистер Аллен, должно быть, его не спрашивал.

Так я вам скажу, что дедушку «Пегаса» звали Белый Дымок. Не верьте людям, которые говорят, что паровоз привезли из-за моря. Паровоз прямо тут и появился, недалеко от нас, и звали его Белый Дымок.

Я думаю, все догадались, как это вышло. Нет тут в наших местах никого головастей, чем кукурузный мальчишка по кличке Кривой Початок и его приятель, табачный бродяжка Чихни-Понюхай.

Все дело в том, что Кривой Початок жил у нас в Черной Розе, а Чихни-Понюхай чуть ли не в Красном Каньоне. Далековато, ведь так? Если Кривой Початок чихнет, Чихни-Понюхай и не почешется.

Кривой Початок — ну, тот парень деловой, он если шалить начнет, пиши пропало, все оборвет, обломает и в суп соли насыплет. А Чихни-Понюхай бездельник, все кукурузную трубочку курит. Лежит нога на ногу и мечтает.

— Послушай, Чих, — говорит однажды Кривой Початок. — Я чай люблю.

— Ну да, — говорит Чихни-Понюхай.

— Я страсть как его люблю. Идти к тебе далеко, а без чаю одно страдание.

— Послушай, Чат, — говорит Чихни-Понюхай. — А ты чайник с собой возьми.

— Ладно, — говорит Кривой Початок. — Только туда я понесу, а обратно уж ты.

Вот и решили. Идет Кривой Початок к Чихни-Понюхай, чайник с собой волочет, в пути из носика попивает. А обратно уже Чихни-Понюхай старается, ташит чайник, пыхтит.

— Послушай, Чих, — говорит Кривой Початок, — что за дурная привычка у нас в Черной Розе пить чай холодным. Я, например, горячий люблю. А он остывает, прямо одно страдание. Я тут было поджег сарайчик по дороге, чтобы подогреть, да хозяину не понравилось.

— Все они так, — говорит Чихни-Понюхай. — А ты жаровню с собой возьми.

— Договорились, — говорит Кривой Початок, — только носить как раньше: я туда, ты обратно.

Взял Кривой Початок жаровню с углями, приладил к чайнику, и давай они это с собой таскать. Совсем запарились. Кривой Початок пятку обжег, а Чихни-Понюхай по ошибке вместо чаю все табак заваривал.

— Одно страдание, — говорит Кривой Початок. — Тяжелая вещь. Я тут у хозяина по дороге мулов позаимствовал, да тому не понравилось.

— Все они так, — говорит Чихни-Понюхай. — А ты не мулов, ты тележку у него возьми. Тележку не в пример легче прятать, она не мычит. А вместо мулов мы будем.

Приглядели маленькую тележку, поставили на нее жаровню, сверху чайник и давай катать туда-сюда. Но дороги у нас неважные. То дождь пойдет, развезет дорогу. То солнце пригреет, из грязи пух сделает. Совсем замучились приятели.

— Послушай, Чих, — говорит Кривой Початок. — Я парень ядреный, у меня мозги кукурузные. Давай-ка свою дорогу, проложим, для каждого колеса — стежку.

— А как? — спрашивает Чихни-Понюхай.

— Тут, я смотрю, на всех помочи. Если их оторвать, вместе сложить, да по земле протянуть, вот и будет для каждого колеса стежка.

— Ну да, — говорит Чихни-Понюхай.

И началось. Не прошло и недели, как все хозяева из Черной Розы и Красного Каньона перестали выходить на улицу. А как выйдут, штаны с них падают. Это Кривой Початок и Чихни-Понюхай все помочи оборвали, уложили в две линейки от Черной Розы до Красного Каньона.

Поставили на ремни тележку. Кривой Початок угольку в жаровню подкинул. Чайник закипел, забурился, белым паром свистнул — и покатились!

— Смотри-ка, — говорит Кривой Початок, — сами по себе едем.

А чайник на тележке вдруг говорит:

— Ничего не сами по себе. Это я вас везу.

— Это мы тебя сделали, — говорит Чихни-Понюхай.

— Глупости, — отвечает чайник, — вы только меня на тележку поставили, да угольку подкинули. А чтоб ездить — это уже я сам.

— Смотри-ка, — говорит Кривой Початок. — Всего-то дырявый чайник, а туда же, сам по себе хочет.

Тут чайник как свистнул, как гукнул, как рванулся вперед, оба приятеля с него кувырком полетели. А чайник помчался вперед и закричал на всю округу:

— Вот вам дырявый чайник! Не чайник я, а Белый Дымок, так и знайте! Еще попроситесь ко мне покататься!

А Кривой Початок и Чихни-Понюхай сидят в канаве, затылки чешут.

— Послушай, Чат, — говорит Чихни-Понюхай, — что это получилось?

А Кривой Початок все затылок чешет.

— Похоже, Чих, — говорит, — придется нам с этим... как его звать?

— Мистер Белый Дымок.

— Похоже, придется нам с мистером Белым Дымком договариваться.

— Похоже, так, — говорит Чихни-Понюхай. С этого дня, милые дети, и появились у нас в Черной Розе паровозы. А самый веселый, самый добрый из них Белый Дымок. Все его знают, и все с ним дружат.

Глава 6: Звезды над Черной Розой

Ночью я вышел на улицу. Майские ночи теплые, но еще не душные, как в июне. Теперь я жил с Моррисом в его вагончике. Кроме паровоза, у Морриса был маленький двухосный вагон, похожий на большую карету. «Пегас» таскал его за собой всюду, а там, где Моррис решал остановиться, он загонял его в тупик.

Вагончик делился на три купе. В одном Моррис устроил спальню, а перегородку между другими сломал, получилась комната. Моррис называет ее «голубая гостиная». Тут еще сохранились остатки голубой обивки. Наверное, раньше это был совсем неплохой вагончик. Он бегал где-то на самых первых линиях в Новой Англии, и на нем стояло клеймо знаменитой фирмы «Пульман».

Спит Черная Роза. Весеннее небо еще не такое бархатное, как летом. Его чернота совсем другая. Она какая-то нежная, незрелая, от нее веет свежестью. И звезды весной не такие, как, скажем, в августе. Они, быть может, помельче, но не такие усталые. Весной не кажется, что крупные, как белые камни, звезды вот-вот сорвутся и упадут на землю.

Несколько лет назад над Черной Розой прошел звездопад. Он начался в полночь и кончился только к утру. Звезды сыпались как из ведра. Кто-то сказал, что это было похоже на бриллиантовый снег. Тысячи метеоров ринулись на Черную Розу и повергли в ужас ее обитателей. Плантадоры в эту ночь, как всегда, играли в карты. Когда звезды одна за одной стали черкать по небу серебряные дорожки, они бросили карты и разбежались кто куда. Все думали, что это конец света.

Кто молился, кто скакал во весь опор на коне, кто накрылся с головой. Один фермер стал поджигать свой дом. Он кричал, что нажил его нечестным путем и теперь хочет очистить себя

перед богом. Несколько человек ломались в дом к судье и признавались в разных преступлениях, но сам судья в это время прятался в погребе.

Какой-то плантатор совсем обезумел и стал палить из всех своих ружей и револьверов. Ему показалось, что в каждой падающей звезде сидит маленький дьявол. Тысячи дьяволят приземляются в садах Черной Розы и разбегаются по округе, чтобы с утра начать свои черные делишки.

Звезды рушились безмолвным дождем. Такого еще никто никогда не видал. Это была ночь чудес. Наутро недосчитались многих негров. Они бесследно пропали, и целых два дня плантаторы боялись устраивать облаву. Опасались, что это проделки нечистой силы.

Несколько деревьев было вырвано с корнем. Очевидцы утверждали, что целые рощи магнолий отплясывали какой-то танец, а болотные кипарисы из трясины Рип Шин выбирались на сушу и странствовали под окнами ферм.

Прибавьте еще к этому, что несколько хозяев, вернувшись после бессонной ночи домой, застали на столах следы какого-то пиршества. Запасы из погребов в беспорядке валялись по столам.

Разлито много сидра и вина, бекон порезан, а на стенах намалеваны белые кресты.

Несколько дней после этой ночи плантаторы терпели и жили без развлечений, но потом опять пошли карты и ночные кутежи. К тому же в газете появилась статья ученого человека. Он объяснил, что над штатом прошел поток Леонидов, обыкновенных метеоров, так что бояться нечего. Добавлю, правда, что сразу после этой статьи ученый человек подавился костью и его еле спасли. В Гедеоне стали говорить, что кость-то оказалась серебряной, сделанной из тех самых Леонидов. Гедеонцы находчивый народ, они сумеют объяснить любое событие.

Низко над горизонтом я нашел четыре звезды Большого Квадрата. Три из них светили голубовато, а на четвертую как бы ложился отблеск пожара. Вправо от Квадрата уходило созвездие Пегас. Его крайняя звезда отдавала медью, а остальные проблескивали очень слабо. Я смотрел на созвездие Пегас и думал.

Зеркальный осколок месяца струил на Черную Розу неясный свет. Встречаясь с блестящими листьями магнолий, тюльпанных деревьев, ильмов и сассафрасов, этот свет превращался в толченное стекло, в серебряный порошок. Он припудривал холмистый простор Черной Розы, ее таинственные леса, сады, болотные заросли. На всей Черной Розе лежал серебряный отсвет ночи. Не Черной, а Серебряной Розой бывает она в такие часы.

Когда я пошел спать в вагончик, уже начинало светать, а Моррис умывался у станционной колонки. Он хотел проверить, начал ли Джим Эд разогревать «Пегаса». Вот еще одна особенность Морриса Аллена: он мог выспаться за какие-то три часа, но мог не выспаться и за половину суток. Это зависело от настроения. У него все зависело от настроения, и вы еще узнаете, какой это был необычный парень.

Он не взял меня в этот рейс. Он сказал, что мне нужно освоиться. Кроме того, Джим Эд по уговору должен с ним сделать еще две ездки. Он надоел ему, этот старый, никуда не годный кочегар. В пути приходится работать за него. Но у Джима Эда умерла жена, дети как сквозь землю провалились за линией Мейсона, и старику нечего есть.

Глава 7: Бешеный Шеп

Я не переставал восхищаться «Пегасом». Какая это красивая машина! У него три пары передних бегунков и одна пара огромных ведущих колес. Как я уже говорил, это редкий тип 6-2-0, сделанный на заводе компании «Кук-Данфорт». Сейчас большинство компаний уже перешло на тип 4-4-0, то есть на паровозы с двумя парами передних и двумя парами ведущих. Такие локомотивы легче берут с места и тянут большие грузы.

«Пегас», конечно, не такой мощный, зато быстроходный. Когда он наберет ход, ни одному 4-4-0 за ним не угнаться. Да и бег у него плавнее, мягче. «Пегас» не железный битюг, он легкий скакун.

Никто не знал толком, откуда у Морриса паровоз. Говорили, что отец его нашел золото в Калифорнии, успел купить паровоз, а потом умер. Говорили, что Моррис спас дочку какого-то миллионера и тот отвалил ему кругленькую сумму. Предполагали, что Моррис нашел клад.

В Гедоне Моррис появился год назад, как раз когда достроили последний перегон до форта Клера. Иногда он исчезал, и все знали, что Моррис работает у коронцев. Это вызывало недовольство. Но Моррис не обращал никакого внимания на вражду между Короной и Гедоном.

Когда Джим Эд отработал свои два рейса, в будку залез я. Не думайте, что с дровами управляться легче, чем с углем. Почище, конечно, но держать пар дровами куда труднее. Топка быстро пожирает запас в тендере, нужно добирать дрова чуть ли не каждые десять миль. Но Моррис умудрялся проходить все восемьдесят миль до форта только с двумя остановками. Правда, он никогда не брал больших грузов.

У «Пегаса» один недостаток. Будка вынесена слишком высоко, сверху тебя продувает насквозь, а снизу поджаривает из топки. Работа у «печеной головы» ох какая нелегкая, но ума много не надо. Знай себе подкидывай да следи за давлением. Еще воду качай, еще сало подливай в масленки, крути тяжелый тормоз, а после рейса выдалбливай шлак из колосников.

Но мускулы у меня хорошие. Я накачал их еще в Мемфисе. Я умел поддерживать в топке белое пламя. Если что-то у меня не получалось, то Моррис помогал. С расхлябанными подшипниками, например, возился только он.

В тот раз мы возвращались с пустыми вагонами из форта. Моррис вел машину легко, даже небрежно. Повороты он проходил, почти не снижая скорости. Перед подъемом плавно открывал регулятор, растягивал состав и одолевал горку без толчков, что удается только самым хорошим машинистам.

Мы ворвались в рощу магнолий.

— Тормоз! — крикнул внезапно Моррис и закрыл регулятор.

Я кинулся к баранке тормоза. «Пегас» остановился, тяжело дыша. Я выглянул из будки. В нескольких метрах перед нами рельсы были завалены подпиленными деревьями.

— Что это? — спросил я.

— Бешеный Шеп, — сказал сквозь зубы Моррис.

Он не выходил из будки.

Грохнул выстрел. Кто-то закричал истошно:

— Убирайтесь отсюда, паршивые янки! Я не пропущу больше ни одной вашей дырявой кастрюли! Вы порезали мне всех свиней! Валите к своему Линкину, убирайтесь на Север!

Снова грохнул выстрел. Мне стало не по себе.

— Это в нас?

— Кто его знает, — сказал Моррис. — Бешеный Шеп. Дорога идет через его поле.

— А что будем делать?

— Подумаем, — сказал Моррис. Снова крик:

— Я вам сказал, убирайтесь! Поворачивайте крокодила! Проклятые янки! Мало того, что вы загадили полстраны, вы еще приперлись к нам в Черную Розу! Кто вам разрешил ездить по моему полю?

— Он уже целый год воюет, — сказал Моррис. — И рельсы разбирает, и путь заваливал.

— Что же мы будем делать?

— Деревья крупные, — сказал Моррис, — попробуем столкнуть их на тихом ходу.

— Но он стреляет!

— Ничего, — сказал Моррис, — мы тоже не лыком шиты. Он открыл крышку ящика и вытащил здоровенный смит-вессон.

— Держи, — сказал он. — Чуть что, пали в воздух.

Он дал гудок, выпустил пар.

— Только попробуй! — заорал Шеп из своей засады. — Моррис, я на тебя не в обиде, но мне надоели ваши вонючие примусы! Я буду стрелять, Моррис, я продырявлю тебе цилиндры!

— Давай, — сказал Моррис.

Мы тронулись, и я три раза гулко бабахнул из смит-вессона.

— Сволочи! — орал Шеп. Он выскочил на полотно и в ярости размахивал руками. — Я подорву вашу ублюдочную дорогу, так и знайте!

Мы несколько метров тащили перед собой деревянный завал. Потом он распался, и Моррис прибавил ход.

Шеп О'Тул ирландец.

Он попал в Америку с «зеленой волной», когда во время знаменитого картофельного голода миллионы ирландцев покинули свою страну и переправились за океан искать счастья. Шеп разводил свиней. Его ферма так и называлась: «Как в Ирландии».

Многим фермерам не понравились железные дороги. Не один Шеп О'Тул воевал с паровозами. Эти страшные громилы распугивали живность, подминали под колеса кур, свиней, коров. Они могли прогрохотать мимо дома ночью, разбивая сладкий сон. Они тоскливо кричали в долинах, чернили сажей леса, шипели, как змеи. Иногда они летели под откос или сталкивались, взрывались. Мирная, тихая жизнь южан была нарушена.

Железные дороги заползали с Севера, заползали, как всякое другое: бойкость, хвастливость, жадность к доллару, а самое главное — эта страшная чума под названием «аболиционизм». Непонятное требование дать неграм свободу. Свободу тому, кто был привезен рабом и другим быть никем не мог! О, эти проклятые янки! Зачем они суют нос не в свои дела?

Я не был аболиционистом, Моррис тем более не был.

Но нам пришлось разбираться в этом вопросе сразу после встречи с Шепом О'Тулом.

В Гедоне, перед тем как расцепиться с вагонами, Моррис пошел проверить, все ли в порядке. Он опасался пакости от Бешеного Шепа. За нами было три «люльки», открытых платформы, и два вагона. Мы заглянули в оба и в последнем обнаружили, что все-таки привезли от Шепа подарок.

Это был крошечный негритенок лет семи, а может, и шести. Он сидел в углу вагона, как блестящая глиняная куколка, и зыркал на нас ослепительными белками. В руках он держал белого котенка.

— Это что еще за явление? — сказал Моррис. — Ты кто такой?

— Вик, мисти сэр, — пискнул негритенок.

— Откуда ты взялся?

Тот молчал и только хлопал большущими глазами.

— Как ты сюда попал, кто твой хозяин?

— Масса Шептун, мисти.

— Какой еще Шептун, черт возьми? Шеп О'Тул?

Негритенок кивнул головой.

— Так, — сказал Моррис. — Значит, ты убежал, черный брат?

Негритенок опять кивнул, глядя на нас широко открытыми глазами.

— И куда же ты бежишь, смоляное дитя?

— К маме, мисти сэр.

— А где ж она, твоя мама?

Негритенок молчал. Он был похож на черного ангелочка. На лице его не было испуга, он только крепко прижимал котенка к груди.

— Значит, не знаешь, где мама? Но, наверное, тебе нужно на Север?

Негритенок кивнул.

— Так! — Моррис вздохнул. — Ты сел в другую сторону, черный брат. Завтра мы отвезем тебя к хозяину, и, когда соберешься снова бежать, спроси сначала, в какую сторону.

Негритенок молчал, прижимая к груди котенка.

— Завтрашним рейсом подбросим его к Шепу, — сказал Моррис. — Может, старый дурак перестанет устраивать завалы.

По лицу негритенка прокатилось несколько больших слез, и тут же он заревел в полный голос.

— К маме, к маме хочу! — рыдал он.

— Черт возьми, ну что с ним делать? — беспомощно сказал Моррис.

— Давай возьмем его к себе — предложил я.

— Ты с ума сошел! Шеп завтра заявит о пропаже. Где ты будешь его прятать? И на кой черт он нам сдался? Я терпеть не могу запаха черных.

— По-моему, у него нет никакого запаха, — пробормотал я.

— Как же! Я как заглянул в вагон, сразу почуюл. У меня нюх собачий.

— Но ведь он исполосует его кнутом, — сказал я.

— Не станет. Потреплет только немного. Зачем ему портить младенца? Он стоит не так уж мало. Ты сколько стоишь, черный брат?

— Десять «уилли», мисти сэр.

— Пятьсот долларов! Неплохо. Я свой вагон купил за семьсот. А сколько за тебя награда при поимке?

— Пять «дикси», мисти сэр.

— Послушай, Майк, — сказал Моррис. — Разве нам помешают пятьдесят долларов? Я не вижу другого выхода. Либо сейчас его выгнать, и тогда его поймает первый встречный. Либо отвезти Шепу и взять свои пятьдесят долларов. Я не вижу другого выхода, Майк.

Я молчал.

— Ты что, против? — спросил Моррис.

— Против, — ответил я.

— Но что же ты предлагаешь? — В голосе у него появилось раздражение.

— Спрятать его.

— Черта с два! Зачем, куда спрятать? Ты хочешь, чтобы я прослыл аболиционистом? Чтобы меня вздернули на суку? Дудки! Я завтра отвезу его к Шепу.

Он повернулся и пошел вдоль состава.

— Зачем ты назвал меня своим братом? — крикнул я ему в спину.

Он повернулся, молча посмотрел на меня.

— Я назвал тебя братом? — спросил он с некоторым удивлением.

— Да! Ты назвал меня своим родным братом тогда у Бланшаров! С тех пор ты об этом не вспомнил. Зачем ты это сделал?

— Да, — он смотрел в землю. — Ты прав. Я назвал тебя братом.

Он молчал еще несколько мгновений.

— Эй, Вик, — сказал он. — Вылезай, бери свою кошку. Ты будешь жить у нас.

Так в нашей компании появился третий. Крошечный негритенок Вик со своим белым котенком Робинотом.

Глава 8: «Парижские штучки»

Каждый свободный вечер мы приходим к Бланшарам. Тут всюду идет игра в «парижские штучки». Иногда на галерею выходит старый генерал и говорит:

— В «парижские штучки» играете, мои молодые друзья? Ну-ну! В бытность мою корнетом я слыл любимцем салонов. Похвально, похвально!

— Ах, дедушка! — Мари капризно кривит губы. — Ты говоришь о чем-то, мы не понимаем.

Но все понимали. «Парижские штучки» — это флирт на галерее Бланшаров. Тут маленькие влюбленности, маленькие признания, радости и огорчения. Все течет и изменяется в этой игре, которую неизвестно кто придумал.

Отис Чепмен сначала ухаживал за Мари, но теперь считается, что он влюблен в Дейси Мей. Это не мешает Отису делать намеки, что от Мари он не совсем отказался.

Люк Чартер вроде бы постоянен. Но когда приходит Флора Клейтон, он оказывает ей все знаки внимания. Наверное, Люк старается вызвать ревность Мари.

Моррис Аллен держится крепче других. Считается, что он тоже поклонник Мари, но Моррис этого не показывает.

Приходят близнецы Смиты. Они чуть ли не за руки держатся. Я не знаю, как они собираются делить Мари, но все, что делают близнецы Смиты, они делают вместе. Вместе на нее смотрят, вместе говорят комплименты, вместе ходят за ней по анфиладам виллы «Аркольский дуб».

Мари отличает то одного, то другого. Сначала приближает к себе близнецов Смитов, потом Чартера. Один вечер не отходит от Морриса, а другой дразнит Отиса Чепмена. Она и мне сразу дала понять, что я могу за ней приударить.

— Что это вы такой скучный? — говорит она. — Могли бы развлечь хозяйку дома. Моррис, у вас очень серьезный брат.

Только за Хетти никто не ухаживал. Оно и понятно: Хетти хромоножка. Последнее время с ногой у ней что-то совсем неладное. Хетти еле ступает и все сидит в углу, сжавшись и накинув тонкий плед.

Затеяли как-то танцы. Близнецы Смиты сели за рояль и дружно ударили в четыре руки. Пары понеслись по блестящему паркету гостиной.

Моррис сидел рядом со мной на диване. Внезапно он встал с самым решительным видом, подскочил к Хетти, схватил ее чуть ли не в охапку и, держа на весу, закружился по зале. Я уже говорил, что паркет тут блестит, как зеркало. На этом блестящем паркете Моррис поскользнулся и грохнулся вместе с Хетти.

Он вскочил, весь красный, стал поднимать Хетти и извиняться. Она сильно ушибла больную ногу. Бледная, она еле доковыляла до кресла и забилась в него со слезами на глазах.

Все расхохотались. Мари возмутилась.

— Вы схватили мою сестру, как куклу! — сказала она.

— Это не ваша сестра, — внезапно брякнул Моррис.

— Что вы этим хотите сказать, мистер Аллен?

— Я?.. Извините, мисс... Я только хотел сказать... — Моррис совсем запутался.

— Какой вы нескладный, мистер Аллен, — снисходительно сказала Мари.

Моррис почти сразу ушел. Я поспешил за ним. Он стоял, прислонившись к забору, и плечи его тряслись. Он плакал.

— Они смеялись, — бормотал он, — они смеялись... А я уронил ее, я сделал ей больно...

В другой вечер неудача постигла меня. Генерал Бланшар все-таки раздобыл трубу. Не только трубу, но и флейту. Он заявил, что тот, кто умеет играть на трубе, обязательно сыграет и на флейте.

Я проклинал свое хвастовство. Я ляпнул, что простудил горло и поэтому не смогу играть. Потом стал уверять, что играл очень давно, в детстве, а теперь разучился. Генерал сразу все понял. Он сказал, что барабанщик его полка, который погиб при Ватерлоо, тоже не жаловался на отсутствие воображения.

— Вы очень, очень похожи, мой друг, на того барабанщика! — говорил генерал, похлопывая меня по плечу.

— Так вы не умеете играть на трубе? — спросила Мари. — А мы так надеялись.

— Да, мы очень надеялись вас послушать, — с удовольствием поддержал Люк Чартер.

— Как-нибудь в другой раз, — сказал я, красный как рак.

С того дня, как Моррис упал вместе с Хетти, его словно подменили. Он стал открыто ухаживать за Мари. Он говорил ей неуклюжие комплименты и раза два приносил цветы.

— Что это с вами, Моррис? — удивлялась Мари, а сама, конечно, была довольна.

Я сам раздумывал, что произошло с Моррисом. Как будто, когда он грохнулся на паркет, из него вылетела пробка, и теперь любовь к Мари Бланшар хлынула наружу.

Сказать по секрету, Мари мне нравилась тоже. Ее щеки всегда розовые. В прищуре глаз под серыми пушистыми ресницами веселые искры. Она очень гордая. Конечно, Мари хочет, чтобы все были в нее влюблены. Но ведь кому-то она отдает предпочтение?

Я никогда не поверю, что это Люк Чартер. Уж слишком он важный и не очень умный. Отис Чепмен? Тоже не то. Чепмен для нее мелковат. Конечно, я имею в виду не рост. О близнецах Смитах вообще говорить не стоит.

Так, может быть, Моррис? Не исключено. А я? Тоже возможно. Как она сказала: «Могли бы развлечь хозяйку дома». В конце концов, я появился недавно, и они еще толком не знают, кто я такой. О, они совсем этого не знают. Мне нравилась Мари Бланшар, не скрою. Но я не хотел показывать этого. Не хотел, и все тут. Я сразу распростился с надеждой, что у нас с Мари что-то получится. А раз с такой надеждой я распростился, значит, я все должен был сделать для Морриса.

За это я и принялся без проволоочки. Я стал расписывать Мари своего «братца». Конечно, старался делать это потоньше. Например, зашел разговор про Джима Эда. Джим Эд так напился, что его нашли лежащим у Капитолия. Я улучил момент и тайком сообщил Мари, что Моррис дает Джиму Эду каждую неделю пять долларов. На это и живет старик, иначе бы помер с голоду.

— Вот как? — сказала Мари и приподняла свои пушистые серые ресницы.

В другой раз я признался Мари, что красивый костюм, в котором я прихожу, вовсе не мой, а Морриса.

— Но почему он никогда его не надевал? — спросила она.

Почему? Этот вопрос поставил меня в тупик.

— Да потому что у него есть десяток костюмов получше этого! — заявил я. — У него вообще много чего есть. Только прошу тебя, Мари, никому об этом ни слова.

В простых разговорах мы всегда были на «ты». И только вечером на галерее заходили тянучку с «мисс» и «мистерами», как и положено у взрослых.

Как-то я спросил Морриса:

— Моррис, а почему ты сказал, что я твой брат?

— Не знаю, — ответил он. — Просто в голову пришло.

— А если они узнают?

— Откуда?

— Но ведь мы с тобой совсем не похожи.

— Подумаешь. Мы же не близнецы Смиты.

— Если бы ты не сказал, что я твой брат, меня бы туда не пустили.

— Почему еще?

— А разве ты не видишь, что туда ходят только богатые? Джим Эд или какой-нибудь мальчишка с Шестой Северной не нужны Бланшарам.

— А разве я богатый? — спросил Моррис.

— Но у тебя есть паровоз.

— Ты думаешь, меня принимают только из-за паровоза?

— Как будто сам не знаешь!

— Знаю! — сказал он с внезапным ожесточением. — Но я не расфуфыриваюсь, как Красный Петух или Отис. Я могу прийти на галерею прямо с паклей в руках. Сяду и буду вытирать руки!

— Зря ты, Моррис, — сказал я. — Надел бы костюм.

Я говорил и немножко завидовал Моррису. Сам бы я ни за что не утерпел нарядиться получше. У него же хватало характера ходить к Бланшарам в простой фланелевой куртке. Тогда я еще не понимал, что все не так просто. Куртка курткой, но в ней Моррис отличался от всех жителей Гедеона, и богатых и бедных.

Ведь он не носил, как тот же мальчишка с любой Северной, домотканые штаны на одной лямке и холщовый жилет. Он не ходил, засунув руки в карманы, с шляпой набекрень, он не жевал табак и не сплевывал коричневой слюной.

Нет, Морриса издали отличал любой гедеонец. Такой, как у него, куртки, на манер норфолкской, не было ни у кого в городе. Такого голубого картуза с длинным козырьком и пряжкой, куда он засовывал цветочек, тоже. Словом, Моррис не хотел одеваться, как все. Даже как дети богатых плантаторов. Вот что я понял несколько позже.

Глава 9: У ручья Спящего Индейца

Поначалу мы прятали Вика. Этот шестилетний черный ангелок все норовил вылезти из вагончика и спросить у первого встречного, где его мама. Моррис даже отпустил ему оплеуху, и Вик долго ревел.

— Да ты, я смотрю, братец, непуганая ворона, — с удивлением сказал Моррис. — Неужто хозяин тебя не лупил?

Но, видно, еще не дошла очередь до маленького раба. Может, и вовсе не замечал его Шеп О'Тул. И это нам помогло. Появился объявление о его пропаже в газете, нам бы несдобровать. Уже с десяток человек на станции знало про Вика. Но Шеп О'Тул на ферме в сорока милях от Гедеона молчал. Может, он давал объявление в газете форта, как-никак все бегут на Север.

Так или иначе, Вик зажил у нас в свое удовольствие, и мы не очень его стесняли. На расспросы любопытных Моррис отвечал, что нанял Вика мыть тарелки у Вольного Чарли с Дровяного полустанка. Если учесть, что у нас было всего три тыквенных плошки, то можно

подсчитать, сколько приходилось Вику работать.

Моррис, наконец, назначил день прогулки на «Пегасе». На галерее Бланшаров радостно закричали и захлопали в ладоши. Казалось бы, он мог катать их каждый день. Но я понимал, почему его еле уговорили. Моррис страшно стеснялся нашего вагончика. Ни на чем другом он не мог везти всю компанию до форта.

Целый день мы чистили «Пегаса». Моррис вытащил банки с краской и кисти. Там, где поободралось, я подкрашивал синим, желтым и красным. Медные поручни теперь горели, как золотые. Мы обдали водой бойлер, вымыли будку. Полевые цветы всегда украшали «Пегаса» спереди, но по случаю гостей мы вставили туда букет «голубых флажков», пахучих ирисов, еще не отцветших в садах Черной Розы.

На «Пегаса» было больно смотреть. Так он сиял медью, пылал красными колесами. Он гордо стоял позади складов, и все проходившие мимо восхищались «Пегасом».

Мы сделали все, чтобы локомотив покрыл своим блеском убогость вагончика. Конечно, мы и там убирались. Вик пыхтел, мешался под ногами, но тоже пытался помогать. С собой мы его не брали, побаивались встречи с Бешеным Шепом. Когда подошло время, мы выставили нашего Вика за дверь, припугнули Шепом и велели до вечера сидеть тихо на грязном пустыре за депо, где сваливают негодную тару и ржавое железо.

Компания набралась человек в десять. Почти все, кто бывал у Бланшаров. Они пришли в яркой летней одежде с корзинами провизии. Они весело смеялись и дурачились.

Моррис слегка заважничал. Он разговаривал коротко и неохотно, все время вытирал чистые руки паклей. Гости были очень почтительны. Они понимали: тут вам не галерея Бланшаров, тут паровоз Морриса Аллена. Даже Люк Чартер задавал какие-то вопросы об устройстве водяных кранов.

В грязной рабочей блузе я чувствовал себя не очень ловко.

— Послушай, Моррис, — щебетала Дейси Мей, — где вы сорвали такие большие ирисы? Правда ведь, голубой — это цвет любви?

— Правда, — важно ответил Моррис.

Я хотел его поправить. Цвет любви красный. Но я сдержался.

Весь путь от Гедеона до форта мы пронесли со страшной скоростью. «Пегас» шел «под белым пером», то есть с фонтанчиком пара, рвущимся из предохранительного клапана. Я работал как сумасшедший, поддерживая высокое давление. Моррис входил на полной скорости даже в туннели.

Пожалуй, мы немножко перестарались. В форте наши гости высыпали из вагончика слегка перепуганные, они никогда не ездили так быстро. Но потом они успокоились.

В форте мы были недолго. Посмотрели только, как по большой реке шлепают колесами двухтрубные пароходы. Пикник решили устроить на обратном пути у ручья Спящего Индейца. Моррис хорошо знал это место. Здесь рубили дрова два свободных негра Вольный Чарли и Плохо Дело. Они раскладывали дрова на платформе, и проходящие паровозы делали заправку.

Интересно смотреть, как меняется пейзаж по дороге. От Черной Розы земля начинает потихонечку лезть вверх, бугриться, выставлять каменные обрывы. Это предгорье Красного Каньона, его называют Подметка.

Тут уже нет богатых плантаторов, потому что нет полей для хлопка. Да и земля другая. Потихоньку меняется цвет. Из черного он переходит в желтоватый, а потом и вовсе в красный. Пыль была серая, стала золотистая. Леса высоченной длинноиглой сосны, белая пена кизилевых зарослей, тутовые и ореховые рощи, кедровые, ясеневые перелески спускаются и взбираются вверх. Шумят быстрые речки и водопады.

Тут живут совсем бедные люди. Глиноеды, или «билли с гор», — так их зовут. Глиноеды промышляют сбором шишек, орехов. Кое-кто выращивает табак, а некоторые пытаются собирать виноград. Но виноград здесь неважный, и даже на свое вино глиноедам его не хватает. Глиноеды здорово пьют. Их выручает яблочный сидр и сахарное пиво.

Мы остановились у Дровяного полустанка, вынесли корзины с едой и пошли наверх. Здесь начинался лес огромных белых дубов, каждый вдвоем не обхватишь. Повсюду цвел нежными звездочками ясенник. Я стал обрывать его почки. Дома сделаю «майское вино», такой крепкий кисловатый напиток.

Мы шли и шли, и перед нами открылась заброшенная индейская деревня. Она заросла ковром желтых и красных азалий. Индейские земляные домики стали похожи на зеленые пирамиды.

Когда-то здесь жили индейцы крики. Но белые за бесценок купили у их вождей все земли. Многие не хотели уходить. Тогда приехала кавалерия, всех выгнали из домов, и до самой Оклахомы на запад шли индейцы от родных мест. Эту дорогу они называли «тропой слез».

В последнюю ночь, перед тем как покинуть лес белых дубов, один индеец сказал, что хочет заснуть и проснуться только тогда, когда все вернутся в свою деревню. Он заснул, и его зарыли в землю. Теперь он спит где-то здесь и ждет, когда все вернутся. Но много ли их осталось в живых? Ведь было это лет двадцать пять назад.

Все бегали и веселились, а я лег под огромной раскидистой кроной и стал думать. Жил когда-то такой человек Даниэл Бун. Он построил в лесу избушку и не хотел ехать в город. У него было ружье с очень длинным стволом и надписью на прикладе «лучший друг Буна». Он охотился и добывал себе пищу. Он никого не хотел видеть.

Я бы тоже пожил, как Даниэл Бун. Есть еще такие места на свете, куда не забредают люди. Я смотрел на ручей Спящего Индейца. Через большие камни он перекидывал свою прозрачную, звонкую воду, и камни эти горели нежным фиалковым мхом.

Я вспоминал сказки, которые слышал от индейцев. Там был добрый медведь Нокози и хитрый кролик Пасикели, лягушка Коти и свирепый лев Истипапа. Там был маленький воробьишка, которого никто не принимал играть. Однажды сошлись играть в мяч две команды. Одна с зубами, другая с перьями. Но воробьишку не брал никто. «Ты слишком мал», — говорили ему звери и птицы.

Игра началась, мяч летал туда-сюда. И птицы стали побеждать, они подкидывали мяч высоко в воздух, а звери не доставали. Прыгал волк, прыгала пантера, но все было напрасно. Тогда маленький воробьишка сорвался с ветки, подхватил мяч на лету и передал его зверям. И те победили. С тех пор они решили, что воробьишка будет играть в их команде.

Я разыскал Хетти. Она сидела в стороне от всех. Рядом лежала палка: теперь Хетти ходила только с палкой.

— Устала, Хетти? — спросил я.

— Немножко, — ответила она.

— Хетти, а что у тебя с ногой?

— Не знаю. Болит все сильнее.

— А что сказал доктор?

— Мы доктора уже не зовем. Дедушка говорит, что ничто не поможет.

Какие у нее красивые волосы! Пожалуй, не хуже, чем у Мари, даже лучше. Ее лицо совсем прозрачное, как у человека, который долго болел, а глаза грустные. На ее розовом платье лежало несколько сорванных желтых азалий. Она перебирала их тонкими пальцами.

— Хетти, — сказал я, — тебе нравится Моррис?

— Нравится, — ответила она просто.

— Мой брат всем нравится, — сказал я важно.

— Но это не твой брат, — спокойно сказала она.

— Почему ты думаешь? — Я насторожился.

— Я не думаю, — она пожала плечами. — Я знаю. Только я никому не скажу.

— А что тут говорить? — возразил я неуверенно. — Но почему ты все-таки думаешь?

— Потому что у меня нет брата, — ответила она тихо.

— Ну и что? — удивился я.

— Я бы очень его любила.

— Кого, Морриса?

— Нет, своего брата.

— Ничего не понимаю. Ты какая-то чудная, Хетти. Если у тебя нет брата, значит, и у меня не должно быть?

На ее щеках появился румянец. Она молчала.

— Нет, говори! — Я вскочил. — Давай говори, почему это Моррис не мой брат?

Но она молчала. Она разорвала ветку азалии, и глаза у нее чуточку покраснели.

Я ушел и стал бродить по поляне. Остальные бегали и ловили друг друга. Я остановил разгоряченную Мари и оттащил ее в сторону.

— Тебе нравится Моррис? — спросил я.

— Вот еще! — Мари насмешливо скривила губы. — Ты больно схватил меня за руку, у меня будет синяк.

— Нет, он тебе нравится! — сказал я.

— Что это с вами, мистер Майк Аллен? — Мари поправляла разлетевшиеся волосы, губы у нее горели, глаза сияли. — Что это с вами всеми сегодня? Люк Чартер толкается. Отис подставил ножку, а ваш братец смотрит зловещим взглядом и ходит за мной с палкой.

— Потому что он в вас влюблен, — брякнул я.

— Вот как? Ты думаешь, это для меня новость?

— Много о себе думаешь, — сказал я.

Она прищурила и без того сощуренные глаза и сказала:

— Сколько бы я о себе ни думала, мистер Аллен номер два, но я предпочитаю думать о себе, а не о вас.

И она убежала, крикнув мне издалека:

— Дурак!

Меня аж пот прошиб. От «мистеров» перешли к «дуракам». Нет, этого я не прощу. Может быть, она назвала меня дураком, потому что на мне рабочая блуза? А может быть, может... Уж как-то больно весело она это крикнула. Что она хотела сказать?

Я застал Морриса болтающимся на ветке перед Хетти. Он дрыгал ногами, как цирковой клоун, но огромная ветвь даже не пригibasась. Ах, да он просто что-то отламывает!

Вот Моррис соскочил и протянул Хетти кустистый пожелтевший отросток.

— Что ты делаешь? — сказал я. — Ведь это ведьмина метла!

— Какая метла? — спросил он удивленно.

— Это ведьмина метла. Ты что, не знаешь? Это больная ветка, видишь, листья уже пожелтели, видишь, сколько сучков на ней?

— То-то я подумал: чудная ветка, — пробормотал он. — Поэтому и отломил. Красивая.

— Красивая! — сказал я. — Это ведьмина метла. Если кому-то хотят причинить несчастье, подкидывают ведьмину метлу.

— Что? — Его лицо вытянулось. Он вырвал ветку из рук Хетти и отбросил в сторону.

— Да это просто поверье, Моррис, — сказал я. Я был поражен. Он весь просто затрясся. Он озирался, как будто что-то искал, губы его кривились.

— То-то я думаю... — бормотал он.

— Не расстраивайся, Моррис, — сказала Хетти. — Я первый раз слышу про такую примету.

Тут прибежали, держась за руки, близнецы Смиты и потребовали открыть корзины. Мы расстелили пледы, разложили еду и принялись уминать бутерброды, холодную индейку, запивая клюквенным морсом.

А вечером на галерее мы слушали рассказ дядюшки Парижа.

Глава 10: Как кукурузный мальчишка Кривой Початок и его приятель Чихни-Понюхай лечились от любви

Однажды кукурузный мальчишка Кривой Початок и табачный бродяжка Чихни-Понюхай влюбились в хлопковую девочку Белую Коробочку.

Они на поле ее увидели, и Кривой Початок сразу сказал:

— Что-то у меня пятка чешется.

А Чихни-Понюхай:

— У меня нос зачесался.

Дальше больше. Все чешется у приятелей. Кривой Початок и говорит:

— Послушай, Чих, никак, мы влюбились, а? У меня любовь всегда начинается с пятки.

— А у меня с носа, — говорит Чихни-Понюхай.

Дальше больше. У одного печенка чешется, у другого селезенка.

— Невозможная жизнь, — говорит Кривой Початок. — Пойду ее за косичку дерну.

Пошел и дернул Белую Коробочку за косичку. А Чихни-Понюхай ей ножку подставил. Белая Коробочка обиделась.

— Еще обижается, — сказали приятели. — Из-за нее страдаем.

А сами еще больше влюбились.

— Что теперь делать? — говорит Чихни-Понюхай.

— Надо лечиться, — отвечает Кривой Початок. — Пойдем спросим кого-нибудь.

Пошли к мистери Лису, спросили его, как лечатся от любви. Мистер Лис говорит:

— Видите это поле? Если его прополоть, вся любовь вылетит.

Принялись за работу приятели. Пололи, пололи, все взмокли. Все поле прошли, а любовь не прошла.

— Сильная у вас болезнь, — говорит мистер Лис. — Видите тот лесок? Если там пару сосен свалить и дров наколоть, любовь выскочит.

Снова взялись приятели. Пилят, дрова колют.

— Послушай, Чат, — говорит Чихни-Понюхай. — А не на него ли мы стараемся? Похоже, он нас надувает.

— Похоже на то, — отвечает Кривой Початок. — Но раз взялись, давай доделаем.

И пилят они, и пилят. И рубят, и рубят. Только щепки летят.

— Хватит! — кричит мистер Лис. — Хватит уже! На две зимы нарубили!

А они все пилят да рубят.

— Раз за дело взялись, надо кончить, — говорят.

— Перестаньте! — кричит мистер Лис. — Весь лес погубите!

А приятели трудятся.

— Караул! — кричит мистер Лис. — Убивают!

А приятели все свое. Повалили лесок мистера Лиса, сарай распилили в придачу и тогда успокоились.

— Не будешь обманывать, рыжий, — сказал Кривой Початок.

— Разбойники! — голосит мистер Лис. — Я на вас управу найду!

Управа управой, а любовь не проходит. Решили сходить к мистери Кролику. Спросить у него, как от любви полечиться. Мистер Кролик подумал-подумал и говорит:

— А какое у нее приданое?

— Что за приданое? — спрашивают приятели.

— Ну, хозяйство большое ли?

— Да целое хлопковое поле.

— Тогда проще простого. Надо посвататься. Женитесь на Белой Коробочке, любовь сразу пройдет, а хлопковое поле будет ваше.

Отправились приятели к Белой Коробочке.

— Пришли на тебе жениться, — говорят. — Уж больно хвораем, все чешется. Мистер Кролик сказал: как женимся, так все пройдет, а хлопковое поле будет наше.

— Я согласна, — говорит Белая Коробочка. — Только замуж выходят за одного. Кто из вас на мне женится?

— Мы оба, — говорят приятели.

— Так не бывает, — отвечает Белая Коробочка. — Тут ни у кого нет два мужа. Выбирайте скорей, кто хочет на мне жениться и взять хлопковое поле в придачу.

— Я первый влюбился, — говорит Кривой Початок.

— Нет, я первый, — говорит Чихни-Понюхай.

— Нет, я первый! — кричит Кривой Початок.

— Нет, я! — кричит Чихни-Понюхай.

Слово за слово и подрались. Лупят друг друга, по земле катаются. А хлопковая девочка Белая Коробочка преспокойно ушла домой.

Колотили, колотили друг друга приятели, шишек наставили. Потом сели на землю, отдышаться не могут. Кривой Початок говорит:

— Послушай, Чих, чего это мы подрались?

- Да что-то не помню, — говорит Чихни-Понюхай. — Кажется, от чего-то лечились.
— Не от простуды?
— Да вроде того.

Вот как умный мистер Кролик вылечил приятелей от любви. Он в это время аппетитно кушал капусту в огороде у Кривого Початка. Если тебе не отплачивают добром за добро, то возьми эту плату сам. Так всегда думал мистер Кролик. Так он и поступал.

Глава 11: «Страшила» в путь собрался

Когда я в первый раз увидел «Страшилу», то просто остолбенел. Такое и во сне не приснится. Вот чудище так чудище.

«Страшила» стоял и пыхал серым дымом. Его труба с хорошенькую башню расширялась кверху, а потом снова сужалась и напоминала здоровенную урну. Паровоз такого типа встретишь не часто. На дорогах его называют «верблюд» за то, что бойлер не лежит, как у других, а стоит торчком. Над ним еще громоздится кабина размером с домик сторожа.

«Страшила» очень большой. Стоишь рядом с ним, как муха, даже до цилиндров не достаешь головой. Кто придумал такого уroda? Ему даже имя постеснялись дать, только номер стоял — 13, но весь Гедеон звал «тринадцатого» «Страшилой».

Весь он какой-то неуклюжий, но мощный. Он всегда напоминал мне одного рабочего в Джексоне по кличке Горилла. В Горилле было не меньше шести футов роста и не больше одного фунта мозгов. Горилла имел привычку хватать в охапку и так сжимать, что глаза на лоб лезли. Так он чуть не удавил одного парня, который назвал его крысоловом. А в этом не было ничего обидного. Горилла родом из Флориды, всех тамошних, как известно, зовут крысоловами. Все дело в том, что у Гориллы не хватало извилин, но придавить он мог кого угодно. Все боялись Гориллу.

«Страшила» соперничал с «Пегасом». Машинист «Страшилы» Джеф Деннис, по кличке Кузнечик Джеф, и вправду был похож на кузнечика. Он выпархивал из будки и лазил по своей огромной машине с утра до ночи. Он мог висеть на трубе «Страшилы», как муха на потолке.

Джеф Деннис обожал «Страшилу». Он звал его «мой маленький». Он гордился тем, что «Страшила» брал с места состав в сто осей, доверху груженный тюками с хлопком. Вместо свистка он сделал «Страшиле» страшный гудок, и тот потрясал своим ревом Черную Розу.

Кузнечик Джеф много раз предлагал Моррису потягаться. Он брался перетянуть «Пегаса» на сорока футах, тогда как Моррис мог кипятить свой котел на полную катушку.

Моррис отвечал, что готов поиграть с ним в салочки.

— Ты будешь идти под белым пером, а я на тех же сорока. Зачем мне с тобой тягаться? Ты бегемот, а я австралийская динго.

Это выводило Кузнечика из себя. Все-таки скорость ценилась в Черной Розе больше, чем сила. Джеф Деннис клялся, что, когда переберет все подшипники и заменит тендер на более легкий, он побьет «Пегаса» и в гонке.

Но «Страшила» прославился раньше, чем Джеф Деннис перебрал подшипники и прицепил новый тендер.

В этот день на станции было столпотворение. Чуть не полгорода собралось. «Страшила» стоял, увитый зеленью и увешанный флажками. К нему прицепили открытую «люльку», тоже украшенную и расцвеченную.

«Рыцари Юга», самые богатые плантаторы, наняли «Страшилу» и собрались разъезжать по всей Черной Розе. Они назвали этот путь «рейс надежды».

«Рейс надежды» начался в Гедеоне с шума, крика, с пылких речей и грома духового оркестра пожарников.

На «люльку» взобрался мистер Смит, владелец двухсот негров, он же главный держатель акций железной дороги.

— Накипело! — крикнул он. — Я предъявляю Северу всего пять обвинений, а мог бы предъявить пятнадцать! Правдами и неправдами Север добился большинства в Сенате и Конгрессе — это раз. Он уничтожил закон о выдаче беглых негров — это два. Свободные граждане Юга! Мы теряем ежегодно миллион долларов на побегах черных, а Север получает

рабочую силу!

Я посмотрел на нашего Вика. Он уютно устроился на черепичной крыше вокзала, сосал какую-то дрянь и безмятежно слушал мистера Смита.

— Граждане! — продолжал Смит. — Мало того, что Север отказывает нам в выдаче нашей собственности. Он делает все, чтобы потери наши росли! Он побуждает негров к восстанию, он выпускает мерзкие книги и прославляет таких, как Джон Браун! Это три!

— Позор! — заорала толпа.

— Мораль на Севере распалась! — кричал Смит. — Это четвертое обвинение. Посмотрите, что там творится! Религия приходит в упадок, церковь не посещают! Бедняки развращены бездельем и кормятся за счет филантропов. На Севере разрешен развод, там ничего не стоит бросить своих детей!

— Позор! — кричат гедеонские красавицы. Они нацепили на платья бумажные черные розы, а многие мужчины пришли с длинными картонными носами. Они вспомнили, что символ их штата дятел, а дятел упорная птица, всю жизнь он долбит и долбит.

— Мое пятое и самое главное обвинение! — говорит Смит. — Нам нет дела до того, чем занимаются янки. Пусть они погрязнут в своей жадности, пусть заплюют свой Север копотью, пусть каждый из них скопит миллион. Но почему они не оставят нас в покое? Почему они тянут свои грязные руки в наши края, почему развращают наших детей дешевыми соблазнами?

— Отделение! — кричит толпа. — Мы не хотим их знать! Мы отделяемся! Провести границу! Не пускать их сюда!

Я снова с опаской посмотрел на Вика. Быть может, здесь где-то Шеп О'Тул? Правда, еще несколько мальчишек устроились на крыше. Они швырялись сосновыми шишками, плевались из трубок горошинами и тоже вопили:

— Отделение! У-лю-лю!

Оратор за оратором сменялись на «люльке».

— Вы знаете, кто такой Линкин? — кричал один. — Или Линкорн, как его там?

— Линкольн, — поправили из толпы.

— Мне все равно, как его звать! Но я читал, что хочет эта обезьяна. Он похож на обезьяну, говорю вам! Я видел его портрет в газете! Он хочет отпустить всех черных на свободу, не спрашивая, хотят ли они свободы!

На платформу втащили какого-то перепуганного негра и спросили его:

— Ты хочешь свободы? Говори, не бойся! Никто тебя не тронет. Ты хочешь свободы?

— Нет, сэр, — ответил перепуганный негр. — Я не хочу.

— А почему ты не хочешь свободы?

— Что же я тогда буду есть, сэр? Ведь мой хозяин кормит меня. Если я буду свободным, никто не возьмет меня на работу.

— Но почему многие твои братья убегают на Север?

— Почем я знаю, сэр? Я никогда не убегал. Хозяин кормит меня и никогда не бьет.

— Смотрите! — кричал оратор. — Пока он не хочет свободы! Но он захочет ее, говорю вам, захочет! А когда он захочет свободы, он пойдет дальше. Он выгонит вас из ваших домов и захочет в них жить. Он захочет быть вашим хозяином!

— Но я не хочу быть хозяином, — сказал негр, и лицо у него посерело. Он почувствовал, что дело принимает скверный оборот.

Но оратор проявил милость. Толпу южан всегда можно довести до того, что она растерзает любого негра. Тем более такого, который «хочет стать хозяином». Но сегодня этого не случилось. Негра отпустили.

— Если президентом выберут Линкина, нам крышка! — сказал оратор. — Он превратит Юг в мусорную яму для своих заводов!

— Хотим Брекенриджа! — закричала толпа.

— А я говорю вам, что будет Линкин! За него весь Север, а там живет двадцать миллионов. У нас один выход — отделение!

— Отделение! — закричала толпа.

— И это отделение начнет Черная Роза!

— Славься, Черная Роза! Пусть сбудутся наши грезы! — хором запела толпа.

И тут я увидел Шепа О'Тула. Он стоял перед самой «люлькой» и, широко разевая рот, пел вместе со всеми:

Славься, Черная Роза!
Пусть сбудутся наши грезы!
Пусть сбудутся наши грезы!
Пусть сбудутся наши грезы!

Я аж похолодел. Стоило ему оглянуться и посмотреть на крышу. Я толкнул локтем Морриса и показал ему на Шепа. Моррис тихо выругался.

Вик как ни в чем не бывало сидел чуть ли не на самом коньке. Как только он туда забрался! Я обошел вокзал с обратной стороны и увидел, что тут приставлена лестница. Я быстро забрался на крышу и схватил Вика за шиворот.

— Ты что тут делаешь, болван? — прошипел я.

— Сосу, мисти сэр. — Он вытащил изо рта и показал мне какой-то корешок. — Хочешь?

— Давай отсюда, тарелки грязные, — сказал я.

— Чистые, мисти сэр, — ответил он.

— Они еще говорят о нашей жестокости! — говорил тем временем другой оратор. — Разве мы держим негров в кандалах? Разве по улицам Гедеона не разгуливают свободно так называемые рабы? Посмотрите на крышу вокзала, сколько там устроилось черномазых! Они свободно слушают волеизъявление наших горожан!

Толпа, как по команде, обернулась в нашу сторону.

Тут я рывком сдернул Вика на другой скат и чуть ли не скатился вместе с ним к лестнице. На земле я отпустил ему пару хорошеньких тумачков. Он было завыл, но я сказал:

— Ты видел своего хозяина?

— Нет, мисти сэр.

— Он тебя ищет. Сейчас же беги и прячься за депо. Мы за тобой придем.

Но все обошлось. Шеп не заметил Вика.

«Страшила», стало быть, собрался в дорогу. На него укрепили голубое знамя с большой черной розой в середине и маленькими розами на белом кресте. Кузнечик Джеф сидел в будке сам не свой от счастья. Предстоял путь до форта со многими остановками. В Аржантейле, Кроликтауне и Пинусе, в крошечных селениях и даже на плантациях.

Везде будут говорить речи, проклинать Север и призывать к отделению. Похоже, Гедеон вспомнил, что он когда-то был столицей. Черная Роза затеяла большое дело. «Страшילה» предстояло стать знаменитостью.

Бьюсь об заклад, что, сидя в будке, Кузнечик Джеф представлял, что ему и «Страшילה» когда-нибудь поставят памятник. Если вдруг отделится Черная Роза, а за ней все южные штаты, как же тогда без памятника?

Правда, начал «Страшила» не слишком удачно. На первых же милях сорвалась муфта в водяном насосе. Джеф и его помощник возились с ней целых два часа.

По этому случаю мы с Моррисом сочинили песенку:

«Страшила» в путь собрался,
Надел венки из роз,
В пути он растерялся
И к насыпи прирос.

Глава 12: Белые и черные

Моррис часто заводил с Виком один и тот же разговор. Особенно во время работы, когда обхаживал «Пегаса», крутил гайки, заливал масло. Вик стоял рядом, засунув в рот палец.

— Так, — говорил Моррис, валяясь под колесами. — Значит, ты сбежал?

— Да, мисти сэр, — отвечал Вик.

— Так... — тянул Моррис. — Выходит, ты себя украл у хозяина?

— Угу, — отвечал Вик. Этот разговор почему-то доставлял ему удовольствие.

— А сколько ты стоишь, мой африканский внук?

— Десять уилли, сэр.

— Выходит, ты украл у своего хозяина пятьсот долларов?

— Да, мисти сэр.

— И тебе не стыдно? Разве хорошо красть?

Лицо Вика расплывалось в широченной улыбке, и вся обойма белых зубов сияла на солнце.

— А котенка ты тоже украл?

— Да, мисти сэр.

— А сколько же стоит твой котенок?

Вик молчал и улыбался до ушей.

— Я думаю, доллар-то он стоит, смоляное дитя? Значит, ты украл у своего хозяина пятьсот один доллар. И тебе не стыдно?

— Угу, — пищал Вик.

— А вдруг ты сбежишь и от нас? — спрашивал Моррис. Вик мотал головой.

— А между прочим, лучше бы сбежал. Ты знаешь, что из-за тебя нас с Майком могут повесить?

Вик радостно кивал головой.

— Ах ты паршивец! — Этим кончалась беседа. Иногда Моррис входил в вагончик и морщил нос.

— Я бы не хотел жить в Африке, — заявлял он. — Там слишком много негров.

— Но и здесь их немало, — замечал я.

Кто-то назвал Черную Розу слоеным пирогом из черного и белого теста. Если так, то черным тестом были, конечно, негры, белым — нищие вроде Джима Эда, а уж плантаторы — крем сверху пирожка.

Свободных негров в Черной Розе почти нет. Я знал только двоих, Вольного Чарли и его помощника Плохо Дело с Дровяного полустанка. Какой-то сумасшедший плантатор на Миссисипи распустил своих негров, и вот двое перебрались сюда.

Зря они это сделали. Надо было подаваться за линию Мейсона, границу между Пенсильванией и Мерилендом. Там спокойней. А здесь, в Черной Розе, свободный негр хуже белой вороны.

— Нет, застрели меня из двадцать второго калибра, в толк не возьму, что это за штука, свободный негр? — говорил плантатор. — Съезжу-ка посмотрю. Я хочу поглядеть, что у него за рыло. Чем отличается от моих голубчиков. Неужто его нельзя выпороть?

Вольный Чарли и Плохо Дело думали, что если они заберутся в горы, то никому не будет до них дела. Но они ошиблись. Спасало их только то, что в этом месте белые не хотели рубить дрова для дороги. Глиноеды тем и отличаются, что они работают не больше, чем нужно для прокорма. А много ли требуется одному человеку? Подстрелил пару куропаток — вот тебе и еда на три дня. Зачем еще рубить дрова?

Несколько раз проездом белые палили по хижине Вольного Чарли и Плохо Дело. Но те, как слышат свисток паровоза, сразу прячутся за валуны. А дрова? Дрова уже на платформе, бери столько-то охапок, оставляй денежки. Машинисты не обманывают негров, они всегда платят. Иначе не будет дров на Дровяном полустанке перед самым большим подъемом на всей дороге.

Моррис затеял с Вольным Чарли особое дело. Недалеко от полустанка он нашел уголь, неглубоко под срезом горы. Моррис решил переходить на «алмаз». Это куда выгодней: можно катить до самого форта без единой заправки с любым грузом.

Но только он сомневался, что Вольный Чарли и Плохо Дело потянут. Да ведь и платить надо больше. Уголь колоть — не сосну пилить.

— Эй, корсары! — кричал Моррис, когда останавливался «Пегас».

Вольный Чарли и Плохо Дело выглядели из-за валуна.

— Как дела?

— Ох, не спрашивай, Моррис, — вздыхал Плохо Дело. — Неважные дела, совсем неважные. Вчера опять проезжал кто-то и ругался. Говорит, сверну вам шеи.

— Да вы сами ему сверните, — шутил Моррис.

— Я бы свернул, — мрачно говорил Вольный Чарли. — Только нас очень мало. Всего двое. А вас очень много.

— Нет, дорогой брат, — говорил Моррис. — Это нас мало, а вас много. Ты считал, сколько негров во всей Черной Розе?

— Это стадо черных овец, а не негры.

— Ничего, — успокаивал Моррис. — Когда-нибудь овцы станут пантерами.

— Долго ждать, — мрачно отвечал Вольный Чарли.

Что и говорить, неграм нелегко в этих краях. Однажды я читал в газете статью. В ней говорилось, что негр устроен совсем не так, как белый. И скелет у него другой, и кровь течет не в ту сторону, и желудок другого размера. Похоже, что это враки, но не все думают так, как я.

Однажды на галерее Бланшаров зашел разговор о белых и черных, о мулатах, креолах и индейцах.

Был среди гостей какой-то белобрысый увалень, сын богатого фермера. Слушал этот увалень, слушал, а потом встал и говорит:

— Негр похож на лошадь. Он пахнет, как лошадь, а у некоторых в штанах спрятан хвост!

— Фу! — сказала Дейси Мей, а Мари Бланшар покраснела.

Чем отличаются негры от белых, так это своим суеверием. Я люблю слушать про всякие приметы, а тот же Плохо Дело называл мне сотни:

— Если увидишь в зеркале покойника, будешь несчастлив.

— Если кролик перебежит тебе дорогу налево — плохой знак, направо — хороший.

— Если чихнул в постели, кто-то придет.

— Не жги лавр в доме: плохая примета.

— Не подметаю под кроватью больного, а то умрет.

— Если ты первый человек, на которого поглядела кошка, после того как облизалась, скоро женишься.

Вообще насчет любви да женитьбы у негров уйма всяких примет.

— Пройди девять шагов назад, топни ногой. В этом месте найдешь волосок цвета, как у любимой девушки.

Мы с Моррисом пробовали. Моррис отшагал девять шагов спиной, топнул, уткнулся носом в землю, долго разглядывал, а потом только выругался.

— Если ты выругался в том месте, где нашел волосок любимой девушки, то обманешь ее два раза, — сразу сказал Плохо Дело.

Когда я пошел спиной, то споткнулся и полетел. И на это у Плохо Дело нашлась примета.

— Если ты упал и ударился затылком, сразу гляди на небо. Если солнце, все будет хорошо. Если облака, жди несчастья.

Маленькое облачко как раз набежало на солнце.

— Что мне теперь будет, Плохо Дело? — спросил я.

Он долго разглядывал небо и решил:

— Совсем небольшое несчастье, Майк, совсем небольшое. Ну, может быть, ты немножко влюбишься.

— Что же тут плохого? — спросил я.

— Не знаю, ох, не знаю, Майк. Любовь не всегда хорошее дело.

На каждой плантации есть негр, который знает тысячи всяких историй. Вечерком вокруг него садятся в кружок, и начинаются побасенки. В имении «Аркольский дуб» таким негром был дядюшка Париж. Плохо Дело тоже не ударил бы лицом в грязь. Его рассказы покорооче, он не умеет придумывать на ходу, как дядюшка Париж, но я слышал от него много интересного.

Жил у большого болота совсем маленький человек Джек-по-колени. Гордый был Джек-по-колени, ох какой гордый! Не нравилось ему, что он маленький, хотел стать большим.

Пошел Джек-по-колени посоветоваться к мистеру Коню. Как сделаться большим? Мистер Конь посоветовал есть кукурузу и вертеться на месте, пока не накрутишь двадцать миль. Джек-по-колени стал есть кукурузу, крутиться на месте и накрутил двадцать миль, а то и больше. Но большим не стал.

Пошел Джек-по-колени к братцу Быку, спросил у него, как стать большим. Братец Бык посоветовал есть траву и кланяться, кланяться, пока не подрастешь. Так и поступил

Джек-по-колени, но даже на дюйм не вырос.

Пошел тогда к мистеру Филину. Спросил у него:

— Как стать большим?

— А зачем тебе становиться большим? — спросил мистер Филин.

— Чтобы всех побеждать.

— А кто на тебя нападает?

— Да пока никто, — ответил Джек-по-колени.

— А ты на кого хочешь напасть?

— Да вроде ни на кого, — ответил Джек-по-колени.

— Знаешь что, — сказал мистер Филин, — залезь-ка вон на то дерево, посиди дня два да крепко подумай. Тебе ведь надо ума поднабраться, а не роста.

Вот что сказал маленький мистер Филин маленькому Джеку-по-колени. Потому что мистер Филин был умный, а Джек-по-колени дурак.

Вольный Чарли и Плохо Дело с берегов Миссисипи, поэтому они говорят, как простуженные, словно у них нос заложило.

— Давтра пойдем рубить д утра пораньше.

Плохо Дело может сказать:

— Я идет домой.

Или:

— Эй, Моррис, Майк, вы уже поехала?

Это я к тому, что негры любят здорово коверкать речь. Наш маленький Вик так и сыплет словечками, которых мы никогда не слыхали. Шляпу он называет «бидон», своего котенка «минни», лужу после дождя «брюле». На каждом шагу он сплевывает и бормочет: «Гри-гри!» Это что-то вроде «тьфу-тьфу, пропади нечистая сила».

Что ни говори, а Вик симпатичное создание. Как-то утром открываю глаза. Стоит передо мной Вик со счастливой мордашкой и держит в руках цыпленка. Цыпленок трепыхается, пищит, а Вик прижимает его, как лучшего друга.

— Чего ты? — сказал я спросонья. Вик мне подмигивает и говорит:

— Суп хочешь?

— Ты где его взял? — спрашиваю.

— У мистера Денниса. Там много.

Я вскочил как ошпаренный.

— Ты что, спятил? Тащи обратно, разбойник!

Оказывается, Вик спокойно наведалься во двор к Джефу Деннису, выбрал цыпленочка и унес. Видно, Джеф еще спал, а то бы не миновать нам беды. Вся станция знала, у кого проживает маленькое черное создание по имени Виктор Эммануил.

Глава 13: Июнь наступил

Время шло. Зелень густела в садах, смола выступала на соснах от жара, небо теряло голубизну, белое солнце нещадно выжигало тень из каждого уголка Гедеона.

Начало июня мы работали как угорелые. Начальник станции уговорил Морриса встать под восьмичасового «щеголька», пассажирский поезд до форта. В «щегольке» шесть вагонов, один из них большой, четырехосный, с просторным салоном, мягкими диванами и зеркалами. В конце поезда открытая платформа для обозрения, а за ней курильная комната, умывальники, туалет и багажник.

Я вставал в пять часов и начинал растапливать «Пегаса», к восьми мне удавалось поднять давление до тридцати футов. Потом мы выходили на «лестницу», главный путь, и принимали пассажирский поезд.

В пути мы делали не меньше десяти остановок, а в Пинусе торчали двадцать минут. Пассажиры перекусывали в ресторане «Чистый путь» или заправлялись пивом в салуне «Буйвол».

Если учесть, что с пассажирским нельзя идти больше тридцати миль в час, то в форте мы бывали уже во второй половине дня. Здесь мы обедали в привокзальной харчевне и готовились

в обратный путь.

В Гедеон «щеголек» возвращался поздним вечером. Мы едва стояли на ногах от усталости, но рабочий день не кончался. Надо было взять запас дров на завтра, заправиться водой, потушить топку, вычистить заплывшие смолой колосники, переменить кое-где набивки — словом, сделать все, что входило в вечерний «туалет» паровоза.

Потом мы умывались и валились спать. Я чувствовал, что превращаюсь в сосновый чурбак. Я весь пропах смолой и не мог отмыть ее до конца. Сосновый запах пропитал меня изнутри. Не успеваешь провалиться в черную бездну, как тебя трясет за плечо ночной посыльный. Надо вставать и снова греть «Пегаса».

Так продолжалось несколько дней. На двадцатиминутной «поклевке» в Пинусе я забирался в тендер, пристраивал под голову чурбак и в одно мгновение засыпал на жестких ребристых дровах.

Когда мы снова пришли к Бланшарам, Мари всплеснула руками:

— Майк, ты похож на мумию!

Я и вправду стал желтоватым. Конечно, не от истощения, а от той же смолы. Но это еще ничего. Когда мы с Моррисом перейдем на «алмаз», я буду приходить на галерею серый, это уж я точно знал по Мемфису, уголек не отмоешь. Кем тогда назовет меня Мари?

Нас встретили радостно. Еще бы, мы не были у Бланшаров дней десять. Какие тут перемены? Наверное, Люк Чартер нажимал вовсю. Никто ведь не мешал ему ухаживать за Мари. А как Отис Чепмен и близнецы Смиты?

Скажу прямо, когда я увидел Мари, ее розовые щеки и серые глаза, что-то внутри у меня защемило. Сладко так засвербило, и мне стало грустно. А она говорила весело:

— Вы совсем заработались, джентльмены. Без вас так скучно!

Люк Чартер надулся. Бедняга, недолго он радовался. Пришли братья Аллены и принялись отбивать его возлюбленную. Я теперь видел, что не показываться несколько дней очень полезно. Сразу все внимание на тебя. Если бы у Чартера было побольше ума и терпения, ему бы в самый раз пожить отшельником в своей каланче, а уж потом прийти и посмотреть, как тебя встретят.

Но Чартер не пропускал ни одного вечера. Я думаю, он просто надоел Мари. Я даже немножечко пожалел его. Весь вечер он сидел как пень в углу, Мари не обращала на него никакого внимания.

Как только я понял, что Мари нравится мне все больше и больше, я стал еще жарче расхваливать Морриса. В каждый удобный момент я зудел ей на ухо, какой Моррис прекрасный. Он лучший машинист на всей линии, он самый добрый парень в Гедеоне, он может уложить Чартера на обе лопатки, если захочет.

Мари сказала:

— Послушай, да ты вовсе не брат, а паж какой-то. А ты знаешь, что он тоже тебя расхваливает?

— Моррис? — удивился я.

— Да, Моррис. Расхваливаете друг друга. Зачем вы это делаете? Я не глупая, сама вижу, кто какой.

— Ну и кто же какой?

Она смерила меня взглядом.

— Вы оба невоспитанные. А ты врун к тому же. Зачем ты хвалился, что умеешь играть на трубе и флейте?

— Я не говорил про флейту.

— Ну все равно. Зачем ты врал?

— А может, я не врал. — Во мне поднималась обида.

— Как же! Чартер, между прочим, никогда не врет.

— А что ж ты не выходишь замуж за своего Чартера? — брякнул я.

— Может быть, и выйду. — Мари сжала губы, и румянец на ее щеках запылал еще ярче. — Во всяком случае, у вас не спрошу.

— Ну и не надо, — пробормотал я.

На следующий вечер Мари совсем меня не замечала. Если я что-то ей говорил, она

хмыкала и отворачивалась. Ну и ладно, у меня есть гордость. Я сказал Моррису:

— Ты совсем не умеешь ухаживать. Близнецы Смиты и те дадут тебе сто очков.

— А что я должен делать? — спросил Моррис.

— Дарил хотя бы цветочки.

— Да я приносил цветы.

— Что ты приносил, чудак! Разве можно дарить цветы с «Пегаса»? На них даже масло налипло. Неужели тебе нужно объяснять, какие цветы дарят девушкам? Красный означает любовь, зеленый надежду, желтый ревность, синий верность, а черный печаль.

— А белый? — сказал Моррис. — Ты забыл про белый.

— Белый — невинность, — сказал я наставительно. — На Востоке есть целый язык цветов. Ты даришь цветок, например розу, а она подбирает рифму. Какое слово рифмуется с розой?

— Заноза, — сказал Моррис.

— Вот видишь! Роза — ты моя заноза! Значит, объяснился в любви.

— Ну, а если камелия?

— Камелия? Ты моя Офелия!

Мы стали забавляться. Хризантема — позабудь Сэма. Фиалка — плачет по тебе палка. Астра — приходи завтра. Магнолия — поцелуй, не более. Голубые флажки — сохну от тоски. Мы просто валялись от хохота, а потом я сказал:

— А ты посылал Мари валентинку?

— Валентинку? А что это такое?

Я просто остолбенел. Он не знал, что такое валентинка! Неужто они здесь еще не вошли в моду? Четырнадцатого февраля, в день святого Валентина, всем, кто тебе нравится, посылаешь открытки с каким-нибудь стишком, например:

Ты моя зазноба,

Люблю тебя до гроба.

Я стал распекать Морриса, что он не послал Мари валентинку. Наверное, Чартер засыпал ее посланиями.

— Да что мне Чартер! — сказал Моррис. К моему удивлению, на следующий же день Моррис вручил Мари эту самую валентинку. Простую почтовую открытку, на которой так и написал размашистым почерком:

Ты моя зазноба,

Люблю тебя до гроба.

— Что это? — удивленно спросила Мари.

— Валентинка, — небрежно пояснил Моррис.

— Но ведь сегодня не четырнадцатое февраля, а четырнадцатое июня.

— Какая разница? — Моррис пожал плечами. — Если мне кто-то нравится, неважно, февраль это или июнь.

Дейси Мей хихикнула.

— Какой вы стали смелый, мистер Аллен! — сказала Мари и, повернувшись к подруге, добавила: — Не правда ли, у него есть *couleur locale*?

— Что-что? — спросил Моррис. — Я не понимаю по-французски.

Этот неуклюжий подарок, как ни странно, помог Моррису. Я видел, как у Мари сияли глаза, когда она смотрела на Морриса. Мне стало грустно. Я уходил в сад и гулял там в темноте среди дубов и магнолий. Иногда я прислонялся к стволу и смотрел вверх. Там кое-где через крону проскакивали серебряные крупинки звезд и, если смотреть долго, начинало казаться, что звезды растут на дереве.

Вон ветка и листья, а на самом конце небесное яблочко. Как красиво! Что же? Разве я сам не старался для Морриса? Разве не хотел, чтобы Мари полюбила его? Но зачем я хотел этого, зачем? Ведь Моррис меня не просил. Быть может, Мари и не так ему дорога. Мне до сих пор кажется, что Моррис ухаживает за ней с какой-то натугой. С натугой? Откуда мне знать? Вдруг я поддаюсь. Поддаюсь на то, чтобы самому влюбиться. Влюбиться и оттолкнуть Морриса.

Какое у нее ясное личико, как солнышко...

Я услышал разговор. Они почти шептались.

— А ты не обиделась, что я подарил ей валентинку?

— Нет, Моррис, на что мне обижаться?

— А помнишь, как я упал вместе с тобой, и ты ушиблась?

— Конечно, помню.

Моррис и Хетти! Вот так штука. Они остановились совсем недалеко от меня, по ту сторону дерева.

— А ты тогда не обиделась?

— Но ты же нечаянно упал?

— Конечно, нечаянно. Я очень переживал. Тебе было больно?

— Немножко, — ответила она.

Молчание. Легкий шорох ветра.

— Ой, Моррис, я боюсь, тут кто-то есть.

— Кто тут может быть?

— Ведь Майк в сад пошел?

— Ну и что?

— А если он нас увидит?

— Майк? Кого тут увидишь в такую темень.

— У него такие глаза... Я их боюсь.

— Какие у него глаза? Что ты Хетти? Майк очень хороший.

— У него непонятные глаза.

— А у меня?

— У тебя грустные. Ты, наверное, всегда о чем-то грустишь.

— И у тебя грустные. Надо, чтобы ты вылечила ногу.

— Конечно. Я ведь совсем не могу бегать. Кому я нужна такая?

Он с жаром:

— Нет, нет, Хетти! Хочешь, я все время буду носить тебя на руках?

— Моррис, Моррис, не нужно. Я боюсь.

— Какая у тебя рука холодная!

— А у тебя сердце бьется. Я слышу, как оно бьется.

— Пускай бьется. Не вырывай руку.

— Моррис, зачем... Ведь тебе нравится Мари.

— Никто мне не нравится, Хетти, никто.

— Разве ты не любишь Мари?

— Не спрашивай меня, Хетти.

— Зачем же ты подарил ей валентинку?

— Хочешь, я скажу тебе одну вещь?

— Скажи, Моррис.

— Я плакал, когда упал и ушиб тебе ногу.

— Зачем ты это говоришь? — Ее голос дрожит. — Зачем ты все это, Моррис? Ведь у меня нога, я...

— Дай мне руку! — говорит он. — Дай! Какая холодная! Хочешь, я все время буду держать твою руку? Она не будет холодная. Не сердись на меня, Хетти. Я сам себя не понимаю, я какой-то чумной. Мне никто не нравится, никто. Мне хочется все время быть с тобой.

— Со мной?

— Да, с тобой. Только не сердись, Хетти.

«Ай да Моррис! — подумал я. — Вот так штука!»

Они молчат. Потом Хетти шепчет:

— Моррис, не обманывай меня, Моррис.

— Что ты, Хетти, что ты!

— Меня не надо обманывать, Моррис. Мне так плохо бывает. — Она всхлипывает. — Ох, Моррис, если бы ты был мой брат!

— Хетти, ты хочешь, чтобы я был твоим братом?

Она плачет.

— Я бы тебя так любила, Моррис!

— Хетти, дай я тебя обниму, тебе холодно.

— Это ничего, Моррис. Ты не думай. Даже если ты пошутил, я все равно буду тебя любить, Моррис.

— Хетти...

— Ты только приходи к нам почаще.

— Тебе холодно, Хетти...

Шорох кустов. Они уходят. Я сижу, прислонившись к дереву и все разглядываю звездочки, засевающие в густой листве. Неслышно прибежала тройка белых борзых. Они обнюхали меня, потыкались носами, лизнули. Свой. Теперь они меня знают, а раньше облаяли. Из-за них-то я и узнал всех в Гедеоне.

Они убежали так же бесшумно, белея в темноте гибкими телами, приставив носы к земле, обшаривая свои владения. Тройка собачьих маршалов — Ней, Мюрат и Груши.

Глава 14: Цветочный бал

Каждый год в середине июня гедеонцы устраивают праздник цветов. Весь город тогда украшен цветами. Со всей Черной Розы собираются фермеры и плантаторы, их жены, дочери и сыновья. Они едут из Аржантейля, Кроликтауна, Традесканции, Молочного Берега, Пинуса и даже из форта Клера. Они едут из крохотных местечек с чудными названиями Держи Крепче, Дырявый Камень, Нигде-не-Найдешь. Они едут со своих ферм и плантаций, которым тоже любят давать затейливые имена — Дорогая Покупка, Душа Здесь Спокойна, Конец Разлада.

Дочки надевают лучшие платья, сыновья новые сапоги, отцы вынимают дорогие сигары, а жены отложенные доллары. Дочки надеются встретить женихов, сыновья за кем-нибудь приударить, отцы хорошенько выпить, а жены привезти назад хоть малую часть денег.

Они садятся в свои экипажи. Кто победнее, в простые фургоны, кто побогаче, в лакированные коляски от Брюстера. Они украшают упряжки цветами, венками из сассафраса, звездами из листьев магнолии.

Гедеон завален цветами. Вешают гирлянды на стены домов, протягивают через улицы, букеты в горшках расставляют вдоль тротуаров. Весь город напоен цветочным ароматом. Волной набегают запахи гвоздик, гиацинтов, сирени, ландышей, резеды, ясенника, жимолости, белой акации, фиалок, медвежьего уха, лабазника и ванили. Проскальзывает слабый болезненный аромат петуний, руты, пионов, медовый дух флоксов, шафранов, германий.

Нет, Гедеон в этот день совсем не кажется скучным городом. Открыты все лавки на Пряничной улице, ведущей прямо к Капитолию. Веселенькие домики этой торговой части сплошь покрыты деревянной резьбой, уголками, завитушками — «пряниками», как назвал их какой-то плотник. В «пряниках» и пожарная каланча, на нее поднимают огромный венок из картонных роз. Колокол отбивает каждые полчаса, приглашает всех покупать, продавать, гулять, веселиться.

Вечером в Капитолии начинается Цветочный бал. Для этого вставляют разбитые стекла, подметают пыльные залы, вешают на стены гирлянды, фестоны, ставят повсюду вазоны с цветами.

Белый зал Капитолия преобразается. Даже с высоченного потолка сметают паутину, чистят паркет мастикой, расставляют красные стулья, диваны. В боковых комнатах открывают курительную, бильярдную, буфет с мускатной шипучкой, имбирным пивом, шампанским, пирожными, сухими фруктами.

Народу набивается тьма. Молодые толпятся в зале, старики по комнатам. Вивьетты, Артемиссы, Магалоны, Темперанции, Квантилле — сколько здесь девушек с цветочными именами, которые бывают только в этих краях!

У входа продают бархатные, шелковые и бумажные цветочки. Покупай и укрепи где-нибудь на видном месте. Теперь ты нарцисс или фиалка, жасмин или азалия.

Мы с Моррисом решили стать тюльпанами. Тюльпан означает постоянство. По случаю Цветочного бала мы поделили одежду. Мне достался сюртук и сорочка, Моррису жилет, синяя

бабочка в горошину и мягкая фетровая шляпа. Сдвинув ее на затылок, Моррис так и не снимал шляпу целый вечер. Нравы в Гедеоне свободные, тут многие отплясывали в шляпах и даже в цилиндрах.

Мари пришла в красном платье с красной розой в пушистых, еще не высохших волосах. Дейси Мей оделась в белое с синим огоньком незабудки, а Хетти была в своем желтом платьице с пуговками до пояса. За одной пуговицей торчали две белые звездочки ясенника. Того самого ясенника, который я обрывал еще в мае недалеко от деревни криков.

На возвышении устроились два оркестра, струнный и духовой. Они будут играть на переменках. Бал открыл мэр Гедеона сквайр Стефенс.

— Молодые друзья! — сказал он. — Мы связываем с вами большие надежды! Сегодня бал цветов. Развлекайтесь, веселитесь, но помните, что завтра, быть может, вам придется взять в руки оружие! Здесь много цветов, как я вижу. Красные, белые, желтые, голубые. Но Черная Роза превыше всего!

Оркестр грянул «Славься, Черная Роза». Бравую речь сквайра Стефенса приветствовали криком и брошенными вверх шляпами. Потом все закрутилось и завертелось. Пошли польки, кадрили, мазурки и бесконечные вальсы. Старики выстроились по стенкам, засунули в рот сигары и одобрительно кивали головами. Скоро в зале уже висела синеватая дымка. Я думаю, всего легче дышалось в курительной, там почему-то никто не курил.

Наша Мари имела успех. На нее сразу накинулись местные щеголи с чересчур узкими талиями, чересчур обтягивающими брюками и чересчур загнутыми носками башмаков. Первым пострадал Люк Чартер. Несмотря на свой огненный мундир, он никак не мог перехватить у Мари вальс или польку. Отчаявшись, он стал танцевать с Флорой Клейтон, но и та скоро предпочла менее знакомых кавалеров.

Мы с Моррисом выпили для храбрости по бокалу шампанского марки «Редерер» и почувствовали себя не хуже других, хотя совсем не знали этих кадрили и мазурок. Зато вальс мы накручивали так, что наши дамы обмирали. В конце концов мы добрались и до Мари, каждый станцевал с ней по разу.

Близнецы Смиты лихо отплясывали друг с другом. Несколько дней назад они выписали очки и теперь ходили только в очках. Можно позавидовать близнецам Смитам. Наверное, до старости они будут держаться за руки, никто им особенно не нужен.

Неужели я все-таки влюбился в Мари? Все время искал глазами ее красное платье. Вот она танцует с сыном судьи, вот с каким-то лихим глиноедом, он даже на бал пришел в кожаной куртке и жирно начищенных сапогах. Она совсем не замечает меня. Но нет. Вот пронеслась мимо и вспыхнула ярким личиком, бросив веселый и, как мне показалось, ласковый взгляд.

Я немножко воспрянул духом и добился от нее тура вальса. Когда мы кружились, она сказала:

— Ах, Майк, я так хорошо представляю себе Париж. Мне так хочется в Париж! Там танцуют с утра до вечера. Ты хочешь в Париж, Майк?

— Чего я там не видал! — сказал я презрительно.

— Чудаки вы с Моррисом. Все-таки ты выглядишь старше своего брата. Неужели ты моложе на целый год?

— Мы родились почти одновременно, — сказал я.

— Да-а? — протянула она. — Как же это так?

— Бывают случаи, — сказал я. — Сначала появился на свет он, а спустя три недели я. Только он в декабре, а я в январе. Вот и получилось, что разница в год.

— Правда? — она округлила глаза. — Разве так бывает? Я не знала. Ты не врешь?

— Конечно, не вру, — сказал я. — Просто я немножко задержался в пути. Когда-нибудь тебе расскажу.

— Ой, как интересно! Расскажешь, Майк?

«Неужели ты такая глупая? — думал я уныло. — Да разве в этом дело? Дело в том, что у тебя серые пушистые брови, длинные ресницы и розовые щеки. А глаза у тебя веселые и глупые».

— Все девочки глупые, — сказал я по этому поводу.

— И я? — спросила она.

— Все, кроме тебя, — заверил я.

«Что ты можешь знать о Париже, глупенькая Мари Бланшар? — думал я. — Что там танцуют с утра до вечера?» Странно, почему можно влюбиться в глупую девочку? Об этом я спросил Флору Клейтон.

— Ты думаешь, можно влюбиться в глупую девочку? Черноволосая пампушка Флора ответила вопросом:

— А можно влюбиться в глупого мальчика?

— Глупых мальчиков не бывает, — грустно сказал я.

— Ну да, конечно, — заметила Флора, — умные только вы со своим Моррисом.

— Ничего такого не говорю, — ответил я смиренно. Совсем не в своей тарелке чувствовал я себя на балу. И сюртук стал жать, и сорочка сдавила горло. Но самое главное, я не мог спокойно смотреть на красное платье Мари Бланшар. Мне хотелось подойти и сказать ей какую-нибудь дерзость.

А бал, бал гремел оркестрами, расточал запахи цветов и желтое придушенное пламя масляных светильников. Я не вытерпел, я подошел к дочке какого-то фермера и сказал:

— Et bien, petite, dansons peut-etre?

— Чего вы сказали? — спросила она простовато.

— Нет, ничего, извините, миз. — Я специально сказал это «миз», а не «мисс», как говорят приличные люди. Я тоже прикинулся простаком.

Я вышел в курительную комнату. Здесь огненный Чартер сиротливо корчился в углу дивана.

— Как поживаешь, Люк? — спросил я.

— Называйте меня на «вы», — уныло ответил он. — Я старше вас на три года.

— Да, не везет нам с тобой, — сказал я. — Мари и дела до нас нет.

— Еще бы! — сказал он. — Какое ей до меня дело.

— До нас, — поправил я.

— Нет, до меня. Вам хорошо, у вас паровоз. А у моего папы долги во всех лавках.

— Неужто, Люк? — сказал я.

— Поэтому она и не обращает на меня внимания, — печально промолвил Чартер.

— Но ты же офицер. Быть может, ты станешь начальником пожарной команды.

— Не хочу, — он махнул рукой. — Поеду учиться на Север.

— Ого! Как бы нас не услышали!

— Слишком тут жарко, — сказал Чартер.

— А если война начнется?

— Пускай воюют.

— На чьей же ты будешь стороне?

— Я поеду учиться. Я стану адвокатом.

— Но тебя заберут в солдаты. И на Севере, и на Юге.

— А ты думаешь, они станут воевать? — с детским удивлением спросил Чартер.

— Кто знает, Люк. Ты ведь слышал, Черная Роза собирается отделяться.

— Я ничего не собираюсь.

— Да, но ведь ты настоящий южанин, Люк.

Он сморщил лоб.

— Мистер Аллен, вы какой-то странный. Вы и ваш брат. Я думаю, вы шпионы.

— Чьи? — удивился я.

— Их. — Он показал на север.

— И ты хочешь нас выдать?

— Выдать? — теперь удивился он. — Нет... Оставьте меня в покое. Что вы пристали? Кто из вас женится на Мари?

— Мы оба, — сказал я, вспомнив рассказ дядюшки Парижа.

— Так не бывает, — сказал он почти как Белая Коробочка.

Странный, однако, парень. С виду не слишком умный, спесивый, а выходит, не так уж все ладно у него в душе. Из всех сынков Черной Розы вряд ли наскребешь десяток, которые захотят учиться на Севере.

Я отыскал Морриса.

— Посмотри, как скучает Хетти, — сказал я. — Ты бы хоть поболтал с ней немного.

— А почему это я должен с ней болтать? — Моррис принял высокомерный вид.

— Да нет, — сказал я. — Просто я так...

Хетти весь вечер просидела на стуле у самого входа. Иногда к ней подбегала Мари, говорила что-то оживленно, подходила Флора и даже близнецы Смиты, но я ни разу не видел рядом с ней Морриса.

Он явно старался держаться от Хетти подальше. Быть может, мне приснился тот разговор в саду? С тех пор мы были у Бланшаров всего один раз, но и тогда Моррис не обмолвился с Хетти и словечком. Она чуть не расплакалась при всех в тот вечер.

— Красные слева, желтые справа! Синие и белые по бокам! — кричал распорядитель, — выстраивая пары для кадрили.

Я не мог спокойно смотреть на Хетти. Когда к ней подсаживалась Мари, Хетти пыталась улыбнуться, но губы только слегка кривились. Она совсем смяла в руках два белых цветочка ясенника, две скромные звездочки. Ее палка стояла рядом, прислоненная к стулу. В глазах ее набухали слезы.

— Моррис, — сказал я, — давай посидим вон там. Я что-то устал.

— Там? Нет, я боюсь сквозняков. Я почти тащил его к стулу Хетти.

— Что ты меня толкаешь? — Он посмотрел подозрительно.

— Ничего. — Я отпустил его руку. — Давай крутись дальше. С кем ты танцуешь?

— С Пруси Хендерсон.

— Смотри не лопни от натуги. Она весит десять пудов.

— Почему ты меня задираешь? — спросил Моррис. — Тебе не нравится, что я танцевал с Мари четыре раза, а ты только два?

— Ты угадал, — сказал я. — Именно это мне и не нравится.

— Но я уже перешел на Пруси, — сказал он примирительно.

— Мне и это не нравится, — сказал я.

— Почему?

— Мне не нравится, когда ты хватаешь кого-то в охапку, а потом не обращаешь внимания.

Он сразу понял и напрягся.

— Ты это про Хетти?

— Почему про Хетти?

— Но ведь это с ней я тогда...

— Не знаю, с кем и когда.

— Что с тобой, Майк?

— Со мной ничего. А с тобой?

— И со мной ничего. Все в порядке.

— И со мной все в порядке, Моррис.

Я оставил его в легкой задумчивости. Я подошел к Хетти.

— Хетти, тебе не скучно?

— Майк, проводи меня домой, — попросила она еле слышно.

У ворот своего дома она не выдержала и заплакала.

— Что ты, Хетти? — пробормотал я.

— Спасибо тебе, — повторила она сквозь слезы, — спасибо тебе, Майк.

— За что?

— Ты меня проводил. Я бы одна не дошла. Я в самом начале вечера хотела уйти. Но я бы одна не дошла. Никто бы не пошел меня провожать. Спасибо тебе, Майк. Тебе ведь хотелось танцевать, а вот пришлось...

— Пустяки, — бормотал я. — Что ты говоришь, Хетти?

— Нет, нет, Майк... Зачем я только пошла в Капитолий. Я не хотела идти, я боялась. Не стоило мне идти в Капитолий, Майк...

Она плакала, прислонившись к чугунной решетке имения «Аркольский дуб».

Ночью я плохо спал. То ли перенервничал, то ли надыхался густым запахом цветов. Мне снился пустой разрушенный Гедеон, заросший черной травой и картонными цветами. От этого

сна я проснулся весь мокрый.

Глава 15: Как попасть в Леденцовый Каньон

Все вы знаете, где находится Леденцовый Каньон. Как раз за Дымной Горой, рядом с ущельем Дырявых Штанов, сразу после Медовой Поляны. В Леденцовом Каньоне течет речка Шипучка, растут на деревьях имбирные пряники, и делать там совсем ничего не надо. Летом течет по реке яблочный сидр, а зимой вишневый сироп. Ну, такие дела.

Вот что. Думал, думал Кривой Початок и говорит:

— Послушай, Чих, а ведь хорошо в Леденцовом Каньоне.

— Что верно, то верно, — говорит Чихни-Понюхай. Он думать совсем не любил.

— А ведь разве найдется дурак, который туда заглянуть не захочет?

— Да кто его знает, — отвечает Чихни-Понюхай.

— Ну, ясное дело, таких не найдется, — говорит Кривой Початок.

— Ну, ясное дело, — соглашается Чихни-Понюхай.

— Так надо же людям помочь, — намекает Кривой Початок.

— Только не задаром, — понимает Чихни-Понюхай. Вот оно что! Стали приятели бегать по Черной Розе, всех собирать, кто захочет в Леденцовый Каньон.

— А как же туда добраться? — спрашивают.

— Два доллара за билет, — говорят приятели. — Доведем до самой Шипучки.

Ну кто самый глупый? Смоляной Малыш. Стало быть, он и выложил первый два доллара. Уж больно ему не терпелось попасть в Леденцовый Каньон, где пряники на деревьях растут и сидр под ногами бежит.

За ним девочка Белая Коробочка. А там братец Опоссум вынул свою заначку. Доллар и тридцать два цента. Ничего, взяли у него денежки. Потом, говорят, доплатишь.

А мистер Лис с мистером Кроликом? Неужто в таком деле отстать? Но ведь поумней других будут. Сказали:

— Пока покупать билеты не будем. Заплатим потом, как вернемся. А где этот Леденцовый Каньон?

— Эх ты! — сказал Кривой Початок. — Хоть кукурузы мешок, подкиньте. Неужто задаром везти?

— Ладно, — говорит мистер Кролик, — есть тут у братца Лиса мешок кукурузы. Давай, братец Лис, отдай им мешок кукурузы. Я, как в Леденцовый Каньон сходим, мешок пряников тебе уступлю.

Обрадовался мистер Лис. Мешок пряников куда как слаще мешка кукурузы! Притащил свою кукурузу. Руки потирает.

— Как все-таки в этот Каньон добраться? — спрашивает.

— Да просто, — говорят приятели. — Видели, какие у Белого Дымка колеса? Передние маленькие, а задние большие. Стало быть, что ты на это скажешь, братец Лис?

— Да что сказать? — отвечает тот. — Прямо не знаю.

— Да ты, видно, скажешь, что большие колеса когда-нибудь догонят маленькие. Вот что ты скажешь, братец Лис.

— Ей-богу, верно, — говорит тот.

— А когда большие колеса догонят маленькие и чикнут по ним, тогда и начнется Леденцовый Каньон.

— Скажи как просто! — удивляется мистер Лис. — Как же я сам не догадался? А где ваш Белый Дымок?

— Ну, это еще проще, — отвечают приятели. — Сейчас доставим.

Ох и смекалистые ребята! Помчались к Белому Дымку. Тот в это время перед зеркальцем красуется, песенку поет:

Пых-пых, хорошая погода,

Пых-пых, побегаю в охотку.

— Вот-вот! — говорят приятели. — Самое дело. Народу собралось пропасть. Хозяин

Тутовый Лоб пригласил всех на варенье. Но чтоб, говорит, первым был Белый Дымок. А за ним, говорит, все остальные. Бочку варенья ставит.

— Батюшки! — Белый Дымок обрадовался. — Ужас как варенье люблю!

— Значит, прямой дорогой к нему, — советуют приятели. — Да не больно беги. Чтоб все за тобой попевали.

А сами вприпрыжку к мистери Лису, мистери Кролику, братцу Опоссуму, Смоляному Малышу и Белой Коробочке.

— Быстрее, значит, — говорят. — Белый Дымок вон уже в пути.

Бежит потихоньку Белый Дымок, красуется. За ним мистер Лис с мистером Кроликом поспевают, а дальше братец Опоссум пыхтит, а дальше Белая Коробочка и Смоляной Малыш семят.

Кривой Початок да Чихни-Понюхай — те хлеще всех нажимают. Прямо страсть как мчатся. Первыми прибежали к хозяину Тутовому Лбу. Спрашивают:

— Ты обещал награду за мистера Лиса и мистера Кролика, которые разорили твой огород и курятник?

— Ну, стало быть, я, — отвечает Тутовый Лоб. — Только мне чтоб без болтовни. Мне их живыми подай, тогда и награда будет.

— Ну, ясное дело, — говорят приятели. — Сейчас они к тебе прямым ходом за Белым Дымком прибегут. Давай награду.

Взяли награду приятели, порадовались, убежали. А Белый Дымок — вон он уже во двор въезжает. За ним мистер Лис, мистер Кролик, братец Опоссум да Смоляной Малыш вместе с Белой Коробочкой.

— Неужто это Леденцовый Каньон? — удивляется мистер Лис. — Тогда мне это место знакомо. Я тут хороших курочек брал.

— А я капустку, — говорит мистер Кролик. — Только не нравится мне это местечко, братец.

А тут хозяин Тутовый Лоб как выскочит, да с ружьем двадцать второго калибра.

— Руки вверх! — кричит.

Мистер Лис с мистером Кроликом побледнели и руки подняли. Все поняли, все сообразили.

— Здравствуй, хозяин, — говорят. — Помним, помним, одолжались. Теперь, значит, решили должок вернуть. Получай.

— Чего получать? — спрашивает Тутовый Лоб.

— Рабочников привели. Белую Коробочку, Смоляного Малыша, братца Опоссума да и паровозик. Будешь на нем кукурузу возить. Бери их совсем. Они наш долг отработают. А нам так пора. До свидания.

И как дунули! В одно мгновение. Были и нет их.

Схватил хозяин Тутовый Лоб Смоляного Малыша, девочку Белую Коробочку, Белого Дымка и заставил их на себя работать. Как те ни отпирались, ничего не вышло.

А братец Опоссум — тот сумел удрать. Хозяин Тутовый Лоб за хвост его попробовал удержать, но братец Опоссум вырвался, только шерсть в руках хозяина осталась. С тех пор братец Опоссум ходит с голым хвостом.

Вот ведь какая история, милые господа. Непросто попасть в Леденцовый Каньон. Скорей угодишь в сарай к хозяину с ружьем двадцать второго калибра и кожаной плеткой.

Глава 16: Я и Моррис

После Цветочного бала Моррис впал в спячку. Он завесил окна вагончика мешковиной и спал до полудня, а иногда и дольше. Теперь мы ложились поздно, когда начинало светать.

Моррис отказался от всех рейсов и загнал «Пегаса» на «пеликаний пруд», самое грязное место во всем Гедеоне. Здесь чистили котлы паровозов. Стоящий машинист по крайней мере два раза в месяц отправляет сюда свою машину. На «пеликаньем пруду» все черное и блестящее, как в преисподней. Стоит пройтись по нему разок, как потом неделю не отмоешь башмаки.

Теперь нашлось у нас времечко поговорить. Стояла жара. Только к вечеру горячая Черная Роза начинала дышать прохладой. Звезды сияли в полную летнюю силу. Даже казалось, можно различать их грани.

Моррис сказал:

— Ты ведь не ходишь в церковь?

— Нет, — ответил я.

— А что ты носишь на шее?

Я объяснил, что это память о матери. Простая железная цепочка с таким же простым плоским камешком. Я снял и дал посмотреть Моррису. Верно, с цепочкой я не расстанусь никогда, даже во время купания.

В такой вечер, когда мы, задумавшись, глядели в небо, Моррис рассказал мне про Старого Кестера.

Старый Кестер работал машинистом на линии Каир-Сентрейлия в нижнем Египте. Египтом называют места на юге Иллинойса, и виной тому темнота местных жителей. Я, правда, не думаю, что хозяева оттуда глупее плантаторов Черной Розы, но ведь клички придумывают северяне, а у них еще руки не дотянулись до Черной Розы.

Старый Кестер взял Морриса подручным, когда тому было всего тринадцать. Ни отца, ни матери Моррис не знал, вырос у какого-то дальнего родственника, потом и тот помер. Моррис долго скитался по Иллинойсу и вот попал к Старому Кестеру.

Старый Кестер полубил Морриса да и Моррис его. Кестер научил Морриса всему, что знал о паровозах. За два года Моррис научился водить машину и гонял по линии так лихо, что все диву давались, а кто не видел, просто не верил. Моррис Аллен был машинист, что называется, от бога.

Когда Старый Кестер стал умирать, он вырыл в своем садике железную коробку, доверху набитую золотыми франками. Откуда у него эти франки, Кестер не сказал. Он просто заказал фирме «Кук-Данфорт» небольшой быстроходный локомотив типа «крэмптон» и подарил его Моррису.

Моррис не сработался с компанией линии Каир-Сентрейлия. Иллинойс все-таки не Дикси-кантри. Расписание там налажено. Если уж впрягся — работай. Катай туда-сюда по часам. И только на нашей захудалой линии, где поезд может опоздать на полдня, Моррис нашел то, что нужно.

А что было нужно Моррису? Он сказал:

— Ты раньше слышал про Белый Дымок?

— Нет, — ответил я, — не слышал. Наверное, дядюшка Париж его придумал.

Моррис покачал головой.

— Старый Кестер тоже знал про него.

— Значит, и в Иллинойсе рассказывают такие истории?

— Нет, — сказал Моррис. — Он его видел.

— Белый Дымок?

— Да. Несколько раз, ночью. Белый Дымок обходил Кестера на большой скорости.

— По встречной колее?

— Нет, справа по полотну. Он мчался как по воздуху.

— Чудеса, — сказал я. — Ему показалось.

— Несколько раз, — повторил Моррис. — Кестер не сумасшедший. Он хорошо видел. Он даже заметил пар на манометре Белого Дымка. Там было девяносто футов.

— Белый Дымок простой чайник, — сказал я.

— Нет, нет, — Моррис снова покачал головой. Что нас свело с Моррисом? Когда в саду «Аркольского дуба» он кинулся ко мне с горящими глазами, я сразу понял, что с этим парнем мы сразу не разойдемся. Потом он назвал меня братом. А почему бы и нет? Ни он ни я не знали своих родителей. Мы оба бродяжничали, долго скитались, обоих нас жизнь колотила, обколачивала. Вот только разницы в годах у нас почти не было. А то, как знать, могло стать, что и родители у нас одни.

Я рассказывал Моррису про созвездия. Летом Большой Квадрат поднимается над горизонтом выше, чем в мае. Вокруг горят звезды Андромеды, Пегаса, Кассиопеи, Цефея,

Персея и Кита.

Есть целая легенда. Жили-были царица Кассиопея и царь Цефей, правили большой страной. Но слишком похвалялась своей красотой Кассиопея, говорила, что ни одна морская нимфа с ней не сравнится. За это рассердился на нее бог моря Посейдон, послал на страну Кассиопеи страшного Кита. Чтобы спастись от Кита, Цефей и Кассиопея отдали Киту юную дочку Андромеду. Андромеду ждала страшная смерть, но ее спас храбрый воин Персей, а крылатый конь Пегас примчал Андромеду и Пегаса к родителям.

— Значит, и в небе есть Пегас? — сказал Моррис.

— Выходит, так, — ответил я.

— Откуда ты все это знаешь? Я никогда не слышал.

— Почитай календарь Джонсона. Про каждое созвездие есть легенда.

— Крылатый конь... — задумчиво повторил Моррис. — Мой «Пегас» тоже неплох. Если нужно, я выжму семьдесят миль.

— Не дадут повороты, — сказал я.

— За фортом есть «пика» миль в десять, я проходил ее за восемь минут, правда, пустой.

— «Пегас» неплохой коняга, — согласился я.

— Но Белый Дымок быстрее, — сказал Моррис. — Старый Кестер говорил, что он обходил его на скорости в сто миль. Как будто Кестер стоял на месте.

— И ты в это веришь?

— Да! — сказал он с каким-то ожесточением. — Кестер входил в туннель, а Белый Дымок прошел гору насквозь, как стог соломы! Кестер видел, не стал бы он врать.

— По-твоему, никто не врет, когда рассказывает басни, — сказал я. — Послушай, что сочиняют девчонки на галерее. И про мертвецов, и про разбойников, про невидимок и призраков.

— А ты думаешь, ничего такого нет? — спросил Моррис.

— Да, может, и есть, — сказал я, — только...

— Что только?

— Я-то никогда не видал.

— Еще увидишь, — сурово сказал Моррис.

Характер у Морриса нелегкий. Иногда он становится раздражительным, тогда лучше к нему не подходи. Он может сказать что-то обидное. Правда, на другой день будет ходить с виноватым видом, но и тут извиняться не станет. Если понять Морриса, то не стоит обращать внимания на такую чепуху. Разговаривай, как всегда. За это Моррис всегда старается отблагодарить. Он будет кидать за тебя чурбаки в топку, долбить смоляные наросты на поддувале и все выхватывать из твоих рук.

Про спячку я уже говорил. Оказывается, она всегда наступает у Морриса в конце июня. Ничего с ней поделать нельзя. В эти дни Моррис становится мрачным и одновременно мечтательным. Весь уклад идет наперекосяк. Ночью не спится, а днем так и валит на матрац. Проснувшись, он еще поваляется часок и будет донимать Вика все тем же разговором:

— Ну как, черный брат, есть еще курицы во дворе Денниса?

— Есть, мисти сэр, — оживляется Вик.

— Так надо бы того, взять, что ли, одну.

Вик улыбается до ушей и направляется к двери вагончика.

— Постой, угольное создание, ты что же, хочешь украсть?

— Да, мисти сэр. — Вик недоуменно хлопает глазами.

— Так разве красть хорошо?

Вик застывает в нерешительности.

— Сначала ты украл себя, потом украл котенка, а теперь хочешь украсть курицу?

Вик окончательно сбит с толку. А Моррис продолжает как бы в полусне:

— Крадут только на Севере, мистер Сажа, а ты еще туда не доехал. Ты помыл тарелки?

— Помыл, мисти сэр, — пищит Вик.

— Теперь помой себя. Помой, грязное чучелко. Может, сойдет чернота, и ты станешь настоящим гражданином. Сам тощий Линкин, будущий президент, поцелует тебя в нос.

Такую беседу Моррис может вести очень долго. Просто ему не хочется вставать, делать

ничего неохота. В такие минуты разговор с нашим добрым Виком самое приятное занятие.

В «голубой гостиной» нашего вагончика висит карта железной дороги от Гедеона до самой Короны. Во всем штате это единственная линия длиной примерно в сто пятьдесят миль. Она распадается на две ветки: Гедеон — форт Клер и форт Клер — Корона.

У той и другой ветки разные хозяева. Даже ширина колеи сначала была разная. Корона строила свою дорогу первой и взяла за образец «стефенсоновку», колею Новой Англии. Конечно, Гедеон не желал плестись в хвосте у Короны, он выбрал «пятифутовку», колею чуть пошире. Но тут Гедеон промахнулся.

Паровозы строили на Севере заводы Брукса, Роджерса, Хинкли-Дрюри, Кука-Данфорта. Северяне, конечно, приспособливали машины к своей «стефенсоновке». Они выпускали паровозы и специально для Юга, но такие стоили дороже, а дешевые старые машины гедеонцам уже негодились.

Вот и пришлось мудрецам из Черной Розы пристраивать к двум рельсам третий. Налево «пятифутовка», направо «стефенсоновка». Путь получился трехногий, ничего смешней я не видел. Наш «Пегас» бежит по правой колее, он может ходить до самой Короны. Из восьми гедеонских паровозов только «Пегас» и «Страшила» рассчитаны на стефенсоновскую колею, остальным дороги дальше форта нет. Да и не нужно: две компании никогда не ладили между собой.

Восемь станций, девятый форт. На обрывке цирковой афиши я набросал контур созвездий Андромеда-Пегас. Восемь главных звезд почти по прямой, девятая в середине. Она также чуть в стороне, как форт.

На месте Гедеона слегка оранжевый огонек. Там, где Аржантейль, красноватый. Кроликауну соответствует безвестная желтая звезда, а Пинусу голубая.

Форт Клер — тоже голубая, Чилокчо — довольно яркая белая, на месте Атчисона и Желтого Сада две небольших звезды, а Корону заменяет крупный песочного цвета светляк.

Контур дороги настолько совпадал с контуром созвездий, что казалось, на землю упал их отблеск. Только четвертая звезда Большого Квадрата, отпавшая в сторону, никак не находила себе места.

Пегас! Крылатый конь Зевса. Я представлял, как, цокая железным копытом, он мчится по небесному своду, легко перепрыгивая созвездия, туманности. Он скачет по Млечному Пути, дробя серебряный гравий светил, из груди его вырывается пар, а над головой, там, где древние рыцари укрепляли султан, колеблется упругое белое перо, то самое перо, которое при очень большой скорости рвется из клапана нашей маленькой земной машины, нашего паровоза с медной литой табличкой «Пегас».

Глава 17: Мари и Хетти

Мари сказала:

— Сначала я думала, что это сон. Ночью под моим окном заиграла флейта. Как красиво она играла! Я думала, это сон. Долго лежала и слушала. Как в сказке. Но луна была яркая, и ветер подул, шевельнул занавески, и с моего стола слетел листок бумаги. Тогда я поняла, что это не сон. Но я все лежала и слушала. Я никогда не слышала такой красивой музыки. Когда я встала, чтобы посмотреть в окно, флейта замолкла. В саду никого не было.

— А что же играла эта волшебная флейта? — спросил я.

— Не знаю, — сказала Мари. — Эту музыку я совсем не знаю. Мне кажется, это было чудо. Утром я пошла в гостиную и увидела, что дедушкина флейта лежит на столе, а она всегда висела на стенке. Кто-то взял дедушкину флейту и играл под моим окном.

— Наверное, это Люк Чартер, — сказал я. — Ночью он влез на галерею, оттуда пробрался в гостиную, взял флейту, снова спустился, при этом порвал штаны, а потом уж с расстройством принялся пиликать на флейте.

Мари презрительно поджала губы.

— Люк Чартер? Ни Чартеры, ни Аллены не умеют дудеть даже в пастуший рожок. Я знаю, кто это был.

— Кто же? — спросил я.

— Я знаю, кто, — ответила она.

— Я тоже знаю, — сказал я. — Это был Люк Чартер. При этом он порвал штаны. Вот увидишь, придет Люк Чартер, а на штанах будет заплатка.

— Фи! — сказала Мари. — Какие слова! Штаны, заплатка... Вы находитесь в приличном обществе, мистер Аллен.

— Извините, мадемуазель, — я поклонился. — Не штаны, а кюлоты. Я хотел сказать, что ваш Чартер порвал свои красные кюлоты.

Самое интересное, что Чартер действительно пришел в зашитых штанах. Прямо на бедре не слишком аккуратно красовалась затянутая красными нитками дыра. Мари подозрительно косилась, потом все-таки не выдержала:

— Где это вы порвали одежду, мистер Чартер?

— Я? — Чартер растерялся. — Я... Мы проводили учение. Надо было преодолеть высокую стенку, я зацепился за гвоздь.

— Вы проводили учение в лучшем своем мундире? — спросила Мари.

— Да, — мужественно ответил Чартер. — Пожарный всегда аккуратно одет.

Мари прыснула.

Я-то прекрасно знал, откуда на штанах Чартера дырка. Когда мы вечером уходили от Бланшаров, он слишком заигрался с маршальской тройкой. То ли Мари сказала ему ласковое слово, то ли просто веселье нашло, но Чартер стал носиться как оголтелый. Нею, Груши и Мюрату только того и надо. Они принялись беситься вместе с Чартером и заодно по-дружески дернули его разок за штанину.

Я слышал, как треснул материал и Чартер страдальчески охнул. При всех долгах папаши этот красный отличный мундир составлял немалую ценность для Чартера.

— А вы не можете поиграть на флейте? — сказала Мари. — Ну хоть бы немного. Для меня.

— Для вас? — Чартер воспрянул духом. — Я учился. Правда...

— Ничего, ничего, — успокаивала Мари. — Хотя бы две ноты. Ах, я так люблю флейту! — Она мечтательно закатила глаза, картинно захлопала серыми ресницами и с нежностью посмотрела на Чартера.

Я думаю, тот согласился бы сейчас играть на чем угодно, даже на органе.

Принесли флейту. Чартер долго примеривался, вытирал мундштук рукавом, перебирал клапаны. Наконец сказал хриплым голосом:

— Упражнение для флейты по системе профессора Рескина.

За сим раздались страшные звуки, от которых встрепенулась вся живность «Аркольского дуба». Лицо Чартера побагровело, он остервенело дудел в деревянную трубку, нажимал сразу по несколько клавиш и доказывал, что система профессора Рескина годится для оживления покойников.

— Спасибо, мистер Чартер, — сказала Мари ледяным тоном.

Она встала и ушла внутрь дома. Я поспешил за ней. Она стояла у раскрытого окна и смотрела в сад, уже подернутый желтоватой влагой сумерек. Ее лицо, овеянное последним отблеском неба, казалось таинственным и мечтательным.

— Как он играл! — тихо сказала она.

— Чартер играл замечательно, — согласился я.

— Отстаньте с вашим Чартером! — Она резко повернулась ко мне. — Куда вам всем... Это был он. Я знаю...

— Кто же? — спросил я.

— Белый Ламберт. — Она сказала это как бы для себя и тут же отвернулась.

Вот те раз! Белый Ламберт. Герой целой серии дешевых книжонок. Красавец весь в белом, по которому обмирают простушки в богом забытых селеньях. Придет Белый Ламберт, побренчит на гитаре, сыграет на трубе или на флейте — этот парень на все руки мастер, — возьмет простушку за руку и уведет в свой замок, тоже весь белый. Белый Ламберт — принц пустоголовых девчонок. Он побеждает злодеев, помогает бедным, а главное, спасает от скуки мечтательных девиц, которых родители не выпускают за ограду.

Я не знаю, кто пек эти книжки по пять центов каждая. «Белый Ламберт и Черный

Корсар», «Любовь Белого Ламберта», «Белый Ламберт в стране гиббелинов».

В этом была вся Мари. Я проклинал себя. Как может нравиться такая девушка? Шкаф в ее комнате завален книгами, которые годятся только для растопки камина. Думаете, она очень любила Вальтера Скотта? Ну, «Айвенго» еще туда-сюда. Она могла прочесть душещипательные места, где герой спасает героиню из горящего замка. Но на длинные описания тогдашних нравов ее уже не хватало.

Вот что я видел у нее на столе: «Судьба пирата, или Последний разбойник морей», «Гондериль-вампир, или Пляска смерти», «Бедная Джесси и хрустальный башмачок», «Страдалица Джейн». И конечно, всеми верховодил Белый Ламберт. Теперь-то выяснилось, что Мари со дня на день ждала его появления.

Еще одной страстью Мари было аккуратное ведение семейной книги «Бланшар-ливр». Это здоровенный том с золотым тиснением на обложке. Чего в нем только нет! Мари старается, чтобы каждый день там появлялась новая запись.

Я как-то от нечего делать полистал «Бланшар-ливр». Тут и вырезки из газет, и картинки, и описание семейных обедов, и рецепты. «Возьмите засохшие сосновые иголки, корень китайского шиповника, красный корень, корень сассафраса, добавьте сухой лист остролиста, сахарную патоку, дрожжи, подсыпьте кукурузную муку и потом...» Дальше длинное описание, как приготовить необычайно вкусное домашнее пиво.

Каждого человека, побывавшего в доме, заставляют что-нибудь написать в этой книге. Я отделался скромной пометкой: «Случайно попал в сад и случайно оказался в доме. Майк Аллен. 11 мая 1860 года».

Самой длинной записью разразился Люк Чартер: «Считаю большой честью для пожарной команды города Гедеона оставить память в этом достославном фолианте семьи замечательного героя французской, испанской и мексиканской войн, а также отца впечатляющей леди, а также ныне хозяйки этого достославного дома, в котором хранятся достославные традиции семейственности, уюта, счастья и грома побед, гремевших над покоренной Францией, Испанией и Мексикой. Со всем уважением и любовью Люкас Чартер, лейтенант пожарных войск, в будущем сквайр».

Не говоря уже о малость корявом стиле, Чартер перегнул по военной части. Что это за войны — «французская, испанская и мексиканская»? Впрочем, мексиканская как раз была, но генерал уж никак не мог в ней участвовать. А «покоренная Франция»? Если бы сам месье Бланшар удосужился почитать книгу, он бы надрал Чартеру уши.

Мари не выносит, когда она не в центре внимания. Ей нравится уходить с галереи, чтобы все кричали: «Куда же ты, Мари? Нам без тебя скучно!» Она общий баловень. Если Отис Чепмен слишком увлечется Дейси Мей или Флорой Клейтон, она подзовет подружку к себе. Так или иначе Отису придется разговаривать с обеими. Она, конечно, не сомневалась, что любой помчится к ней по первому зову. Интересно, удалось бы ей расколоть близнецов Смитов?

Но она мне нравилась. Нравилась, и все — вот что обидно. Казалось, в ней спрятано маленькое солнышко. Оно брызжет вокруг горячим светом, а все остальные вроде планет так и вертятся кругом. Стоило ей пробежать мимо в белом платье, белых гольфах, с белой ракеткой в руках, стоило улыбнуться яркими губами и крикнуть: «Майк, догони!», как ничто не могло удержать меня на месте.

Мы бегали по саду, смеялись. Однажды я схватил ее в тени большого, почти склонившегося к земле дуба. Она упала, хохоча, толкалась. Потом вдруг стала серьезной и посмотрела прямо в глаза.

— Разве это хорошо — толкать леди? — спросила она. — Так делают только нехорошие люди.

Я встал поспешно и отряхнулся. Она осталась на траве, только руку под голову положила. Она сказала:

— Нельзя приставать к леди, когда ей это не нравится. Я снова было кинулся к ней, но она вскочила и умчалась, звонко крича:

— Хетти, Хетти! Он сломал нашу ракетку!

Хетти совсем другая. Может, больная нога тому причиной, но я никогда не видел, чтобы

Хетти кокетничала, ну хоть немного. Все-таки она девочка. Бывают минуты хорошего настроения, и тогда она могла бы как-то особенно посмотреть, ну хоть просто повести глазами, как это умеет любая девчонка, когда на нее уставится мальчик. Но нет.

Однажды я встретился с Хетти взглядом. Она сидела задумавшись, и вот я посмотрел ей в глаза. Мы не играли в гляделки, но получилось, что мы смотрели глаза в глаза несколько долгих секунд. Потом она быстро, словно спохватившись, отвела взор, и щеки ее слегка порозовели.

Это был грустный взгляд. Ее глаза как два маленьких светлых озера, но очень глубоких. А на дне их спрятано что-то. Какая-то печаль и дума. Может быть, тайна.

Однажды, когда я сидел в саду, ко мне подошел Мюрат. Он положил мне голову на колени и начал смотреть в глаза. Я даже вздрогнул тогда. Никогда еще живое существо не смотрело на меня с такой немой силой. Он что-то хотел сказать, но ясно было, что сказать не может. Вот какие бывают глаза.

Как-то я застал Хетти в саду. Она читала книгу. Когда я подошел, Хетти быстро закрыла и спрятала томик. Но я заметил, это был Лонгфелло. Я мог бы прочесть ей наизусть:

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка, —
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!
О, я много знал из «Гайаваты», но я только спросил:
— Что ты читаешь, Хетти?
— Просто стихи, — ответила она.

Я понимал, почему она прячет книгу. Лонгфелло в этих местах совсем не жаловали. Ведь этот человек написал «Стихи о рабстве». Я думаю, если бы мисс Харриет Бичер оказалась на улицах Гедеона, ее бы закидали тухлыми яйцами, а может, и забили палками. Никто здесь не читал «Хижины дяди Тома», но все знали, что в этой книге одно вранье. Какая-то тощая жердь, никогда не бывавшая в штате Кентукки, взялась писать про этот штат и несчастных черных.

А знает она, что ровно месяц назад в Традесканции сорок негров убили своих хозяев, сожгли имение, разбежались кто куда и поймать удалось не всех? Знает она, что Билл Таллаверо, сумасшедший плантатор из Натчеза, дал вольную своим черным и с тех пор по округе все с ног на голову встало?

Неужели Хетти аболиционистка? На прошлой неделе в местной газете появилась заметка:

«Зараза ползет из соседних штатов. Вы слышали, что такое „подземная железная дорога“? Нет, это не чудо из чудес, не думайте. Находятся белые, которые помогают неграм бежать на Север. Они устраивают тайники и передают беглых друг другу, как по цепочке. Уму непостижимо! Нас посетил сэр Аткинс, редактор газеты „Телеграф“ из Джорджии. Он и рассказал про „подземную дорогу“. Неужто такое может существовать и у нас? Да провались они пропадом, эти проклятые аболиционисты! Они еще будут рыть, как кроты, наши поля и пастбища! Вешать их на первом суку!»

Я уже заметил, что Хетти часто бывает в лачугах у негров. Она все время шепчется с дядюшкой Парижем, обменивается улыбочками с поварихой Сорбонной. И даже мрачный Кардинал расплывается, когда видит Хетти. Что и говорить, прислуга очень любила Хетти. Я так думаю, не без ее участия кое-что перепало неграм с господского стола. Один раз видел, как целый песочный торт перекочевал в лачуги.

Все это неплохо. Быть доброй девочкой хорошо. Но почему только с черными она оживляется, смеется, как колокольчик, а на галерее забьется в угол и молчит, молчит напролет весь вечер? Я никогда не слышал такого серебряного смеха, который звенит, когда Хетти

уходит к черным. Чем мы хуже ее дружков и подружек из лачуг? Я никогда не обижал Хетти, Мари с ней ласкова, а едкий Отис Чепмен старается не задевать Хетти своими шуточками.

Что касается Морриса, тут дело темное. Я до сих пор не пойму, зачем он нес какую-то чепуху в саду. «Хочется только с тобой. Буду носить на руках». Нет, честное слово, Моррис чудак. С того раза он не перекинулся с Хетти словечком. Может, подумал, что слишком много ей наобещал. Да и Хетти теперь старалась не появляться вечерами на галерее. Она уходила туда, где рядом со своими тростниковыми хижинами негры усаживались в кружок, пели и рассказывали разные истории.

Глава 18: Арш-Марион есть Арш-Марион

Иногда генерал Бланшар подходил к низеньким постройкам, где жили его рабы, втягивал воздух носом и говорил:

— Арш-Марион есть Арш-Марион.

Только одному генералу было известно, что он имел в виду. Во всяком случае, участок усадьбы, где жили черные, стали называть Арш-Марион.

Работы обитателям Арш-Мариона хватало. В январе упаковывали последние тюки хлопка, в феврале готовили поля под кукурузу, а в марте начинали посев. В апреле работали в саду, в мае начинали сеять хлопок, в июне косили траву, в июле чинили дороги и приводили в порядок усадьбу, а в августе начинался сбор хлопка. До самой зимы крутились «джинны», отсеивая горы «белого золота», а там снова пора готовить поля под кукурузу.

Еще всякая живность, куры, индюки, свиньи. Еще домашние работы. Еще господские праздники. Еще свои заботы. Только поздним вечером в Арш-Марионе наступал часок-другой отдыха.

Толстогубые, с блестящими черными лицами, в белых панاماх и домотканых штанах на одной помочи, они садились большим кругом и начинали свои разговоры.

Сначала все негры кажутся на одно лицо, потом видишь, что они такие же разные, как белые. Они очень давно у генерала. Дядюшка Париж, например, сорок лет. За долгие годы Арш-Марион превратился в одну большую семью. Кто-то женился здесь в молодости, пошли дети и даже внуки. Генерал редко покупает новых рабов и пока никого еще не продал. Рождались в Арш-Марионе и умирали. Похоже, никто и не думал, что можно жить по-другому.

Во время полевых работ генерал Бланшар забирался на крышу дома, на «голубятню», как он говорил, и следил за всеми в подзорную трубу. Вечером он отчитывал нерадивых работников и даже наказывал плетью. Негры сначала верили в чудодейственную силу хозяина. Как из такой дали он может увидеть, кто ленится? Но потом раскусили, в чем дело. Теперь домашний служка Джим с той же «голубятни» поднимал за спиной генерала белую тряпку, если старый вояка хватался за свою трубу.

Когда подросла Мари, плетка надсмотрщика перекочевала в полевой домик. В усадьбе уже никого не наказывали. Генерал считал, что внучка должна видеть только «прекрасное». Выписали много картин и развесили их по комнатам. Привезли ноты и гувернера-француза. Но тот пробыл в доме недолго: генералу показалось, что он республиканец.

Много разных историй слышал я на вечерах в Арш-Марионе. Узнал про Билла Дорожника. Целый год ловили этого грабителя поездов, но так и не поймали.

Билл Дорожник прыгал на тихом ходу в товарняк, открывал ключами замок вагона и сбрасывал на полотно тюки хлопка, свиные туши, бидоны с маслом, бутылки с вином. Всем этим он делился с черными людьми.

Шериф из Эскамбии поклялся убить Билла Дорожника. Он много раз догонял Билла, но тот превращался то в лисицу, то в черную собаку, и одураченный шериф пробегал мимо. Негры поют:

Спасибо, спасибо, что нас не забыл
Хороший парень Дорожник Билл.

Негры, которых генерал посылал на укладку шпал между Гедеоном и Аржантейлем, показывали целое представление. Они брали длинную жердь на плечи вместо рельса, начинали

притоптывать в такт, вопить и улюлюкать. А тот, кто командовал, распевал громко:

Осторожно, братцы,

Дома детки ждут.

Станешь спотыкаться,

Ляжешь в землю тут!

Они укладывали рельс на полотно и пели вместе:

Никого не люблю,

Если ногу придавлю!

Рельсу к рельсе кладешь,

Не соломинку кладешь,

Дочку замуж отдаешь,

Не корову отдаешь!

Показывали, как забивают в шпалы стальные нагели:

О-лу-ла! О-лу-ла!

Где ты, милочка с белой монеткой?

О-лу-ла! О-лу-ла!

Угости меня, босс, сигареткой!

Но больше всего мне нравится смотреть, как дядюшка Париж обучает молодых ухаживанию.

Вы думаете, можно подойти просто так и сказать:

— Эй, Салли, давай-ка пройдемся!

Ничего подобного. Даже если ты целое лето работал с этой Салли бок о бок на поле, если ты знаешь ее распрекрасно, все-таки надо выдержать джентльменские правила на арш-марионский манер.

Например, сидит эта Салли. Сидит в тенечке, ничего не делает, но уже видит, что ты прохаживаешься мимо нее гоголем. А она поджимает губы и отворачивается. Она на тебя и смотреть не хочет. Или, например, скромно опускает глаза.

Когда ты походил туда-сюда сколько положено, этак около мили, давай останавливайся против Салли и говори с достоинством:

— Любезная миз, быть может, вы не против, чтобы я приблизился к вам и смазал колесо нашей беседы колесной мазью вашего согласия?

Тогда она вздыхает и отвечает:

— Колесная мазь так дорога в наше время! Но находятся леди, которые не пожалеют целой банки на одну втулку.

— О! — говорю я. — В этом чудовищном, страшном мире, где все скрипит и качается от недостатка колесной мази, так приятно встретить человека, который не пожалеет капли, чтобы оросить ею мое заржавевшее сердце!

— Но ржавчина легко удаляется, — успокаивает она. — Поцелуй нежных губ оживляет даже камень.

— Я чувствую, как мое сердце превращается в розу! — вскрикиваю я. — Неужто, прекрасная миз, вы позволите быть вашим спутником и сопровождать вас через тернии этого сада, где не одна оступилась, не одна исчезла впотьмах!

— Но ваша рука как медный поручень локомотива, — говорит она, — я чувствую себя так же крепко, как вагонетка на рельсах.

С этими словами она подает мне руку, и мы прохаживаемся вдоль забора «Аркольского дуба».

Я иногда думал про Африку. Запах морского порта, крепкий аромат пряностей, выгружаемых из трюмов в больших мешках, настой дегтя, манильской пеньки, йодистый дух соленой воды — все это заставляло вообразить Африку. Ее непроходимые джунгли, бескрайние саванны, ее водопады и белый снег Килиманджаро.

Неужели, думал я, все эти люди оттуда? Полуголые, они крались когда-то среди плетений лиан с копьём в руке, с глазами, прикованными к добыче. Вольные охотники зеленых африканских берегов! Помните ли вы о своей родине? Или другая страна, страна, которая не дала вам ничего, кроме рабства, стала теперь вашей родиной? Я не встречал ни одного

свободного негра, который поехал бы на землю своих предков. Почему? Загадка.

Что мне нравится в неграх, так это их терпеливость. Я не про то, что они сносят такую жизнь, хотя, быть может, одно связано с другим. Я хочу сказать, что в разговоре негр никогда не разозлится так, как белый. Если послушать, как беседуют белые братья в пивном салуне, можно подумать, что сошлись кровные враги. Под конец такого разговора в ход идут пивные кружки, бутылки, стулья и все, чем можно доказать собеседнику свою правду.

Негры не дерутся. Можешь назло говорить всякую чепуху, но они только станут улыбаться и терпеливо объяснять, что ты ошибаешься. Есть у них такая игра — «грязные дюжины». В нее начинают играть с малолетства, как бы заранее приучают себя к терпению. Садятся друг против друга два черных мальчишки и начинают ругаться. Нужно придумать самые обидные слова, обозвать маму и папу и все твои недостатки. Нужно добиться, чтобы соперник обиделся или разозлился. Первый, кто выйдет из себя, тот проиграл. «Грязные дюжины» не очень веселая игра. Я думаю, любой белый не выдержал бы и двух ходов, а тут надо сделать двенадцать, да еще улыбаться все время в придачу.

Нет, я не аболиционист. Рано мне еще путаться в такие дела. Пусть все идет своим чередом. А сам по себе я никогда не обижал черных.

Между прочим, в семейной книге Бланшаров я видел такую запись, сделанную рукой Мари:

«Октября 15, года 1859. Сегодня дедушка ездил на плантацию „Как в Ирландии“ и купил там хорошенькую черную всего за шестьсот двадцать долларов. Ей больше двадцати лет. Мы назвали ее Камилла. На плантации у нее остался маленький сын. Дедушка не стал покупать его в придачу, потому что он стоит пятьсот долларов. Нам сейчас нужна посудомойка вместо старой Барбары, а маленький мальчик нам не нужен. Мне жалко Камиллу. Когда я стану большой и у меня будут деньги, я куплю ее сына».

Глава 19: Славься, Черная Роза

«Страшила» взбаламутил всю округу. Вернее, не он, а люди, которые на нем ездили. Теперь только и слышишь: «Отделение, отделение!» Про северян говорят, как про людоедов, которые придут и проглотят детишек южан.

Отделение! Долой власть Севера! Разве вы не знаете, что Южная Каролина послала делегацию в Вирджинию, чтобы созвать конференцию свободного Юга? Вперед, южане! Пальмовая Каролина, сосновая Джорджия, хлопковая Алабама, табачный Кентукки, пеликанья Луизиана! И ты, Миссисипи, страна магнолий, и ты, Виргиния, штат из штатов, сердце Америки!

Сколько можно кормить прожорливых северян, сколько можно терпеть грязь и копать, ползущие оттуда? Жадность, разврат, бесчестье — вот что такое Север. До выборов нового президента осталось четыре месяца, но ясно, что им станет пронырливый Линкин, этот босяк, везде проклинаящий рабство и южные штаты. Демократическая партия раскололась. Эти болтуны не смогли договориться о простых вещах. Победят республиканцы, а значит, Линкин, или Линкольн, как его там, полезет в грязных сапогах по мраморным ступеням Белого дома. Ни растяпа Дуглас, ни темная лошадка Бель, ни Джон Брекенридж, самый достойный из всех человек, не смогут остановить тощего Линкина.

Вы знаете, кто этот человек? Быть может, вы думаете, что он из хорошей семьи? Ничуть не бывало! Родителей у него вовсе не было. Кое-как вырос, чухался в подмастерьях, в подручных, чернорабочих и всякое такое. Как мог это человек проникнуть в конгресс?

Чего ждать от Линкина? Чего ждать от Севера? Пока «рисовые носы» каролинцы будут договариваться со спесивыми «травоедами» вирджинцами, Север окончательно сядет на шею Югу и будет ездить на нем, как на осле. Нет, ждать нельзя ни одного дня. Пора кому-то взять на себя смелость и сказать северянам: «Баста! Мы не желаем жить вместе с вами, мы отделяемся навсегда!»

Но кто скажет эти слова? Чахлые «глиноеды» из Аппалачей или «кукурузники» из Джорджии? Быть может, толстые флоридские «крысоловы»? Куда там! Только свободный житель Черной Розы сможет плюнуть в лицо северянам. Черная Роза — красное сердце Юга!

Гедеон — сердце Черной Розы! Гедеонец, встань и скажи: «Я отделяюсь!» Сзови конвент и заставь его провозгласить: «Мы отделяемся!»

Горячие денечки настали в Гедеоне. Все только и болтали: «Конвент, конвент». Вот так всегда на Юге. Спят, спят, потом вскинутся и начинают колотить себя в грудь, разоряться.

Город наполнили толпы фермеров и плантаторов со всех углов Черной Розы. Стулья из отелей, таверн и салунов перекочевали на улицу. Тут подогретые вином и пивом гомонили с утра до вечера. Гедеонская газета каждый день печатает крикливые призывы и списки людей, достойных войти в правительство Свободной Республики Черная Роза. Президентом — сквайра Стефенса, министром юстиции — судью Хендерсона, министром хозяйства — плантатора Смита, военным министром — генерала Бланшара.

Старый вояка по этому случаю стал надевать свой генеральский мундир и каждый вечер восседать у «дуба славы» с важным лицом.

Приободрился и Чартер. Поговаривали, что гедеонских пожарников превратят в гвардию Черной Розы, а полковник будет командовать всеми войсками.

Мы с Моррисом в это время встали на маневры. Обычно в маневровые идет самый старый и никуда не годный локомотив. У него много смешных названий — «песик», «калоша», «кастрюля». «Страшила» никогда бы не встал на маневры, но Моррис ничем не брезговал. Если бы ему взбрело в голову, он мог бы возить платформы с навозом по всей Черной Розе.

Маневры неуважительная, но трудная работа. К концу дня начинаешь гложуть от грохота стучающихся вагонов. Все тело болит от постоянных резких толчков. На руках появляются мозоли, потому что крутить тормоз — главное дело на маневрах.

Я несколько раз предлагал Моррису уйти с маневров, но тот пропускал это мимо ушей. Толчея вагонов, запутанная игра рельсов, черепашее ползание по лабиринтам гедеонских путей доставляли ему странное удовольствие. Так он выходил из спячки, и дело шло к тому, что регулятор «Пегаса» вот-вот должен был открыться до отказа.

Тут еще была игра в кошки-мышки с Кузнечиком Джефом. Тот уж совсем возгордился. Увитый зеленью «Страшила» все еще не опомнился от победного «рейса надежды». Казалось, на его черной громадной физиономии написано торжество и самодовольство. Еще бы! Одна из шапок гедеонской газеты гласила: «Мы любим тебя, „Страшила“! Ты возродил в нас чувство достоинства!»

«Пегас» затаился. Толкался в гуще вагонов, прятался скромно на запасных путях, но я не сомневался, что он еще даст «Страшиле» по носу.

Мы стали чаще бывать у Бланшаров. Здесь тоже все крутилось вокруг отделения. Главным проповедником стал Отис Чепмен. У этого белобрысого парня оказались задатки болтуна из конгресса или сената. Он даже предложил создать «Лигу молодых» в защиту южан.

Близнецы Смиты, не очень разбираясь, сразу вступили в эту лигу. Люк Чартер обещал подумать. Он выжидал, кому предложат место председателя лиги. Если на него рассчитывает сам Чепмен, то Чартер, конечно, останется в стороне. Как-никак он старше Отиса, да еще лейтенант, да еще будущей гвардии. Зачем ему подчиняться Чепмену? Чартер вступит в лигу только в том случае, если председателем станет он.

Мари, Флора Клейтон и Пруси Хендерсон тоже записались в лигу. Отис Чепмен показывал список, где было уже три десятка имен. «Лига молодых» быстро преуспевала.

Только нас с Моррисом никак не удавалось заманить Чепмену, а Хетти даже слышать не хотела ни о какой лиге.

— Я знаю, почему она так поступает, — сказал обиженный Отис.

— Почему? — спросила Мари.

— Потому что она не патриотка!

Это было сильно сказано. Слово «патриот» сейчас очень ценилось в Гедеоне. Тот патриот, а этот не патриот. Это патриотический поступок, а это не патриотический. Нас с Моррисом Чепмен побаивался назвать «не патриотами». Как-никак мы не слабые девчонки и можем постоять за себя.

— Почему вы с Моррисом не вступаете в лигу? — спросила Мари.

— Какую лигу? — сказал я.

— Ну, «Лигу молодых», которую придумал Отис.

— Какой Отис? — спросил я.

— Что ты придуряешься? — сказала она. — Думаешь, вы с Моррисом такие необыкновенные?

— Конечно, необыкновенные, — сказал я.

— Быть может, когда Черная Роза отделится, вы удерете в другой штат?

— Может, и удерем.

— Может, прямо на Север? — Мари прищурилась.

— Может, и на Север, — сказал я.

— Значит, правду говорил мне Люк Чартер.

— А что он тебе говорил?

— Он сказал, что вы шпионы с Севера. Он сказал, что ты его уговаривал бежать на Север и там поступить в колледж.

— Уговаривал? — Я удивился. — Он сам собирался подать на Север и там поступить учиться.

— Мистер Чартер настоящий южанин! Он никогда никуда отсюда не поедет!

— А ты настоящая южанка?

— Конечно.

— Почему же ты мечтаешь о Париже?

— Париж — это другое дело. Там родился дедушка. У нас есть родовое поместье в Мезон-Лафите, там живет дедушкина сестра, и скоро мы поедем ее навестить.

— Вот какая ты патриотка! — насмешливо сказал я.

— Я патриотка! — Щеки ее заалели. — Я за отделение!

— Ну да, Черная Роза отделится, а ты уедешь в Париж.

— Дедушку назначат военным министром. Пока мы никуда не поедем. Дедушка очень хороший генерал. Он выиграл много битв.

— И много проиграл, — сказал я.

— Как ты смеешь так говорить!

— Разве его не победили при Ватерлоо?

— Это победили не его, а Наполеона!

— А разве его там не было?

— Дедушка получил при Ватерлоо две раны!

— Значит, его и победили.

— Ты что, издеваешься?

Потом я разговаривал с Чартером. Я сказал:

— Мистер Чартер, у вас в пожарной команде много воды?

— Достаточно, — сказал он высокомерно.

— Значит, вы много заливаете?

— Что заливаем? — не понял Чартер.

— Ну, всякое. Пожар, например. Или про шпионов с Севера.

— Я вас не понимаю, мистер Аллен, — сказал Чартер. — Вы еще молоды, чтобы говорить со старшими такими загадками.

Я заметил, что Хетти старается нас избегать. Как только мы на галерею, она выбирается из кресла, берет свою палку и хром-хром в гостиную или свою комнату. Моррису это не нравилось. Он стал нервничать. Хетти уходит, он провожает ее взглядом, потом начинает расхаживать по галерее туда-сюда, заглядывает во все двери.

— Что вам не сидится, мистер Аллен? — спрашивает Мари.

— Насиделся в паровозе, — бурчит Моррис.

— Разве вы там сидите? — удивляется Мари.

— Конечно.

— У вас есть стульчик?

— Нет, я сажу прямо на топке.

— Но это, должно быть, очень горячо.

— Конечно, — ляпает Моррис. — Когда прожжешь штаны, совсем не хочется сидеть.

Вот что может сморозить Моррис на галерее.

— Вообще-то я не понимаю, — сказал мне как-то Отис Чепмен, — какие у тебя убеждения?

— Самые убежденные, — заверил я.

— Ну в чем ты убежден?

— Я убежден в том, что завтра в пять утра мне разогревать «Пегаса».

— Это не убеждение, — сказал Чепмен. — Простая необходимость. Ты за Юг или за Север?

— Смотря что ты понимаешь под Югом, смотря что под Севером.

— У меня точное разделение, — сказал Чепмен. — Мой отец подсчитал: если температура года, то есть средняя его температура, выше шестидесяти по Фаренгейту, — это Юг, а если ниже пятидесяти — это Север.

— А что находится между пятьюдесятью и шестьюдесятью? — спросил я.

— Пятьюдесятью и шестьюдесятью? М-м... — Чепмен замялся.

— Между пятьюдесятью и шестьюдесятью по Фаренгейту и зарыты мои убеждения, — сказал я.

— Значит, не нашим и не вашим? — спросил Чепмен.

— А может, и нашим и вашим, — сказал я.

— Такие, как ты, очень опасные люди, — сказал Чепмен.

— А по-моему, такие, как ты.

— Наверное, ты аболиционист.

— А что это такое?

— Сам знаешь прекрасно.

— Ты станешь сенатором, Отис, — сказал я. Это его несколько смягчило.

— Почему вы с Моррисом не вступаете в лигу? — спросил он.

— У нас другие планы. Мы образуем свой союз.

— Какой союз?

— Это пока секрет. В твоей лиге, Отис, только девчонки. А у нас будут взрослые. У нас будут паровозы, знамена и ордена.

Эти слова только подстегнули Чепмена. Целые дни он носился по городу и уговаривал даже сопливых мальчишек записаться в его лигу. Он уже побаивался какого-то неизвестного союза и готовился с ним бороться. Я говорил, что Отис Чепмен станет сенатором или конгрессменом.

Тем временем в городе открылся конвент Черной Розы. Конвент — это сборище самых шумливых людей. Просто удивительно, как быстро удалось забить колонный зал Капитолия разгоряченными сынами Черной Розы. Я уж не знаю, чем они там занимались, но вываливали краснощекие, с блестящими глазами, размахивали голубыми флажками и пели:

Славься, Черная Роза!

Пусть сбудутся наши грезы!

Какие вообще-то у них грезы? Ну, отделиться от Севера. Ну, собрать побольше тюков хлопка. Ну, выпороть негра. А еще что? Я как-то слышал разговор. У забора в пыли сидели два гедонца.

— Эй, Ред, а что хочет сделать с нами этот паршивый Север?

— Не знаю, Ник. Должно быть, что-то нехорошее.

— Вырубить кукурузу?

— Думаю, нет. Они же сами лопают.

— Хлопок пожечь?

— Так штаны им из чего-то надо шить.

— А, тогда плевать.

Генерал Бланшар строевым шагом выходит из дома, садится в коляску и едет в конвент. Он смотрит вокруг орлиным взглядом и чувствует себя полководцем в большом сражении.

Во всей этой суеде мы с Моррисом как белые вороны. Южный патриотизм нас не очень зажигает. Ведь мы люди ниоткуда — ни с Юга, ни с Севера. Я, например, пришел с Запада, а Моррис, как я уже говорил, родом из Иллинойса. Об этом не знал никто, кроме меня. Ведь

Иллинойс проклятый штат. Именно он выдвинул сейчас в президенты Эйба Линкольна. Но все, конечно, чуяли, что Моррис не из южан. Больно он чудной, а к тому же бледный. Загар не берет его кожу, южанину не может это понравиться.

— Надо драпать отсюда, — сказал Моррис.

— Почему? — спросил я.

— Скоро начнется заваруха. Север не потерпит, чтобы Черная Роза отделилась. Возьму Хетти и уеду.

Он так и сказал: «Возьму Хетти и уеду».

— Почему Хетти? — спросил я. — Может, Мари.

— Мари не отпустят.

— А Хетти отпустят?

— Генерал ее не любит. Она ему не нужна.

— Значит, ты выбираешь ту, которая не нужна генералу?

Моррис насупился.

— Я бы вылечил ей ногу. На Севере есть хорошие врачи. Ее никто не лечит. Она скоро перестанет ходить.

— Тебе-то что? — сказал я.

Внезапно он сел и заплакал, как тогда, в саду у Бланшаров. Я испугался.

— Что ты, что ты, Моррис?

Он рукавом вытер слезы и жалостливо хлюпнул носом.

— Я в нее, это... Как там говорят? Наверное, влюбился...

— В Хетти?

— Угу.

— Знаю, как ты в нее влюбился, — сказал я. — Как влюбился, так и разлюбился. Давно ты в нее влюбился?

— Еще до того, как встретил тебя.

— Смотри-ка! — я удивился. — Никогда бы не подумал! А почему же ты ее мучаешь?

— Не мучаю, — буркнул он.

— А то я не вижу. На балу не подошел ни разу. Да и потом...

— Я сам не знаю, почему так выходит.

— Зачем ты ушлепывал за Мари? Хетти назло?

— Да нет... Говорю тебе, не знаю. Мне очень ее жалко.

— Кого, Хетти?

— Да, Хетти.

— Так это не любовь. Это просто жалость.

— Ты думаешь? — С мокрыми щеками он уставился в небо, как будто искал там ангела. — Хорошо бы, это была не любовь.

— Вот те раз! А про нее ты подумал? Может, она тоже в тебя влюбилась? Ты заметил, что она перестала ходить на галерею?

— Заметил.

— А почему?

— Не знаю.

— Послушай, Моррис, ты говоришь так, как будто влюбиться в Хетти несчастье.

— А то счастье, что ли?

— Да почему, не пойму?

— А что мне с ней делать? У нее ведь нога...

Я был поражен. Значит, он стеснялся ее недуга? Я прочел ему целую лекцию о возвышенной любви. Я упомянул о Ромео и Джульетте.

— Причем здесь Джульетта? — сказал он уныло. — У нее были обе ноги.

— Но Хетти может вылечиться!

— Вот я и хочу ее вылечить.

— А так бы на ней не женился?

— Не знаю, — сказал он. — Сначала возьму ее с собой, а там посмотрю.

— Послушай, ведь Хетти не чемодан. Она, может, с тобой и не поедет.

— Она мне сказала, что хочет быть моей сестрой. Вот я и предложу...

— Брось ты эти игрушки, Моррис. Слышал я басни про сестриц. Мне кажется, ты должен поговорить с Хетти.

— О чем?

— Объясни ей, что хорошо к ней относишься. А то она сама не своя.

— Ты думаешь, это просто? — сказал он уныло.

— А что тут такого? Подойди и скажи: так и так, Хетти, прости меня, дурака, и так далее...

— Не получится у меня. За что я должен просить прощения?

— Но ты же сам знаешь, что она... Ну как бы это... Страдает.

— Думаешь, страдает? — он оживился. Вот чудной человек.

— Да, да. Мне кажется, она тебя любит.

— Ты так думаешь?

— Хочешь, спрошу? Вообще-то я уже спрашивал. Она сказала, что ты парень ничего.

— Так и сказала?

— Ну вроде того.

— А давно это было?

— Два дня назад, — соврал я. Моррис совсем приободрился.

— Ладно, — сказал он, — что-нибудь придумаю. Главное, ей подлечиться. Она у меня забегает. Я дам доктору тысячу долларов!

— Откуда они у тебя?

— Заработаю. Если в Новой Англии встать на линию, тысячу долларов заработать — раз плюнуть.

Я хорошо помнил этот вечер. Последний спокойный вечер в нашей гедеонской жизни. Закат был яркий и жгучий. На небе горел пожар, и никакой Люк Чартер, даже с паровым брандспойтом, не смог бы затушить его уголка. Казалось, насквозь прогорели оцинкованные крыши пакгаузов, докрасна накалились стекла домов. Сам воздух был розовый от тепла. Потом закат угасал. Он сделался вишневым, как брус железа, выброшенный из горна. Небо темнело, и только края стреловидных облаков, перекрещенных, как несколько ножей, горели золотым лезвием.

Мы сидели с Моррисом у вагончика и любовались. Вдали на перрон станции высыпала большая толпа со знаменем.

Она дудела в трубы и распевала:

Славься, Черная Роза!

Пусть сбудутся наши грезы!

Видно, кто-то приезжал на вечернем «щегольке» из форта. Быть может, новый министр или еще какой герой отделения.

Я хорошо помнил этот вечер. Последний спокойный вечер гедеонской жизни. После него колесо событий закрутилось со страшной скоростью, как у «Пегаса» на полном ходу. Всего несколько дней оставалось мне провести в этих краях, и эти дни я запомнил навсегда.

Глава 20: Самая смешная история

Садитесь в кружок, милые дети. Дядюшка расскажет смешную историю. Ну, было это давно, а смешней ничего не было.

Каждый из вас знает, что Кривой Початок влюбился в Белую Коробочку. А как звали Кривого Початка? Ну, может быть, Моррис. А как звали Белую Коробочку? Ну, может быть, Хетти. Но какое кому до того дело?

Так вот он влюбился, пострел. Так вот он пошел и кинул в нее кукурузным огрызком. А она, потому что девочка, она заплакала. Дурак. Зачем он кинул огрызком? Она сказала:

— Дурак. Зачем ты кинул огрызком?

А он, потому что мальчик, он ответил:

— Кинул, и все.

А мистер Филин, который сидел на дереве, мистер Филин, потому что он Филин, сказал:

— Да он влюбился.

— Но тогда не бросают огрызком, — сказала девочка.

— А что тогда делают? — спросил Кривой Початок. А мистер Филин, потому что он умный, мистер Филин сказал:

— Делают что-то хорошее.

— Всякое я могу, — говорит Кривой Початок. — Могу и хорошее. Только какое?

— А вот какое, — говорит Белая Коробочка. — Ты знаешь Смоляного Малыша?

— Да как же, — отвечает Кривой Початок, — знаю его, неумытого. Только как звать его, позабыл. Может быть, Вик?

— А знаешь, что он ищет свою маму? — говорит Белая Коробочка.

— Вот тебе раз. Зачем ему мама?

— Он свою маму ищет. А мама его со мной рядом живет.

— Вот тебе раз, — говорит Кривой Початок. — Так и живет? Почему же ты знаешь, что это она?

— Какой же ты глупый, — говорит Белая Коробочка. — Раз маму зовут Камилла, а малыша Вик, разве она не его мама?

А Кривой Початок, пострел, он почесал свой кукурузный затылок.

— Раз так, — говорит, — может, ты и права. Если Камилла и Вик, значит, мама и сын, ну их совсем. Мне-то мамаша совсем ни к чему.

— Но хозяин Тутовый Лоб совсем Смоляного Малыша замучил. Никуда не пускает. Вот и пойми, к чему я веду.

— Да кто ж тебя знает? — говорит Кривой Початок. — Я-то как догадаюсь, к чему ты ведешь?

А мистер Филин, который на ветке сидел, мистер Филин сказал:

— Покумекай немного, парень. А покумекаешь — сделаешь доброе дело. Сыночка приведешь к маме. Сыночка приведешь к маме, обрадуешь Белую Коробочку. Обрадуешь Белую Коробочку — она тебя и полюбит.

— А как же я его приведу, если хозяин Малыша держит?

— А это дело хозяйское.

— Ладно, — говорит Кривой Початок.

Пошел, все затылок чешет. У Тутового Лба ружье двадцать второго калибра. Как же украсть Смоляного Малыша? Как порадовать Белую Коробочку?

А тут, глянь, сам Смоляной Малыш навстречу бежит.

— Ух ты, — говорит Кривой Початок, — здравствуй, чумазый. Куда направляешься?

Уф-уф! Совсем запыхался Смоляной Малыш.

— Бегу от хозяина, — говорит. — Маму ищу.

Ну, ясное дело, Кривой Початок его за ручку — и к Белой Коробочке прямым ходом.

Как звали Белую Коробочку? Может быть, Хетти? А Кривого Початка? Может быть, Моррис? А маму и Смоляного Малыша? Вик и Камилла? Но какое кому до этого дело! И мистер Филин, который сидел на дереве, мистер Филин так и сказал:

— Нет никому никакого дела.

Но что тут вышло, милые дети? Смешная вышла история. Смешнее такой и не было. Хозяин Тутовый Лоб, он давно собирался к девочке в гости. Купить у нее сидра, да хлопка два тюка, да кизилового варенья.

Пришел, значит, к Белой Коробочке Тутовый Лоб и видит: в обнимку сидят Смоляной Малыш и мама. А Белая Коробочка с Кривым Початком тоже почти в обнимку. Вот, стало быть, какие дела.

Ну, Тутовый Лоб, понятно, за Малышом.

— Вот он ты где, негодник! Все кругом обыскал! Держи, хватай работничка!

А Смоляной Малыш, понятно, стрекача. Сердечко в груди прыгает. Только нашел маму, а тут, значит, опять в неволю?

— Стой! — Тутовый Лоб кричит. — Стой, понимаешь!

А Смоляной Малыш, он бежит.

А Тутовый Лоб за свою двустволку. Вскинул ее да как хлопнет из двадцать второго

калибра — бах-бабах! Из первого ствола кастрюлю на заборе пробил, из второго ствола красную розочку Малышу приделал.

Черный был Смоляной Малыш, ох, какой черный. Блестящий и черный, вот какие дела. А красного на нем отродясь ничего не бывало.

И упал Смоляной Малыш на землю, потрепыхалось его сердечко немного да и совсем затихло. Маму повидал, и ладно. Какие еще дела? Прожил на свете шесть лет, ну, это куда как много. Другие и вовсе тут не появлялись.

А мистер Филин, который на дереве сидел, мистер Филин сказал:

— Отродясь ничего смешней не видел. Один в девчонку влюбился, другая добро захотела сделать, а третий и вовсе за сидром шел.

Давно это, милые дети, было, давно. Я сам тем Филином был, на ветке сидел и очень смеялся. А вы, милые дети, не плачьте. Возьмите кусочек глины, слепите из нее куколку, облейте горячей смолой, вот и получится новый Смоляной Малыш.

А про того забудьте, я уже про него забыл.

Глава 21: Наш Вик

Мы похоронили нашего маленького Вика за кизиловой рощей. Мать его, посудомойку Камиллу, два негра отнесли домой, потому что она упала и тоже почти умерла. Лицо ее было цвета сухой земли.

И двух часов она не провела со своим сынишкой. Как мы могли поступить так беспечно! Когда привели Вика в усадьбу, когда посмотрели на радость матери и всего Арш-Мариона, оставили их без присмотра, пошли на свою галерею.

Кто знал, что нагрянет в усадьбу Бешеный Шеп, всего-то для купли-продажи то ли свиней, то ли навоза. Кто знал, что пройдет он по саду и лицом к лицу столкнется с Камиллой и Виком.

И все могло обойтись. И может быть, Шеп не узнал бы своего маленького раба. Но Вик бросился бежать. А Шеп только что выпил с генералом бурбонского виски. Он крикнул Вику, чтобы тот остановился. Но, я думаю, наш Смоляной Малыш раньше бы умер, чем остановился.

Он и умер раньше. Не очень-то метил Шеп, но сразу попал. А Хетти выбежала из дома, припадая на ногу, и била его палкой, и кричала иступленно, а Шеп только отмахивался ружьем и бормотал: «Уймите свою девицу, генерал».

Потом у Хетти был обморок, и она лежала до вечера бледная. Шеп уехал. Генерал простился с ним холодно. Ему не было дела до того, как О'Тул обращается со своими рабами, но он не любил пальбы в своей усадьбе.

Получилось, что все мы, Хетти, Моррис и я повинны в гибели Вика. По той записи в книге Бланшаров я сразу понял, что негритянка Камилла, купленная Бланшаром у Шепа О'Тула, и есть мама нашего Вика.

Мы не собирались ничего особенного делать. Но когда Моррис сказал о Камилле Хетти, та очень обрадовалась и решила поговорить с генералом. Зря она это сделала.

— Мсье, — сказала она, — вы всегда были очень добры ко мне.

— Я тебя слушаю, моя девочка, — важно сказал генерал.

— Я знаю, что мое воспитание обходится вам в большую сумму.

— Пустяки, — сказал генерал.

— Вы отложили мне деньги на приданое.

— Ты уже нашла жениха?

— О, нет. Просто я бы хотела попросить вас, мсье. Быть может, вы разрешите мне истратить часть этих денег?

— Для какой цели? Невеста не вправе тратить свое приданое. Им будет распоряжаться жених. Когда мы подпишем брачный договор и ты найдешь общий язык со своим суженым, быть может, тогда тебе что-то и удастся истратить. Но, впрочем, сколько тебе нужно?

— Шестьсот долларов, мсье.

— Ты хочешь приобрести бриллиант?

— О, нет, мсье. Просто я уже сейчас хотела бы иметь собственную служанку.

— Но разве у тебя ее нет? Ты можешь выбрать любую девушку Арш-Мариона.

— Мне бы хотелось, чтобы она принадлежала мне.

— Иными словами, тебе хочется выкупить у меня служанку в счет своего приданого?

— Вы меня правильно поняли, мсье.

— Я тебя понял правильно. Но ты все неправильно понимаешь, Хетти. Повторяю, приданое тебе не принадлежит. Им будет распоряжаться жених. Кроме того, меня удивляет это странное желание иметь отдельную собственность в доме, где все общее. Разве я в чем-нибудь тебе отказывал?

— Нет, мсье.

— Ты знаешь, мы с Мари собирались в Париж, и она настояла на том, чтобы взять и тебя. Я не имею ничего против, ты поедешь с нами в Париж, как только позволят мои дела. Ты ведь знаешь, что я буду военным министром, и только это отодвигает нашу поездку.

— Но я могу и не ехать в Париж, — прошептала Хетти. — Наверное, это вам дорого обойдется.

— Конечно, не дешево. Но о чем ты говоришь?

— Быть может, если я не поеду в Париж... Быть может, на эти деньги, мсье...

— Ты опять за свое? Я ничего не понимаю! Впрочем, все ясно. Я знаю твою навязчивую мысль отпустить кого-то на волю. Я не ошибся? Ты хочешь кого-то купить и отпустить на волю?

— Да, — прошептала Хетти.

— Кого же?

— Камиллу.

— Но я только что ее купил! В чем дело?

— У мистера О'Тула остался ее маленький сын.

— Ну и что? Ты выпустишь Камиллу, но Шеп О'Тул не выпустит ее сына. Они все равно будут врозь. Раньше ты просила меня прикупить того негрятенка, теперь ты собираешься выкупить Камиллу. Девочка моя, все это пустые затеи. Одной покупкой не исправишь положения. По всей Черной Розе матери и сыновья, братья и сестры живут врозь. Таков удел черных. Господь все видит и все знает. У меня тоже нелегкая судьба. Меня разлучили с моим императором, едва не убили, заставили покинуть родную страну и жить в этом захолустье. Почему ты думаешь, что белым легче, чем черным? В Мезон-Лафите у меня осталась любимая сестра, я не видел ее уже сорок лет. Моя дочь погибла со своим мужем почти на моих глазах, и я разлучен с ней навсегда. Всегда кто-то с кем-то разлучен. Ты думаешь о Камилле и ее сыне, а я думаю о Франции. Почему тебя никогда не заботило, что я разлучен со своей родиной?

— Но ведь вы можете туда вернуться.

— Вернуться? Легко сказано! Добиться славы и почета в одном месте и все потерять. Потом строить жизнь в другом, все бросить и возвращаться обратно. А что там тебя ждет? Опять улюлюканье толпы?

— Но ведь во Франции снова империя, мсье.

— Империя! Разве можно сравнить жалкого Луи Бонапарта с моим императором! Дитя мое, если б ты видела его! Он был как солнце!

На этой торжественной ноте генерал и закончил разговор с Хетти. Что для него жизнь какого-то черного человечка! Когда он увидел Вика, повисшего на изгороди «Аркольского дуба» с красным пятном на спине, он только поморщился. Вот если бы Вик был флейтист или барабанщик полка зуавов и погиб, созывая солдат под знамя, тогда другое дело. Тогда генерал Бланшар мог произнести что-нибудь вроде: «Voilà une belle mort!» — «Вот прекрасная смерть!», слова, сказанные Наполеоном на поле боя.

Зря Хетти затеяла разговор с генералом. Да и мы не подумали. Зачем повели Вика в усадьбу? Ведь ясно, что нельзя ему было жить с матерью. Разве что только бежать и Камилле? Но это целое дело.

Конечно, слыхали мы с Моррисом про «подземку». Может, в других штатах и находились белые, которые прятали беглых негров. Передавали их друг другу — и так до самой линии Мейсона. Но в Черной Розе повернуть такое дело трудновато.

Здесь толком об этом никто ничего не знал. Негры — так те просто верили, что есть

настоящая линия под землей. Бегают по ней паровозы, тайком перевозят рабов в свободные штаты.

Конечно, мы не аболиционисты. Но для Вика могли бы попробовать. Знать бы хоть один тайный пункт. Довезти туда Вика с Камиллой, а там прощайте, черная мама и черный сынок!

Но где ты, где ты «подземная железная дорога»? Где твои белые, пошедшие против белых? Где эти люди в надвинутых фетровых шляпах и черных шейных платках? Люди с кольцом за поясом, сидящие на передках фургонов, заполненных сеном. А в сене пугливо сжавшийся негр, мать с дочкой, братик с сестрицей. Где вы, такие люди? Нет вас на земле Черной Розы.

Пока мы просто решили сводить Вика к маме. А о последствиях никто из нас не подумал. Даже если бы Шеп О'Тул, мистер Шептун, как звал его Вик, не заглянул в усадьбу. Что тогда? Привести к маме сынишку, а потом увести обратно? Да и куда увести? На станции Вику всегда грозила опасность. Она надвигалась, мы это чувствовали. Вот-вот разговоры о Вике докатятся до тридцатой мили и Шеп их услышит. Ведь этого не миновать. Но все случилось раньше.

Что ж, мы натворили дел. Нельзя было оставлять Камиллу и Вика одних. В счастливом угаре они забыли обо всем. Разгуливать прямо по саду! Да еще натолкнуться на Шепа!

Струйка крови текла у Вика и изо рта. Точь-в-точь как в тот день, когда он объелся красной смородиной. Такая же тонкая и светлая. Моррис тогда сказал ему:

— Где ты набрал смородины, черный брат?

Вик мотнул головой в сторону пустыря.

— Надеюсь, не в саду у Кузнечика?

Вик помотал головой.

— Там, за этим... там его много.

— Кого его, темнокожая бестия? — спросил Моррис:

— Ягодов.

— Ты нам оставил этих ягодов?

Вик в изумлении застыл и бросил жевать.

— Ведь надо же поделиться со старшими. Разве не стыдно?

Ясно было, что Вик не подумал. Растерянно он покрутил головой, потом вытащил изо рта непрожеванный красный комок и с сожалением протянул его Моррису.

— Тьфу! — сказал Моррис и поморщился. — Стыдно, стыдно не угощать старших.

Вик так и остался стоять с протянутой рукой. Вид у него был виноватый. На подбородок стекала красная струйка смородинового сока.

Был Вик, и нет его. Что ж, много ли стоит смоляной человечек на этой земле? Возьмите несколько фунтов хорошей сосновой смолы да пинту Каролинского скипидара, смешайте. Слепите теперь малыша и дайте ему имя. Вот и получится Вик.

Глава 22: Я смотрю на звезды

Я все смотрю и смотрю в ту сторону горизонта, где среди серебряной звездной мошкары угадываются стрекозиные крылья Андромеды и Пегаса. Они чуть загнуты вверх и наклонены в сторону яркого Альтаира. Кажется, стрекоза целится на посадку в огромный ночной бутон Черной Розы.

В одной книге написано: «Если потерял дорогу, смотри на звезды. Если потерял друга, смотри на звезды».

Нет, я пока не терял друзей. Почтальон, которому прострелили голову в колорадском каньоне, не был моим другом. Погибшие на Континентальной дороге переселенцы тоже не были моими друзьями, а перебитые белыми индейцы друзьями стать не успели.

А что маленький Вик? И его не приходилось считать закадычным другом. Так что я мог бы не смотреть на звезды. В книге написано: «Если потерял себя, тоже смотри на звезды. Они всегда одинаковые. Цепляйся за них глазами, как за последнюю соломинку. Места вокруг разные, люди разные, все разное, а звезды одни».

И еще: «Учитесь понимать язык созвездий. В одних призыв, в других утешение, в третьих разгадка тайн. Созвездия — это небесные письма, которые можно научиться читать».

Я смотрел на Андромеду и Пегас. Что ж, они похожи на тайные знаки. Многое тут можно вообразить. Можно представить, что это линия железной дороги. Во всяком случае, столько же звезд, сколько станций. Можно представить, что это все мы, рассеявшиеся на галерее Бланшаров. Во всяком случае, звезд девять и завсегдатаев галереи девять.

Моррис, Хетти, Мари, Дейси Мей, Картер, Отис Чепмен, близнецы Смиты и Флора Клейтон. Девять человек, а в созвездиях девять крупных звезд. Десятая чуть в стороне, отвалилась, как обломок. Видно, это моя звезда. Вот так же, немного в стороне, чувствую себя и я. Иногда мне кажется, что я лишний человек на галерее.

Что за ребусы эти звезды! Древние люди смотрели на них и придумывали легенды. Неужто эти ночные фонарики подвешены в небо просто так?

Моррис тоже любит разглядывать небо. Я показал ему некоторые созвездия и кое-что рассказал. Звездный календарь Джонсона когда-то был моей любимой книгой. Жалко только, не довелось мне еще взглянуть на небо с другой половины земли, из-за экватора. Там есть огромный Южный Крест и много незнакомых звезд.

Эх, Вик, бедняга. Должно быть, и твоя звездочка где-то порхает. Сколько этой серебряной мошкары на небе! В пространстве Большого Квадрата Моррис отыскал крохотную зеленоватую звезду и приписал ее Вику. Я же стоял за звезду рядом. Она еще меньше, но, так сказать, смуглее. Отенок у нее шафранный. По-моему, она больше подходила Вику.

Что ж, был паренек, и нет его. Да и так сказать, много ли стоит жизнь на этой земле? За свои пятнадцать лет не однажды я видел, как людей ни за что ни про что отправляли на тот свет.

О, звезды, звезды! С того вечера, как убили Вика, что-то беспокойное появилось в вашем блеске. Как будто напряглись стрекозиные крылья созвездий. Словно приготовились сорваться с места. Словно Пегас, бриллиантовый конь неба, нетерпеливо стучит копытом по черному куполу небосвода: «Проснись, проснись, Черная Роза! Уже таится в твоих лепестках беда, она приготовила жало. Вставайте, южане, отдайте чудовищу Андромеду. А я, гордый конь, уже под седлом Персея. И мы спасем юную деву».

Глава 23: Малый конвент

— Мы открываем малый конвент! — возвестил Отис Чепмен. — Друзья, об этом событии еще напишут историки!

Близнецы Смиты грянули на рояле марсельезу. В гостиной Бланшаров набилось не меньше пятидесяти юных граждан Черной Розы.

Я уже говорил, что Чепмен проявил большие способности. Пока в городе шел большой конвент Черной Розы, Чепмен собирал малый. Что он хотел, этот вертлявый белобрысый остряк? «Помочь нашим отцам!» — вот что кричал Чепмен. От «Лиги молодых» его мысль устремилась к «Южному легиону». Он задумал создать боевой отряд из пятнадцати-шестнадцатилетних ребят, чтобы в случае чего показать северянам, на что они способны.

Начальником «Южного легиона» назначили Люка Чартера, и это примирило его с тем, что Отис Чепмен все-таки зацапал место председателя «Лиги молодых».

— Друзья! — говорил Отис Чепмен. — Самое главное — придумать форму для легиона. Нужны также гимн и знамя. Я предлагаю назначить комиссию. Кто у нас хорошо рисует?

— Чак Боуен! Бенни Роджерс! Агата Эндрю!

— Где Хетти Бланшар? Она хорошо рисует.

— Смиты сочинят гимн!

— Я предлагаю черное знамя, как у пиратов!

— Нет, мы республиканцы.

— Но ведь капитан Морган тоже был республиканцем!

— Постой, причем тут Морган? Уж лучше Стед Боннет.

— Я знаю двух девушек-пираток, Мэри Ред и Энн Бонни!

— Господа, господа! — кричал Отис Чепмен. — Зачем нам пираты? Мы не пираты. «Южный легион» будет биться с северянами.

— Я только предлагал черное знамя. Мы можем купить корабль, выйти в море и напасть на побережье Новой Англии.

— Правильно! На складе у Лавальера есть старый фальконет!

— Господа, господа! — надрывался Чепмен. — Наша цель благороднее! Мы оградим наши земли от посягательств янки!

— А если они не нападут? Будем сидеть сложа руки?

— Найдутся дела, — неопределенно сказал Чепмен.

— Какие?

Встал тот увалень, который уже отличился на галерее Бланшаров, и брякнул:

— Надо передуть тех черных, которые много о себе думают!

— Кого именно?

— На Дровяном полустанке есть два джима, они говорят, что ничем не отличаются от белых.

— Возмутительно!

— Если придут янки, они им помогут. Надо повесить тех черных, пока не пришли янки.

— По-вашему, всех надо вешать? — спросила Мари. — В нашем саду уже застрелили одного маленького негра. А он ни в чем не был виноват!

— Как это не был виноват? — спросил увалень. — Он убежал от хозяина. Если бы у меня кто-то бежал...

— Мистер Чепмен! — сказала Мари. — Вы записали в лигу этого человека?

— Записал, — сказал Чепмен.

— Тогда вычеркните меня!

— Но почему, Мари?

— Этот человек грубит в моем доме. В нашей лиге должны быть одни джентльмены.

— В самом деле, приятель, — сказал Чепмен. — Видите, тут девушки. Да еще хозяйка...

— А что я такого сказал? — растерялся увалень.

— Ты бы хоть извинился.

— Ладно, это... Я извиняюсь. Только чего я такого...

— Так кто же у нас будет рисовать знамя? Где Хетти? Хетти хорошо рисует. Хетти, Хетти!..

Мы с Моррисом пришли на малый конвент послушать и посмотреть. На большой ведь никто не пустит. Но я не думаю, чтобы они сильно отличались один от другого. Здесь малые дети, там большие. Здесь Отис Чепмен, там Даглас Стефенс. Здесь лейтенант Чартер, там генерал Бланшар.

Каждое утро хозяин дома тщательно напوماживался, садился в свою коляску и отправлялся в Капитолий. Там до вечера кипели страсти. Наутро местная газета выплескивала их в своем желтоватом листке:

«ОТДЕЛЯЕМСЯ ИЛИ НЕ ОТДЕЛЯЕМСЯ? Сколько можно тянуть kota за хвост? Уже принято решение об организации Черной гвардии, уже набросан примерный бюджет будущего государства, уже есть кандидатуры на все посты в правительстве, а малахольные и неверующие еще боятся сказать „да!“. Этак, глядишь, нас обгонят другие. В Южной Каролине уже собралась конференция по отделению, Джорджия и Миссисипи рвутся из цепей и вот-вот их порвут. А мы? Неужто опять в хвосте? Да здравствует президент Даглас Стефенс, да здравствуют члены правительства! Да здравствует наша свободная страна! Пропади пропадом этот Север! Вперед, ребята! Решайте скорей!»

Я поискал глазами Морриса и не нашел его. Хетти, понятно, и вовсе не появлялась в гостиной. Она, пожалуй, одна так открыто ни в грош не ставила Чепмена с его лигами и легионами.

Шум и крики мне надоели. Я вышел прогуляться по саду. И почти на том же месте, где ночью слышал разговор Хетти и Морриса, снова наткнулся на них. Хотел уйти, но Моррис кинулся ко мне и схватил за руку.

— Вот! — сказал он. Лицо его было возбужденным. Хетти сидела на садовой скамейке совсем бледная.

— Вот! — Моррис подтащил меня к Хетти. — Он скажет!

— Что? — спросил я. — Как дела, Хетти?

— Скажи ей, — повторил Моррис. — Говорил я тебе или нет?

— О чем?

— Если скажу, о чем, то Хетти подумает, что подсказываю. Вспомни, что я тебе говорил.

— Когда?

— Черт возьми! Да откуда я помню! — Лицо его страдальчески искривилось. — Ты только скажи, говорил я тебе или нет.

— Говорил, — сказал я неуверенно.

— Вот! Пусть она не думает, что я подсказываю. Помнишь, говорил тебе ночью?

— Про Хетти? — спросил я.

— Ну да! Про кого же еще?

Я толком не знал, что нужно Моррису, поэтому старался говорить расплывчато.

— Он говорил, Хетти, — подтвердил я.

— Вот видишь! Я целую ночь ему про это говорил.

— Говорил, говорил, — снова сказал я.

Хетти молчала, только комкала в руках платок.

— Вот, — снова сказал Моррис, — а ты не веришь. — Вид у него был бесшабашный.

— Зачем ты все это, Моррис? — сказала Хетти. — Зачем?

— Что зачем? — Моррис хлопнул себя по бокам. — Нет, она не верит! Майк, ну разве я не говорил тебе, что люблю Хетти?

— Еще как говорил! — Вот, значит, о чем у них беседа.

— А мне-то это зачем? — внезапно спросила Хетти.

— Как зачем? — Моррис опешил.

— Я тут ни при чем, Моррис. — Хетти встала, взяла свою палку и медленно пошла по саду.

— Как это ни при чем? — крикнул вдогонку Моррис. Но она уходила, и только ее желтенькое платьице колыхалось в зелени, как большая орхидея.

— Вот и поговорили, — растерянно сказал Моррис и уселся на скамейку. — Ладно. Ей же хотел лучше. Не хочет — не надо.

Сначала он храбрился, а потом стал мрачнее тучи. Лицо его сделалось даже каким-то жалким.

— И чего из себя строит? Я ей по-хорошему, так и так, говорю, люблю тебя, Хетти. Все, как ты советовал. А она слушать не хочет. Не верю, говорит, и все. А потом ушла.

— Это я сам видел, — сказал я. — Только, по-моему, неправильно ты все делал.

— Почему неправильно?

— Наверное, объяснялся, как милостыню подавал.

— Ничего не милостыню!

— Чудак, Хетти ведь гордая. Думал, сразу бросится к тебе на шею?

— Не хочет — не надо, — пробормотал он. — Силой никто не тянет. Пусть идет к своим Чартерам. Пусть с ними со всеми...

— Ладно тебе, Моррис, — сказал я.

— Я, может... — Он весь дрожал. — Я, может, из-за нее... А она... Ладно...

— Ты думал, сразу на шею бросится? — повторял я. — Чудак.

— Все они, — говорил он. — Все!

— Что все?

— Ох и противно мне, Майк, как подумаю. Зачем полез объясняться? Вовсе ей это не надо.

— Надо, Моррис, надо. Только девчонки такие, знаешь...

— Нет! — Голос его стал рассудительно монотонным. — Плевать ей на меня. Давно заметил. Она с близнецами Смитами дружит. Ну и пускай. Я не навязываюсь. Хотел ей ногу вылечить, только и всего. А так мне не нужно. Зачем она мне нужна? Так и пойду ей скажу, вовсе ты мне не нужна, Хетти. Просто я пошутил. Думаешь, не скажу?

— Дурак будешь, вот и все.

— Откуда ты, Майк, такой умный? Советы даешь, а Мари сам ничего сказать не можешь.

— А что я ей должен говорить?

— Думаешь, не вижу, как ты по ней сохнешь?

— Вранье! Нужна она мне!..

— Нет, Майк. Ты по ней сохнешь. Пойди и скажи, как я Хетти. А то советы даешь. У самого-то жила тонка.

— Это у меня тонка?

— Конечно, тонка. Втрескался в Мари, а сказать ничего не можешь. Слабо тебе, Майк.

Я крепился, как мог. Но Моррис зудел и зудел. Он вымещал на мне свою обиду и навывмещался до того, что я встал и помчался в гостиную.

Тут во всю бурлил малый конвент. Раскрасневшаяся Мари кричала о том, что у черной розы на форме обязательно должен быть желтый ободок. Я улучил момент и позвал ее в коридор.

— Ну как, Мария Стюарт, — начал я самым язвительным тоном, — приходил к вам этот напوماженный хлыщ Белый Ламберт?

Она просто опешила от такого тона.

— Что ты хочешь сказать? Почему Мария Стюарт?

— Но ведь ты королева.

— Это та, которой отрубили голову?

— Нет, ей только чуточку порвали воротник, — заверил я.

— Зачем ты меня позвал?

— Я хотел узнать, умолкла ли флейта?

— Нет, еще два раза играли. Так здорово! — Она все еще не понимала, что я был в очень воинственном настроении.

— Да, конечно, Чартер играет здорово.

— Но ведь это не Чартер.

— Белый Ламберт?

— Послушай, что тебе надо?

— Я только удивляюсь, как это можно сидеть ночью под твоим окном и играть.

— Как видишь, можно.

— Было бы кому.

— Что-о? Что вы хотите этим сказать, мистер Аллен?

— Я хочу вам сказать, мадемуазель Бланшар, что очень вам сочувствую. Ведь вам придется шить новые форменные штаны и Чартеру, и близнецам Смитам.

— Я вижу, вы очень расстроены, что вас не приняли в «Лигу молодых», мистер Аллен.

— Нет, я расстроен другим, мадемуазель Бланшар.

— Чем же?

— Тем, что вы распускаете про меня слухи.

— Какие слухи?

— Будто я в вас влюблен.

Она прищурилась.

— По-вашему, влюбиться в меня недостойно?

— Нет, отчего же. Но слухи...

— А я, мистер Аллен, — она говорила звонко и отчетливо, — никогда не распускаю никаких слухов. И очень сожалею, мистер Аллен, что чья-то сплетня ранила ваше сердце. Если бы до вас дошли слухи, что какая-то девушка полюбила вас, мистер Аллен, то, уверяю, эта девушка не стала бы так беспокоиться о своей поруганной чести.

— Вы хотите сказать... — Сердце у меня ёкнуло.

— Я ничего не хочу сказать, мистер Аллен. Прошу отныне не отнимать у меня время такими глупостями. — И она гордо удалилась.

Черт возьми, глупо как получилось! Зачем я накинулся на Мари? А все Моррис. И ведь как она загадочно сказала: «Если бы какая-то девушка полюбила вас...» Неужели я все испортил?

Остаток вечера я слонялся по дому Бланшаров и даже отказался от чаепития, которым закончился малый конвент.

Тем временем с большого конвента прибыл генерал, и с этого прибытия началась карусель в доме Бланшаров.

Генерал прошел через гостиную, заполненную членами «Лиги молодых», как полк тяжелой кавалерии на полном галопе проходит через рассеянную пехоту. Прямым шагом, сверлящим взглядом он разметал восторженных юнцов, и только у самой двери его догнал почтительный вопрос Отиса Чепмена:

— Так мы отделились, мсье генерал?

Генерал Бланшар повернулся на каблуках и выкрикнул тонким фальцетом:

— А мне решительно нет никакого дела до этого, милостивые государи! Решительно никакого дела!

Он снова крутанулся и скрылся за дверью. Все остолбенели. Мари кинулась вслед за генералом, а через несколько минут появилась, сжимая лицо ладонями.

— Какой ужас, какой ужас! — бормотала она.

— Что случилось? — спросил кто-то.

— Дедушку не назначили военным министром! — сказала Мари.

— А кем же его назначили? — спросил Отис Чепмен после недолгого молчания.

— Не знаю, — пролепетала Мари. — Кажется, никем.

Это историческое событие могло показаться смешным, но на самом деле оно стало роковым. Оно повлекло за собой неожиданные последствия. Мы с Моррисом, конечно, не слишком опечалились за генерала. Кто-то проигрывает на большом конvente, кто-то на малом. Одному не везет в карты, другому в любви. Но кто мог знать, что случится всего через три дня?

Глава 24: В Бастилию сажают не только королей

Бастилию давно срыли. Это была огромная каменная крепость в Париже. Ее защищали восемь могучих башен. Французские короли сажали в Бастилию своих знатных противников. Здесь пропадали до конца жизни «Железная маска». Никто не знал, кто он такой. Говорили, например, что это незаконный сын королевы Анны Австрийской.

Если задумал что-то против короля, пожалуйте в Бастилию. А то и так, без всякой вины туда попадали. Сидели здесь графы, герцоги, принцы, поэты и философы. Даже Вольтер дважды побывал в Бастилии. Ему еще повезло, что он вернулся на волю. Обычно тот, кто попадал в Бастилию, оставался там навсегда.

Когда народ в Париже восстал, первым делом кинулись штурмовать Бастилию. Был среди нападавших мальчик по имени Ив Бастильен. Ив Бастильен верховодил парижскими гаменами, которые ютились в запутанных деревянных сваях моста Сен-Мишель. Они понастроили лачуг над самой водой и получили прозвание «сен-мишельские ласточки».

Ив Бастильен всем рассказывал, что его отец очень знатный человек, а Луи Капет посадил его навечно в Бастилию. Оттого и назвали гамена Бастильеном.

Когда осадили крепость, побежали за Бастильеном. Бастилию штурмуют! Ив, конечно, туда. Этот малыш, как ни странно, хорошо знал расположение внутренних дворов. Когда маленький гарнизон крепости сдался, Бастильен первый показался на башне и стал размахивать шляпой. Но тут его наповал убила шальная пуля.

Никто так и не узнал до конца, сидел ли его отец в Бастилии. Во всяком случае, среди узников была одна важная персона, граф де Лорж, но он сказал, что никакого сына среди парижских оборванцев у него нет.

Бастилия всегда напоминала мне здорового слона, такая же серая, округлая, с круглыми ножищами-башнями. Как удалось срыть такую махину?

Гедеонская Бастилия куда скромнее парижской, но все же Бастилия. Надпись на ее воротах красивая: «Замок Сен-Антуан-Бастилия». Нетрудно догадаться, что местную Бастилию строили французские переселенцы.

Сначала задумали те же восемь круглых башен, что и в Париже. Но когда закончили одну, догадались, что восемь будет многовато, тем более что они все равно не каменные, а из болотного кипариса.

Так и осталась гедеонская Бастилия ни то ни се, с одной кургузой башенкой и деревянной

стеной прямоугольником. За стеной пустой двор и две кутузки. С внешней стороны обходной мостик для часовых, но охранять в гедеонской Бастилии некого.

Когда Гедеон был столицей штата, здесь устраивали торг черными рабами. В эти дни двор Бастилии заполнялся «товаром». Негры спали прямо на земле в ожидании, когда их погонит к себе новый хозяин.

Потом местом пересылки стал Монтгомери, и Бастилия захирела. Иногда в кутузку попадал перепившийся горожанин, но и то не раньше, чем он кого-нибудь покалечит. Джим Эд сам несколько раз просился в Бастилию. Он считал, что там удобнее, чем в его лачуге.

Почему я рассказываю про гедеонскую Бастилию? Да потому, что самому пришлось туда наведаться в скором времени. И к этому приближалась моя гедеонская жизнь.

Да, генерал Бланшар смертельно обиделся на весь Гедеон. И перед его обидой померкло даже решение конвента. Черная Роза отделилась. От кого отделилась? Да ото всех. В первую очередь от северных штатов. И, отделившись, Черная Роза ждала, что за ней кинется весь штат, за штатом другие, и наконец вся Дикси-кантри, страна солнца, тепла и ленивых плантаторов, отгородится каменной стенкой от всеядного Севера.

Что началось в Гедеоне, трудно описать. Все побросали работу, с утра до ночи шатались по улицам, дудели в трубы, колотили в барабаны. Перед пожарной каланчой начала учения Черная гвардия в лице десяти пожарников, сорока новобранцев, бравого полковника и юного лейтенанта Чартера.

Пока оскорбленный Бланшар обдумывал план мести, мы с Моррисом подрядились на «кислятину», фруктовые поезда от Кроликауна до форта. Жара в эти дни стояла ужасная. В будке «Пегаса», как в преисподней. Встречный ветер не давал прохлады. Раздевшись до пояса, я метал в топку тяжелые чурбаки. Мое тело стало липким от смолы, хоть афиши наклеивай. Я исцарапался сучьями, и страшно саднило от скипидарной слезы.

Не знаю почему, но мы работали как сумасшедшие. Грузов было много, Моррис гонял «Пегас» без передышки туда и обратно. На что железный коняга, но и у него, кажется, появилась одышка. Запарил правый цилиндр, на подъемах машина похрипывала и окутывалась паровым туманом. «Пегас» не остывал ни на минуту. Ночью я еле успевал сдобривать с колосников смоляные наросты, а вода оставалась теплой до утра. Подбросить только немного дров, и до тридцати футов в котле не больше часу растопки.

Так продолжалось три дня. В конце концов я лег в тендер и заснул так, что не разбудила бы меня пальба всей батареи форта. Когда я проснулся, увидел, что Моррис валяется рядом со мной. Хорошо еще, мы загнали паровоз на запасной «кролик», а то бы не миновать скандала с начальником местной станции.

Все эти дни мы почти не разговаривали. Моррис, как видно, сильно переживал размолвку с Хетти. Я же без конца думал о Мари. В жарком горении топки то тут, то там чудилось ее красное платье. Что за блажь на меня напала! Мне было то сладко, то горько, но я еще как-то справлялся с собой. Моррис же точно оцепенел. Он застывал как изваяние у регулятора и, когда я случайно дотрагивался, вздрагивал, как в лихорадке.

Он почти ничего не ел. Под глазами у него не сходили синие полукружья, а губы он стискивал до тонкой полоски. Я никогда не думал, что можно так томиться. А в том, что Моррис страдал из-за Хетти, я не сомневался. Как божий день стало мне ясно, что объяснение в саду не шутка. Таков уж Моррис. Значит, все это время он таил свое чувство, наверное, даже стеснялся его.

Вдуматься, так он специально вел к тому, чтобы Хетти его оттолкнула. Хетти! Это ведь не Мари. Она не станет представляться. Мне кажется, она тоже обмирает по Моррису, и веди он себя попроще, все бы у них наладилось. Нет же. Разве умеет Моррис по-простому?

Теперь и тень маленького Вика стоит между ними. Ведь после их разговора получилось так, что мы повели Вика в Арш-Марион. Моррис хотел отличиться, сделать для Хетти что-то приятное. Да, скорее для Хетти, чем для Вика. Он это хорошо понимал. Он говорил, что свидание Вика с матерью хорошим не кончится. Одним свиданием не обойдешься, целая каша заварится. Но он спешил обрадовать Хетти.

Быть может, не стоило ему объясняться через два дня после гибели Вика? Да, пожалуй, не стоило. Он и здесь поспешил, а теперь мучился. Чувствовал Моррис, что отношения с Хетти

пошли наперекосяк.

Когда мы вернулись в Гедеон, в газете появилось сногшибательное объявление:

«Мы, нижеподписавшийся генерал от кавалерии в отставке, кавалер Большого Бриллиантового Креста и многих других наград Сижисмон Огюст Бланшар Второй, объявляем о предстоящей распродаже нашего движимого и недвижимого имущества, состоящего из 56 негров, виллы с садом, пристроек, хлопковых и кукурузных полей, оранжереи, а также всей наличествующей утвари и живности. Торг назначен на 15 июля сего года во дворе городского суда.

Условия: негры могут быть проданы в кредит на 12 месяцев, остальное за наличные деньги в долларах или франках.

Сижисмон О. Бланшар».

Ниже шла бойкая заметка:

«Неужели мы теряем одного из самых достойных своих граждан, одного из первых жителей города, чуть ли не его основателя? Генерал Бланшар объявил, что он вынужден покинуть Америку, потому что хочет дать образование внучке во Франции. Кроме того, тяжело больна сестра генерала, единственная хозяйка наследного поместья в предместье Парижа. Казалось бы, это достаточные основания. Но можем ли мы согласиться с тем, что славный рубака бросает нас накануне больших сражений? Нет сомнений, что Север не примирится с отделением Черной Розы. Они ползут сюда. А где будет тогда наш храбрый генерал? Ему бы саблю, ему бы подзорную трубу в руки! Почему его не назначили военным министром? Неужели преклонный возраст основание для такой несправедливости? Конечно, наш военный министр Самюэль Рэнделл горячий малый, храбрец и голова. Говорят, он кончил какую-то академию. Но почему бы не назначить генерала хотя бы его заместителем? Тогда послужила бы нам сабля Арколя и Ватерлоо!»

Машинисты, кочегары, стрелочники и сцепщики обсуждали эту новость в «бобовне», станционной харчевне.

— Как бы не так, Бланшар не согласится на заместителя.

— Да из него уже песок сыплется!

— Песок-то песок, а посмотри, какой павлин! На кой черт ему заместитель! Бланшару сам Бонапарт пожимал руку.

— Обиделся старикан.

— Интересно, кто купит виллу?

— Я думаю, он все же смотает удочки.

— Как пить дать, смотает.

Мы помчались к Бланшарам. В поместье царило похоронное настроение. Арш-Марион обливался слезами. Да что говорить! Большая часть негров была здесь в родственных отношениях. Они знали, что такое аукцион. Как пыль разлетится большая семья. Дети в одну сторону, матери в другую, отцы в третью. Редко бывает иначе. Вот она, наяву та история, которую описала мисс Бичер в своей нашумевшей книжке.

Был разговор между Бланшаром, Мари и Хетти. Крепились, крепились наши подружки, но все-таки осмелились явиться в кабинет генерала.

— Папа... — начала Мари. Строгий Бланшар обернулся. — Папа, почему мы так внезапно уезжаем?

— Но разве об этом не говорили заранее?

— Да, но так внезапно...

— Что тебя смущает, моя радость? Разве ты не хочешь жить в Париже?

— Конечно, хочу, папа.

— Так в чем же дело?

— Быть может, все уладится?

— Что именно?

— И тебя назначат военным министром.

Тут генерал немного вышел из себя.

— Военным министром у этих босяков? — крикнул он фальцетом. — Я еще до этого не скатился! С одним полком своей кавалерии я мог бы распотрошить всю Америку! Почему я

должен быть военным министром у полусотни слепых котят?

Затем он успокоился.

— И дело вовсе не в этом, отлично знаешь, радость моя. Просто мне надоела здешняя жара.

— Но ведь мы могли бы просто поехать в Париж. Оставить тут управляющего. Имение будет приносить нам доходы.

— Какие доходы, Мари? У нас почти нет денег. Черные очень ленивы, я трачусь только на их содержание.

— Но может быть, нам просто поехать, папа...

— Я повторяю тебе, радость моя, у нас нет и сотни лишних франков. Только от продажи всего имущества можно выручить деньги на поездку в Европу.

— Неужели это правда, папа?

Она звала его «папа», когда хотела показать, что очень любит своего дедушку. И генерал млеет. На «папа» проходили многие шалости и капризы Мари. Но сегодня «папа» оказался бессилён. То ли у Бланшара действительно недоставало денег, то ли он хитрил. Он раскрыл перед любимой внучкой сейф и выложил на стол ценные бумаги, банкноты, золото. Он показал закладные и быстро подсчитал, что всех денег хватает только на покрытие долгов.

— Ты хочешь, чтобы я продал семейные драгоценности? — спросил он.

— Мне жалко Арш-Марион, — сказала Мари.

— Я тоже весьма сожалею, — сказал генерал. — Но что делать? Положение безвыходное. Не отпустить же их всех на волю? Это ведь по меньшей мере четверть миллиона франков.

— Мне жалко, — прошептала Мари. — А кого мы возьмем с собой?

— Никого, — сказал генерал. — Во Франции не принято иметь рабов.

— И дядюшку Парижа? — сказала Мари.

— Я могу взять с собой дядюшку Парижа, — сказал генерал. — Могу взять тетушку Сорбонну, Камиллу и Кардинала. Но ты не понимаешь простой вещи, дитя мое. Мы едем в свободную страну. Там нет рабов. Тебе не простят невольников в доме. Ты не знаешь парижских газет. Они поднимут такую шумиху, что ты перестанешь спать по ночам.

— Но неужели ты продашь дядюшку Парижа?

— Хорошо, так и быть. Подумаю. Быть может, я отпущу на волю двоих-троих. В том числе и дядюшку Парижа. А уж его дело ехать вслед за нами или не ехать.

— Ой, как хорошо! — воскликнула Мари. А Хетти плакала.

— Что ты плачешь? — спросил генерал.

— Я... Я не хочу в Париж, — прошептала Хетти.

— Хочешь ты или не хочешь, вопрос решенный, — сказал генерал.

Он отвернулся к окну и дал понять, что разговор окончен. Моррис не верил Бланшару.

— Старая лиса, — сказал он. — Дурит наших оболтусов. Если возьмут его в правительство, никуда не поедет.

Но время шло. Никто «не брал» генерала Бланшара в правительство, а утром за четыре дня до аукциона стало известно, что генерал приказал запереть весь Арш-Марион в геденскую Бастилию. Так делают, когда боятся, что невольники убегут. Теперь стало ясно, что торг состоится в назначенный день. Три ночи оставалось детишкам Арш-Мариона спать вместе с отцами и матерями. Но кто знает, сладок ли будет их сон? Уж больно сильно прижмут их к груди, уж больно щекотно станет от теплых соленых бусинок, которые так и покатаются, так и покатаются им за шиворот.

Глава 25: Сказочка про расставание

А теперь, дорогие любезные дети, не пора ли послушать сказочку про расставание? Садитесь в кружок поближе, возьмитесь за руки, чтобы не потеряться. Чтоб ветер подул, не разметал в стороны. Чтоб дождик полил, не унес из-под ног землю. Чтоб тьма наступила, не завесила глаза.

Кто с кем на свете не расстается? Лист расстается с деревом. Закат расстается с небом. Лето расстается с теплом. Мама расстается с сыном. Хозяин расстается с деньгами.

Кто ни с кем не расставался, тот с кем-то расстанется. Хорошее ли дело расставание? А ничего плохого.

Кукурузный пострел Кривой Початок сказал:

— Плевать. С кем хочешь могу расстаться. Даже с самим собой. Я сирота, битый, неласканный. Мозги у меня кукурузные.

Табачный бродяжка Чихни-Понюхай сказал:

— Только со сладкой тыквенной кашей трудно расстаться да с кукурузной трубочкой. Остальное чепуха.

Мистер Лис сказал:

— Трудно расстаться с братцем Кроликом. Потому как я все еще надеюсь из него суп сварить.

Мистер Кролик сказал:

— Вари меня не вари, а вот он я сам собой.

Мальчик Моррис, чумазый машинист, сказал:

— Похоже, что трудно расстаться мне с девочкой Хетти.

Хромоножка девочка Хетти сказала:

— Похоже, что трудно расстаться мне с мальчиком Моррисом.

А мистер Филин — тот посмеялся:

— Ну, так и быть вам вместе до гроба.

Ох, и умный был мистер Филин! Все умные люди спят днем, а думают ночью. Мистер Филин всегда так поступал. Он, как проснулся, сразу сказал:

— А где все-таки сказка?

Кривой Початок добавил:

— Одна скучища. Сказки нет никакой.

Чихни-Понюхай сказал:

— Сказка — это когда засыпаешь.

Мистер Лис сказал:

— Сказки мне не нужны. Дайте мне братца Кролика кинуть в суп.

А мистер Кролик сказал:

— Есть одна сказка, хорошая сказка. Про мальчика Морриса и девочку Хетти. Вот уж про расставание так про расставание. Но только не знаю конца. Как узнаю конец, сразу вам расскажу.

А мистер Филин сказал:

— Я знаю конец. Конец в самом конце. На самой последней странице. Если бы вы не были неучи, взяли бы да почитали. Я так всегда в конец смотрю, начало мне ни к чему.

Но как же, как же, милые дети? Разве про это собрался я рассказать? Долго и думал я и гадал, как рассказать про тех, кому вместе осталось три дня и три ночи. Только про них и затеял сказочку, да сказочки не выходит. Все недовольны. И кукурузный пострел Кривой Початок, и табачный бродяжка Чихни-Понюхай, и мистер Филин, и мистер Лис. А мистер Кролик всегда доволен. А мальчик Моррис с девочкой Хетти? Похоже, им все равно. А Смоляной Малыш... Так про него мы давно забыли. Вот и выходит, милые дети, сказочка сказкой, а расставание расставанием. Пускай себе врозь живут. Пускай не больно-то нам докучают. Мистер Филин умная птица, он днем поспит, ночью подумает.

Мистер Филин ночью сказал:

— Был я там, осмотрелся. Все вповалку лежат и воют. Скоро их продавать поведут. Я так купить никого не могу, у меня денег нет.

И вправду, умную вещь сказал мистер Филин. Нет денег — не купишь. Купил бы я, дети, вам сладких орешков, да денег у меня всего два цента. А сказочка моя и сантимата не стоит.

Глава 26: Мистер Дэн Доннел

Теперь самое время вспомнить про одного знакомого. Звали его Дэн Доннел, а проще — Дэн Попрыгунчик или Колокольчик Дэн.

С этим человеком я встретался дважды. Первый раз в Мемфисе, и тут он был

Колокольчиком. В свои двадцать лет Колокольчик Дэн имел густой красивый баритон. Понять невозможно, что заставило этого ловкого парня работать простым контролером на линии Мемфис-Луисвилль.

Это далекий поезд, пассажиры дремлют в мягких креслах. Чтобы их не будили, билеты засунуты за ленты шляп. Дэн ходил по вагонам и проверял голубые и розовые карточки. Кошачьим неслышным движением он выхватывал их из-за лент и таким же неслышным, а то и незаметным взмахом руки лишал пассажиров и кое-чего другого. Мало ли что торчит из карманов заспавшегося фермера. Дэн показывал мне брелоки, бумажники, дорогие носовые платки, расчески.

Еще Дэн разносил по вагонам газеты, журналы, книги. Продавал игрушки, сюрпризы и пробовал страховать. На остановках Дэн кричал своим звучным голосом: «Двадцать минут на обед!» Или: «Пятнадцать минут на ужин!»

Я тогда катался зайцем на поездах. Кондукторы и контролеры любят «гонять дармоедов», ловить тех, кто едет бесплатно. Они знают все места, где можно прятаться. В переходах между вагонами, на крышах, под вагонами, где между осями можно пристроить доску. Там всего опасней, но и за такую езду любой рельсовик, если поймают, требует десять центов за перегон.

Колокольчик Дэн возил меня бесплатно. Даже устраивал в свое купе, поил чаем и рассказывал разные истории. Дэн любил прибавлять: «Люблю романтику железных дорог».

«Романтика железных дорог» и подвела Дэна. Когда я встретил его в Джексоне, на нем лица не было. Под глазами синяки, губы разбиты. Влип в какую-то историю. Во всяком случае, его с позором выгнали из контролеров.

Дэн быстро пришел в себя. Теперь его уже звали Попрыгунчиком. Он превратился в настоящего хобо, беззаботного бродяжку-чернорабочего. Везде хобо ссорится с нанимателем, работать старается поменьше, спать и есть побольше, но последнего ему всегда не хватает.

Дэн опекал меня и в Джексоне. Раза два он вмешивался в ссору на моей стороне, подкармливал добытой у проспавших хозяев индюшатиной и рассказывал о своих бесконечных приключениях.

В третий раз я увидел Дэна на берегу Большой реки. Это было в тот ясный майский день, когда Моррис устроил поездку до форта. Тогда все пошли на пристань смотреть пароходы.

Пристань форта довольно большая. Отсюда груженные пароходы спускаются до самого Мобила, но могут подняться и до Теннесси. Каждый раз, когда из-за Барсучьего поворота появляется новый пароход, грохает портовая пушка. Пых-пых! Ворочая огромными колесами, похожий на маленькую фабрику пароход подползает к пристани. «Стоп, машина! Малый ход! Стоп, правый борт! Стоп, левый борт! Самый малый! Стоп, машина! Отдай концы!» Крики, суета, звон. Наконец, зачалены канаты, перекидывается трап и по нему устремляются носильщики с корзинами, портпледами, грузчики с тюками и ящиками.

Вода в реке мутно-желтого цвета, она несет глину из аппалачских каньонов. Иногда идет мимо форта лес с веселыми, крикливыми сплавщиками.

Пароходные гонки обычное занятие. Стоит из-за Барсучьего поворота появиться не одному, а двум пароходам, как на пристани сразу собирается толпа. Все знают, что ни один капитан не допустит, чтобы его так просто обогнали. Пароходы прибавляют ходу, начинают звонить колокола, свистят предохранительные клапаны. Матросы перетаскивают тюки ближе к носу, чтобы пароход шел резвее. На пристани уже составляют пари.

— Это кто, «Голиаф»?

— Да, а за ним «Желтая стрела».

— Два к одному, что не догонит!

— Это смотря что сделает Дженсен. Если пойдет протокой...

— Не пойдет. Там глубина восемь футов.

— Ну, я уж знаю Дженсена.

— Смотри, шпарит к протоке!

— Ах, черт! Он же сядет.

— Три к одному, что «Стрела» будет первой!

Из-за такой гонки и погибли родители Мари. Миссисипи широкая река, гоняй не хочу. Вот все и гоняют. Капитан «Дункана» не мог перенести, что впереди его шла «Лолита». На

манометре «Дункана» было уже почти двести футов, предохранительный клапан не держал пар, и на него взвалили тюк с хлопком. Топка быстро пожирала дрова. Дело дошло до того, что из трюма вытащили бочки с канифолью и кинули их в огонь. Поливали скипидаром поленья, стали сдирать деревянную обшивку.

Вода в манометре поднялась до среднего стекла. Когда «Дункан», дрожа от непосильного напряжения, стал обгонять «Лолиту», раздался взрыв. Большие трубы упали крест-накрест. Начался пожар. В этом пожаре погибла половина пассажиров. А капитан «Дункана» в это время все еще грозил кулаком «Лолите» и обзывал ее черепахой. Потом и он упал замертво. Вот что значит южный азарт.

Я увидел Дэна на пристани и не сразу его узнал. Одет он был хоть куда. Белая кастровая шляпа с черной лентой, яркий цветастый жилет, кремовый шейный платок, блестящие короткие сапоги и трость с янтарным набалдашником.

— Привет, старина! — сказал Дэн как ни в чем не бывало.

Теперь это был не Дэн Попрыгунчик и не Колокольчик Дэн, а мистер Дэн Доннел собственной персоной. Я поздравил его с такой переменной. Мистер Дэн Доннел снял белую перчатку и, небрежно махнув в сторону пристани, спросил, не желаю ли я осмотреть его пароход.

Я онемел от изумления. У Дэна был свой пароход! Три месяца назад, весь в синяках, он жаловался на компании, а теперь у него свой пароход!

Доннел не врал. Матросы почтительно называли его «хозяин», капитан приложил руку к фуражке. Его небольшой пароходик ходил вверх по реке, и Дэн сообщил, что он надеется стать миллионером.

— Я могу тебя взять юнгой, старина, — сказал он. — А хочешь, просто катайся в моей каюте. Живи сколько угодно. Жратва хорошая.

О том, откуда у него пароход, Дэн распространяться не стал.

— Жизнь полна удивительных превращений, старина, — сказал он и смахнул с белого лацкана букашку.

Он славно тогда меня накормил, просил не забывать и обещал помогать в любом деле.

— Ты мне приглянулся. Если Дэн Доннел полюбит, считай, дело в шляпе. Всю жизнь будешь счастливым. — Красивые слова он любил.

Я не собирался ловить Дэна на слове, но пришло время, когда после долгих раздумий я снова поехал в форт и оказался в его каюте.

Он слушал меня, положив ногу на ногу.

— Старина, — сказал он, — или ты спятил, или тут замешана любовная история.

Я посчитал за лучшее согласиться на «любовную историю».

— Понимаю, — сказал Дэн Доннел, — но согласись, старина, это рискованная история.

— Не очень. — Я описал ему все, как придумал.

— Значит, я буду ни при чем? — спросил он.

— Совсем ни при чем, — сказал я. — Ты получишь оправдательные бумаги.

Он снова задумался.

— Не хочется связываться с баржей. Сколько весит ваш малый?

— Сорок тысяч фунтов.

— Черт! Без баржи нельзя. Это ведь расходы, старина.

— Ты получишь пять уилли, Дэн.

— Одного не могу понять, старина, — сказал он, — кто тебя впутал в это дело?

— Ты же сам говорил, любовная история.

— А... Она хорошенькая?

— Очень.

— Квартеронка?

— Нет, белая.

— Белая? Тогда опять не понимаю. В чем дело, старина? Все это пахнет веревкой.

— Тебе ничего не грозит, Дэн. Ты получишь пятьсот долларов и бумаги.

— Ты много на этом зарабатываешь?

— Кое-что, Дэн.

— Таких парней я никак не могу понять. Например, те, что в Теннесси. Они не зарабатывают ни доллара. Но, думаю, конечно, возьмутся. У тебя все точно?

— Скорее всего.

— Тогда через три дня жди ответа. Приходи, как только вернусь с рейсом из Теннесси.

Через три дня я снова был в его каюте.

— Все в порядке, — сказал он. — Они согласны. Правда, говорят, многовато. Но у них есть горные сторожки. Попробуют разместить. Они говорят, это будет дело века. Черт возьми, если дело века, напишите где-нибудь и про меня.

— Само собою, Дэн, — сказал я.

— Никогда бы не впутался просто так, — сказал он. — Только по-приятельски, старина. Если уж кто мне понравился, сделаю все. Такой уж я парень.

— Давай все обсудим, — сказал я.

Мы принялись за долгий разговор. Уж больно тонкое дело я предлагал. Кое-что не сходилась, но Дэн проявил большие способности. Он придумывал там, где у меня не получалось.

— В четыре утра, в четыре утра, — говорил он. — Час белых котов. Какое кому дело, когда я отдам концы.

Дэн все больше и больше входил во вкус.

— Мне наплевать, что вы затеваете, — говорил он. — Но я человек горячий. А главное, войду в историю.

Напоследок он мне сказал:

— Старина, все-таки мой совет: не впутывайся в это дело. Поверь мне, плохо все это пахнет.

Моррис сомневался:

— А он не подведет? Ты представляешь, мы подъезжаем, а парохода нет.

— Не может быть, — сказал я. — Деньги уплачены. А кроме того, Дэн загорелся. Ты не знаешь Дэна. Он не обманет.

— Ладно, — сказал Моррис. — Попробуем.

— А кроме того, у нас нет другой возможности, — сказал я.

Это верно. Другой возможности у нас не было. Пан или пропал. Но и сомнения Морриса имели основания. Вся затея держалась на Доннеле и его пароходе. А я почему-то верил, что Дэн не подведет.

Расскажу мелкий случай. Однажды еще в Джексоне возвращались мы с Дэном с ночной работы. Огибать Змеиную Балку не хотелось, слишком уж мы устали. Дэн предложил идти напрямик через усадьбы, так бы мы срезали лишнюю милю. Не очень-то мне хотелось лезть по хозяйским дворам, но я согласился, чтобы не спасовать перед Дэном.

И вот на одном дворе я попал в капкан. В самый настоящий капкан на крупного зверя. Я чуть не взвыл от боли. Железные челюсти вцепились в ступню. Не знаю, на кого поставил хозяин ловушку. Быть может, на мистера Кролика, а может, на таких, как мы с Дэном.

Отчаянным лаем заливалась собака. Я дергал ногу и думал, что дело мое плохо. Вот-вот зажжется свеча в окне и выскочит хозяин с ружьем.

Как же повел себя Дэн? Я на его месте сразу бы дал стрелача. Какой смысл пропадать обоим? Но Дэн и не думал бежать. «Ничего, старина, выпутаемся», — бормотал он и пытался освободить мою ногу.

Так несколько минут при заливиستم собачьем лае посреди освещенного яркой луной двора Дэн Доннел занимался моим освобождением, даже не оборачиваясь на дверь, из которой должен был выскочить разгневанный хозяин.

Он, наконец, справился с капканом, а для этого нужна приличная сила. И в тот момент, когда я, хромя, вместе с Дэном покидал двор, хозяин с ружьем все-таки вышел. Дэн еще помог мне перелезть через забор, а потом мы скрылись в темноте. Хозяин не стрелял.

Я все вспоминал этот случай. Не такой уж важный. Но после него я уверился, что Дэн не подведет, в беде не бросит. С этой верой я и пошел на затею с его пароходом. Хорошо еще, так все получилось. Мог бы я не встретить Дэна в форте. А мог бы встретить с теми же синяками и без всяких пароходов. Кроме того, не кто иной, как Дэн, рассказал мне про парней в Теннесси.

Не кто иной, как Дэн, уже имел с ними тайные дела, за которые не погладят по головке в Черной Розе. Дэну Доннелу я доверял еще и потому, что он доверял мне. Другому он бы не стал рассказывать, что в трюме своего парохода перевозит кое-кого в Тенесси.

В последний день гедеонской жизни мы с Моррисом сделали важное дело, загрузились «алмазом» на Дровяном полустанке. Торжественные Вольный Чарли и Плохо Дело нарядились по этому случаю в чистые рубашки. Плохо Дело сказал маленькую речь:

— Мистер Моррис, вы первый открываете новую жизнь в наших краях. Скоро вся Черная Роза будет топить черным камнем, а мы разбогатеем. Ой, Моррис, не стой нога за ногу, когда говорят, а то не исполнится желание!

И верно, мы с Моррисом открывали новую жизнь. Топлива, кроме дров и торфа, Черная Роза не знала. Угля здесь попросту не было. То, что отыскал Моррис, оказалось не пластом, а скромной жилой еще более скромного бурого угля. «Пегасу», правда, хватило бы надолго. Но сейчас нас занимала одна задача: обеспечить прогон от Гедеона до форта без единой заправки.

Мы забросали углем весь тендер и заготовили дров на растопку. И я и Моррис умели управляться с «алмазом», но до самого Гедеона мы тренировались заново. «Игра на банджо», работа лопатой кочегара, тонкое дело. Чуть смажешь бросок, пламя желтеет, топка дымит. Нужно умело бросать по краям. Зато пар держать куда легче, чем «соломой».

Мы надеялись на «Пегаса». Вывезет наш жеребчик. В лихорадочном волнении, с бьющимся сердцем готовились мы к этой ночи, последней ночи в городе Гедеоне.

Глава 27: Прощай, Гедеон!

Я шел по залитым луной улицам Гедеона. Два цвета царствуют в такую ночь — черный и голубой. Но в том и другом — сотни оттенков. Черный бархатистый, если это глубина сада; черный литой, если это неосвященная стена дома; черный упругий, если это укатанная середина улицы. В голубом то искристое сверкание, то стеклянная плавность, то водяная жидкость.

Огромная черная шапка неба надвинута на город. Там черный цвет самый глубокий. Горсти звезд насыпаны в шапку, голубой здесь самый пронзительный.

Ночью Гедеон набухает запахами, как огромный цветок. Эти запахи томят, вызывают то печаль, то нежность. Сотни цветов открыли свои чашки, они разговаривают друг с другом языком ароматов. О нет, скорее, они поют. Это ночные серенады, они сплетены из множества струнок, каждая струнка — оттенок запаха.

Я шел. Голова чуть кружилась от теплого, многоликого настоя ночи. Гедеон спит. Выставлены кровати на галереи, листья ильмов и сассафрасов свисают к подушкам. Сладкие сны видят гедеонцы. Я почти вижу, как сон за сном поднимаются к небу от каждого дома и образуют прозрачные хороводы.

Вот маленький сон Мари. Весь в белом прекрасный юноша со шпагой соскакивает с коня у ее дома. Хетти видит Морриса. Люк Чартер — орден Орла на цепи. Отис Чепмен грезит о трибуне в зале конгресса. К генералу Бланшару является Наполеон. К посудомойке Камилле ее сынишка Вик. Джиму Эду снится бутылка кукурузного виски. Джефу Кузнечнику беда со «Страшилой», колесо отвалилось, и Кузнечик вскрикивает во сне. Шепу О'Тулу приснилась свинья с огромным рылом и сигарой в зубах. Первому президенту республики Черная Роза сквайру Стефенсу — его памятник, по которому стреляют из пушки проклятые янки. А что снится тем, кто заперт сейчас в гедеонской Бастилии? Им снится райская земля, красивые птицы и зеленые пальмы.

Прощай, Гедеон! Город теплых ночей, пахучих цветов, розовощеких южанок и круглолицых южан. Город смуглых мулаток, шоколадных негров, город черной земли и белой хлопковой пены.

Сегодня у меня был день расставания с Гедеоном. В последний раз пришли мы с Моррисом в дом генерала Бланшара. Но никто, никто об этом не знал. Моррис сказал только, что переходит на рейсы в Корону.

— И надолго? — спросила Мари.

— На две недели, — буркнул Моррис.

— Но ведь мы можем без вас уехать, — сказала Мари. — Приезжайте прощаться. Я хочу

устроить прощальный бал.

Она вся жила в предчувствии переезда в Париж. Распродажа негров ее уже не томила, она смирилась с волей генерала.

— Зачем тебе наше прощание? — спросил я.

— Ах, Майк, — сказала она. — Ты думаешь обо мне плохо. Я никогда не забуду своих друзей.

— Забудешь в два счета, — сказал я.

Но ничто, ничто уже не могло задеть Мари. На мои шпильки она не обращала внимания. Ее душа гораздо раньше парохода пересекла океан и уже поселилась в особняке Мезон-Лафита.

— Ах, как я люблю Францию! — говорила она.

Весь день я бродил по саду Бланшаров как потерянный.

Неужели всё? Да, всё. Я еще не понимал, с чем расстаюсь. В моем сердце не было настоящей печали, но я уже старался казаться печальным с виду. Я видел себя как бы со стороны. Ночью мне предстоит большое дело. Ни один гедеонец не пойдет на такое. Мне хотелось, чтобы напоследок хоть галерея Бланшаров чуточку раскусила меня. Но никто не обращал внимания на мой суровый вид. Я поговорил с Чартером.

— Господин лейтенант, — сказал я, — у вас будут учебные стрельбы?

— В скором времени, — ответил Чартер.

— А какие у вас ружья?

— Несколько ружей фабрики Уитни.

— Это старье.

— Скоро мы купим новые.

— А вы не могли бы принять меня сержантом в свои войска?

Чартер надулся от важности.

— Я должен поговорить с господином полковником. Вы еще очень молоды.

— Но вы замолвите за меня словечко? — робко попросил я.

— Постараюсь, — ответил он важно.

Бедняга, сколько тебе осталось жить? Начнется война, пуля прострелит твою маленькую глупую голову, а твоя разукрашенная каланча сгорит от шального снаряда. И все это случится с тобой в восемнадцать лет, когда ты еще носишь в кармане конфеты.

Я поговорил с Отисом Чепменом. Этот в свои шестнадцать куда умнее Люка. Игрушки он давно бросил. Его холодные бесцветные глаза осматривают тебя с ног до головы, как из ведра обдают. Отис Чепмен одевается безукоризненно, и воротничок его всегда чистый.

— Отис, — сказал я, — плюнул бы ты на свою лигу и убежал на Север.

Он хладнокровно посмотрел на меня.

— Зачем на Север? — спросил он.

— Там у тебя большое будущее. Не здесь, а там.

— Я подумаю над твоим предложением, — сказал он. Думай, думай, Отис. Но все равно убежишь. Не сегодня, так завтра. Не в шестнадцать, так в двадцать. На Юге тебе делать нечего. Месяц-другой, и ты поймешь, что у южан есть только пыл и нет никакого расчета. А ты, Отис Чепмен, сработан не из мягкой гедеонской глины, а по крайней мере из пенсильванского антрацита.

— Серьезно, — сказал я, — подумай, Отис.

— Не пойму, кто ты такой, — сказал он. — Ты уже сманивал на Север Чартера.

— Я вашингтонский шпион, — заявил я. — А приехал, чтобы расстроить все ваши планы.

— А ты не боишься так говорить?

— Нет, не боюсь. Ведь мы с тобой почти сообщники, Отис. Я знаю, зачем ты собираешь «Южный легион». Ты хочешь сдать северянам без единого выстрела.

Тут он по-настоящему насторожился.

— Не нравятся мне такие разговоры. Я могу пожаловаться.

— Жалуйся, жалуйся, — сказал я. — Но учти, если вместе со своим легионом сдашься без единого выстрела, получишь на Севере чин капитана или десять тысяч долларов на мелкие расходы, это на выбор.

Я оставил его в некоторой задумчивости. Бьюсь об заклад, что мои посулы немного

смутили его патриотические чувства.

Потом я стал дурачить близнецов Смитов. Саймона я упорно называл Джорджем, а Джорджа Саймоном. Я довел их до того, что они стали испуганно поглядывать друг на друга. У этих парней все было настолько общее, что, как мне кажется, они могли легко перепутать друг друга.

Еще я объяснился в любви Флоре Клейтон. Я сделал это не назло Мари, она все равно ничего не видела. Просто какой-то зуд не оставлял меня весь вечер. В последний раз, так в последний раз. Почему не подурачиться?

Флора не стала долго раздумывать. Она ответила, что тоже страшно любит меня, хотя всего день назад я видел, как она пряталась в саду с Отисом Чепменом. Мы поклялись не разлучаться до гроба, как Ромео и Джульетта. Флора отрезала мне локон своих роскошных черных волос, а я, за неимением другого, отдал ей лежавшую в кармане гайку.

Но шутки шутками, а мысль, что я вижу Мари в последний раз, нет-нет да укалывала иглой. Что делать? Что же делать? Локон от нее не допросишься. Стащить дагерротип, сделанный во время ее прошлогодней поездки в Монтгомери?

На этом синеватом, отчетливом дагерротипе она еще почти девочка, хотя ей уже четырнадцать лет, а в Черной Розе, бывало, уже обручали в этом возрасте. Она стоит рядом со своим дедом генералом Бланшаром. Генерал застыл, как статуя, чуть выдвинув колено и согнув правую руку, которая как бы покоилась на эфесе невидимого палаша. Мари прижалась слева к его плечу. Она еще не научилась каменеть перед бесстрастным оком машины Дагерра. Ее лицо выражало живость и любопытство. Белое платье, белые гольфы, белая шляпка с загнутыми полями. Мари Бланшар, белая камелия на земле Черной Розы!..

Мог ли я расстаться с ней просто так? Я не выдержал.

— Мари, — сказал я, — где висит ваша флейта? Возьми ее, и пойдем в сад.

— С флейтой? — сказала она. — Ты хочешь, чтобы я тебя поучила? Но я сама не умею играть на флейте.

— Нет, — сказал я, — учиться не будем. Но я хочу показать тебе фокус.

— Ты, наверное, такой же фокусник, как и флейтист? — сказала она, прищурив глаза.

— Ты угадала, — сказал я.

Но все же она пошла со мной в сад.

Уже темнело. Я любил сад Бланшаров в такую пору. Низкий закатный свет вскользь бьет по траве, она делается масляно-желтой. Сверху листва дубов накрывает все темной шапкой. Сад становится похож на огромный дом с травяным полом и листовенным потолком. И в этом доме горит нежный свечной свет.

Мы сели на скамейку и помолчали. Потом она проявила нетерпение. Несколько раз притворно вздохнула, покосилась на меня. Какой я приготовил фокус?

— Мари, — сказал я, — тебе не жалко уезжать?

— Конечно, жалко, — сказала она.

— Может быть, мы не увидимся больше.

— Ну, почему, Майк, — сказала она. — Ты приедешь к нам в Париж.

— А Моррис?

— Вы приедете с Моррисом.

Я видел, что мысли Мари далеко от меня. Зачем я потащил ее в сад? Но раз потащил, надо сделать задуманное.

— Ты обещал показать мне фокус, — сказала она.

— Сейчас, — сказал я. — Как играют на флейте? Вот так?

Я приложил мундштук флейты ко рту и произвел несколько шипящих звуков.

— Чартер играет лучше, — сказала она насмешливо.

— А Белый Ламберт?

— Не говори про него. У тебя получаются одни гадости. Сказать по совести, больше всего мне жалко расставаться с ним.

— С кем?

— С Белым Ламбертом.

— Постой. Разве все-таки правда, что кто-то играл под твоим окном на флейте? Я думал,

ты просто шутила.

— Я не шутила! — сказала она, и в сумраке блеснули ее глаза. — Никто из вас не может понять! Он приходил! Он играл на флейте. Это была чудная, волшебная музыка!

— Что-то не верится, — пробормотал я.

— Пускай, — сказала она. — Это было чудо.

— Конечно, — сказал я, — если бы я научился играть на флейте, ты бы никогда не сказала, что это волшебная музыка.

— Никто так не может играть, — сказала она. — Только он.

— Наверное, потому, что очень тебя любит, — сказал я.

— Можешь не смеяться.

— Если бы я тебя полюбил, я тоже мог бы сыграть.

— Вот еще! — она передернула плечами.

— Один раз ты говорила об одной девушке, — сказал я. — Будто бы она могла влюбиться в меня...

— Не знаю, что ты имеешь в виду.

— Ну ладно, — сказал я печально. — Что там играл тебе Белый Ламберт?

— Мне надоели твои шутки.

— Может быть, это?

Я поднял флейту и заиграл. О вечер! Теплый вечер в дубовом саду! Разнеженный воздух, воздух, похожий на мякоть спелого плода. Прозрачные тени густеют, накладываются одна на другую. Цветы уже разворачивают лепестки, и крохотные их пестики помешивают сладкий воздух. Вечером наступает час любви природы.

Нежные звуки флейты раскручивались мягкой спиралью. Я играл ночной концерт. Его я любил особенно. И за этот концерт один раз меня обнял знаменитый артист.

Я уже не смотрел на Мари. Я знал, что она поражена. Слушай меня, девочка в красном платье. Оно еще горит в сумеречном свете, как большая ягода в траве. Слушай, Мари Бланшар. Может быть, это играет Ламберт, а может, я. Может, он подходил ночью к твоему окну, а может, я. Сказать точнее, этот флейтист прятался среди веток огромного ильма. Ты не могла его увидеть, даже когда выглядывала в окно. Он играл несколько раз, вкладывая в нежные звуки флейты свою тоску по тебе. Он не мог открыться, но он открылся сейчас, когда до прощания остались минуты.

Слушай меня, Мари. Слушай и прощай. Забудь меня, а я позабуду тебя. Нет, я никогда не забуду тебя, и этот сад, и эти вечера. Перед моими глазами часто будет вспыхивать твое платье. Я буду вспоминать, как ты бежишь, размахивая белой ракеткой, как вырываешь руку и бросаешь скороговоркой: «Что это с вами сегодня, мистер Аллен? У вас злые глаза...»

Я ушел. Я оставил ее оцепеневшей. То ли зачарованной, то ли застывшей от изумления. Но прежде чем я перешагнул последний фут владений Бланшаров, я увидел Морриса с Хетти.

Они прощались совсем по-другому. Они стояли друг против друга, и Моррис что-то бормотал. Потом я расслышал.

— Поедем, ну поедем со мной, Хетти.

— Куда, Моррис?

— Я сам не знаю куда.

— Но ты же в Корону. Ты вернешься.

— Поедем со мной, Хетти. Он заберет тебя с собой.

— Но я не могу. Как же я могу, Моррис.

— Поедем, тебе говорю.

Я видел, как его сотрясало от дрожи. Щеки его были мокрые.

— Поедем, Хетти.

— Моррис, что ты, Моррис?

Она плакала тоже.

— Я не могу сказать тебе, но поедем. Мы вылечим твою ногу.

— Моррис...

— Хетти, послушай...

— Моррис, я боюсь, что больше тебя не увижу. Так знай...

— Хетти, я тоже... Я уже говорил. Помнишь, тогда... Но ты не поверила. Поедем, Хетти. Я буду всегда с тобой.

— Ох, Моррис...

Они плакали оба. Они стояли друг против друга в странном каком-то противоборстве и оба всхлипывали, дрожали.

— Хетти, говорю тебе, едем со мной.

— Как же, Моррис, как же?

— Не знаю, ничего не знаю. Но я без тебя не могу.

— Не говори так, не говори!

— Куда мне без тебя, Хетти?

— Моррис...

Они все стояли и твердили. Хетти, Моррис, Моррис, Хетти... Ох, несчастные. Я кинулся к ним. Стал что-то говорить. Я обнял Морриса и увел его от Хетти. Ведь неизвестно, до чего бы дошло. Так могло сорваться все дело.

Он покорно пошел за мной, но через несколько шагов так укусил себя за руку, что полила кровь. Я затянул ему рану носовым платком, и он снова стал покорным, даже задумчивым. До самой станции он не сказал ни слова, но был похож на мертвеца.

Да, все это было днем. Тяжелый денек. А сейчас ночь. Я иду по ярким от луны улицам Гедеона. Иду туда, где над черной башней Бастилии слабой эмблемой висит распластанная пара созвездий Андромеда-Пегас.

Прощай, Гедеон!

Глава 28: День Бастилии празднуют ночью

Кто не спит в Гедеоне? Не спят плантаторы, они играют в бильярд и карты. Не спят машинисты, вернувшиеся из последних рейсов, они еще ставят в депо паровозы. Не спят караульные на обходных мостиках Бастилии, сегодня они особенно бдительны. Ведь завтра начнется аукцион, не дай бог убежит хоть один негр. Не спит начальник тюрьмы. Он вообще мало спит и до рассвета мучает своего помощника бесконечным покером со ставкой всего в один цент.

Не спит дядюшка Париж. Он ждет меня. Сегодня целый день шелестел тихими переговорами запертый в Бастилии Арш-Марион. И к вечеру они решили. Все ждут меня. И только немногие дремлют, положив головы друг на друга.

Сегодня в полночь наступило четырнадцатое июля. День Бастилии. Четырнадцатого июля восставший Париж взял штурмом королевскую тюрьму. Этот день стал во Франции праздником свободы. Когда открыли все камеры Бастилии, в ней оказалось всего семь узников. Один даже не хотел выходить, он был уверен, что через пару дней, когда к власти вернется король, его снова посадят.

Бастилию штурмовало не так уж много людей. Тюрьму ведь защищал гарнизон из восьмидесяти инвалидов и тридцати солдат швейцарской гвардии. Правда, у них было тринадцать пушек.

Когда стало ясно, что Бастилию не удержать, браваый начальник тюрьмы Лонэ решил взорвать пороховые погреба и погибнуть вместе со старой крепостью. Но его подчиненные не захотели попасть в историю и отняли факел у разгневанного начальника.

Раскладка с гедеонской Бастилией совсем другая. Охранников здесь шестеро вместе с начальником и его помощником, узников больше пятидесяти, а на штурм шел только один человек — я.

Со времени штурма парижской Бастилии прошло много лет, многое изменилось. И пушки и ружья стали другие, но люди остались те же. Я не собирался обкладывать гедеонскую тюрьму соломой, чтобы поджечь, как пытались сделать парижане. Я не собирался палить по солдатам, я не взял с собой даже смит-вессон Морриса. Есть другие способы устраивать дела.

Вот где пригодился нам старый выпивоха Джим Эд. Он в Моррисе души не чаял, а Моррис, со своей стороны, все знал про Джима.

Самое ценное в жизни старика было для нас то, что в молодости он работал на стройке

Бастилии. И не простым рабочим, а мастером. Да, да, представьте себе, Джим Эд тоже когда-то был человеком. Виски его погубило.

Тогда еще собирались обвести Бастилию водяным рвом. Зачем? Для порядка, для красоты. Раз есть башня, значит, должен быть ров. Не учли простой вещи: воды в гедеонской речушке маловато, да и сама Бастилия стоит чуть повыше берега.

Выкопали половину рва, он и сейчас сохранился в виде глубокой канавы. Но приезжий деловой человек посмотрел и сказал, что дело не выйдет. Он взял бумагу, чего-то там подсчитал и сунул в нос отцам города. Выходило, что ров погубит речушку, да и копать надо гораздо глубже.

Бросили. Позабыли. Но кроме рва успели сделать подземный отвод в тюремный двор. Он должен был служить чем-то вроде колодца. Ненужный теперь люк накрыли солидной крышкой и оставили в покое.

За три десятка лет жизни Бастилии люк вообще ушел под суглинок двора, а тюремная команда сменилась полностью. Теперь сам начальник Бастилии не знал, что служит в «дырявой» тюрьме.

Вот что сказал нам Джим Эд. Он не имел ничего против побега черных, хотя сам принадлежал к белым. Джим Эд был добрый старик, а кроме того, он очень хотел помочь Моррису.

Среди караульщиков у Джима имелся приятель, такой же выпивоха. Джим иногда навещал его, и они заправлялись прямо на службе. Нравы в Гедеоне простые.

Во время очередного визита Джим Эд пронес в Бастилию несколько ножей и записку неграм. План был очень простой. В полночь луна поднимается над Гедеоном и начинает светить прямо в глаза двум караульным на обходном мостике. Этот мостик не доходит до задней стены.

В то же время добротная черная тень накрывает почти половину тюремного двора. Негры улягутся спать там, где появится тень. Люк отводного канала на этой же половине. Надо лишь осторожно снять суглинок, отодвинуть крышку и по одному выбраться за стены, канал достаточно широкий.

Хлипкую каменную закладку с этой стороны мы разобрали еще накануне. Открылся черный зев люка. Он целиком в густых зарослях ясенника, его не разглядишь даже в двух шагах, не то что ночью со стен.

Я спустился в ров, почти ощупью нашел провал хода и, приложив ладони ко рту, закричал тоскливым криком ночного козодоя. Это был сигнал.

Сердце билось отчаянно. Кажется, все тихо на стенах.

Я по опыту знал, что против лунного блеска даже самая малая тень создает непроницаемую завесу. Часовые не видят, что происходит во дворе. Но они могут услышать. Вся надежда на то, что их сморила дрема.

Когда мы ломали голову над тем, как вывести Арш-Марион из Бастилии, обдумывали, конечно, и нападение на караул. Среди невольников Бланшара не меньше десятка крепких парней. Уж как-нибудь они справятся с двумя часовыми и двумя сменными. Начальник тюрьмы и его помощник не в счет, за покером они выдувают не меньше кварталы бурбона и не могут стоять на ногах.

В Бастилии, конечно, не ожидают нападения. Так мы и прикидывали, пока Джим Эд не открыл тайну отводного канала. Теперь можно было обойтись без лишнего шума. Ведь кто знает, как бы пошло дело. Успей часовой пальнуть раза два, весь Гедеон поднимется.

Но и сейчас опасно. Дожидаясь у люка, я не знал, что дело повисло на волоске. Не спали оба караульщика. Они сошлись на мостике и принялись за долгую беседу, поставив ружья к перилам. Они стояли как раз против того места, где нужно было раскапывать суглинок.

Негры сгрудились вокруг люка, закрыли его своими телами и начали потихоньку скрести землю. На мостике сразу услышали.

— Том, — сказал один, — кто-то скребется.

— Это барсук, — ответил другой. Они снова принялись за разговор о том, как лучше солить капусту и где закапывать бочки с сидром.

— Что-то они не спят, — сказал один. — Все шевелятся.

— В прошлый раз перед аукционом один черномазый удавился. Хочешь верь, хочешь не верь. Тогда с Дженкинса взяли штраф два доллара.

— А при чем тут Дженкинс?

— Да вроде недосмотрел.

— Что ж, если у нас кто удавится, тоже возьмут по два доллара?

Зевок, бряцание ружья.

— Спать уже хочется. Черта с два. Это не наше дело, Том. Пусть все удавятся. Последний месяц я тут служу, перейду на плантацию.

— Все-таки они шевелятся, Ред. Пойду посмотрю. Он спустился с мостика и пошел к тому месту, где откапывали крышку люка. Едва его скрыла черная тень, как хороший удар дубинки внулшил караульному, что служить в Бастилии вовсе не безопасно.

Другой пошагал по мостику, потом спросил:

— Ну что там, Том? В ответ раздалось невразумительное бурчание. Караульный пошагал еще немного и спросил уже настороженно:

— Том, ты заснул?

Наконец из темноты вышел Том и побрел странной походкой, еще более странно держа ружье за ствол, как палку. На мостике его дожидались с нетерпением.

— Ты что? Тебя сморило?

И в этот момент караульный увидел лицо Тома. Оно было иссиня-черным, отблескивая, как фаянсовый чайник. И прежде чем миновал страх и он понял, что это вовсе не Том, удар приклада обрушился на его голову.

Нет, их не убили, сказал мне дядюшка Париж. Их просто связали, заткнув рты, и положили рядышком в тюремном дворе. Теперь не раньше чем через два часа их найдут сменщики...

Первым из люка выбрался дядюшка Париж.

— Сколько? — спросил я его шепотом.

— Все, — ответил он, — мы все, мистер Майк.

Я чуть не присвистнул. А мы-то думали, что на побег решится не больше половины. Ну что ж, все так все.

В полном молчании, один за другим выбирают они из люка. У детишек рот на замке, ну и выучка! Последним вылез Красная Лапа, тот парень, который ловко обезопасил часовых.

Прощай, Бастилия! Тебя покидает товар стоимостью в четверть миллиона франков. Бедный Бланшар, хватит ли ему денег на переезд, или теперь он застрянет в Гедоне? Я, впрочем, не сомневался, что у старика есть страховка на все имущество, в том числе и на Арш-Марион.

Самый крупный побег в Черной Розе был три года назад на плантации «Генерал Вашингтон». Тогда исчезли сразу четыре невольника, мулат, квартеронка и два черных. Но четверо не пятьдесят, известие о пропаже всего Арш-Мариона должно потрясти Черную Розу. Если они хватятся через час, а еще через пару часов смогут наладить погоню, им нас не достать.

«Пегас» самый быстроходный локомотив на станции. Часа за два мы покроем семьдесят миль до форта, и, если погоня будет идти тремя часами позже, нам хватит времени на погрузку. Пароход Доннела и нанятая баржа уже пришвартованы к пристани в том месте, где рельсовый трап кончается у самой воды. Купленные на Севере паровозы привозили как раз сюда. Когда-то «Пегас» вкатился здесь на землю Черной Розы, теперь он покинет ее тем же путем.

Все расходы на погрузку уже оплачены. На пристани знают, что в четыре утра пароход Доннела и баржа с «Пегасом» должны уйти вниз по реке. Никто не удивился, что выбрано такое время, хотя раньше семи на пристани обычно не брались за работу. Дэн объяснил, что спешит на погрузку в порт Мобила.

Полчаса мы рассчитывали идти вниз по реке, пока не миновем крошечный городишко Колумбус. Здесь поворачиваем в Барсучью протоку и возвращаемся вверх. Барсучья протока скрыта высоким песчаным откосом с гребнем соснового леса. Она довольно широкая, но рейсовые пароходы предпочитают, конечно, спускаться по самой реке, так что вряд ли мы кого-нибудь встретим.

Барсучьей протокой мы обойдем форт Клер и окажемся на реке гораздо выше, когда

возможная погоня будет где-нибудь милях в тридцати вниз по реке. В Колумбусе им скажут, что мы недавно прошли, а дальше на целые сто пятьдесят миль нет ни одного селеньица. Погоня уйдет вниз настолько, что при всей медлительности буксира им нас никак не достать до самого Красного Каньона.

А там на одной пристани нас ждут парни «подземной железной дороги». Они разобьют Арш-Марион на группы и скрытой горной тропой в дебрях Аппалачей начнут переправлять черных за линию Мейсона и, быть может, дальше, в Канаду. «Пегасу» останется только достичь Декейтера, это совсем рядом. А там целый пучок железных дорог. Подавайся в любую сторону — на Бристоль, Мемфис или Боулинг-Грин. Причем линию Мемфис-Декейтер Моррис знал хорошо, этой дорогой он и пригнал «Пегас» в Черную Розу. От Мемфиса он мог легко подняться до Иллинойса.

Этот хитроумный план мы придумали вместе. Номер с Барсучьей протокой предложил Дэн, а по части железных дорог ломал голову Моррис. Ему только не нравилось, что в Декейтере занудный начальник станции. Он может задержать «Пегаса», а это никак не входило в наши планы. Но вообще мы рассчитывали всеми способами путать погоню по дороге и надеялись, что уже первая шутка с Барсучьей протокой начисто собьет их с пути.

Под полным паром «Пегас» стоит на запасном пути. Моррис сам перевел стрелку, и мы спокойно можем выходить на «лестницу». Последний ночной уже пошел в депо, и до пяти утра, пока не тронется товарняк из Пинуса, путь будет свободен до самого форта.

Представляю, как изумится дежурный Гарри Жердочка, тощий и длинный парень, когда услышит, как неизвестный состав подается в сторону Аржантейля. Пока он проснется, очухается и выскочит из дежурки, мы только покажем ему буфера нашего вагончика.

Всполошатся «вишенки», стрелочники и обходчики по всей линии. Они подхватят свои красные фонари и побегут на полотно посмотреть, что это за сумасшедший полуночник промчался без всякого расписания?

Мы рассчитывали делать не меньше тридцати миль в час, а на «пиках», прямых участках пути, выжимать все, что можно в ночное время, то есть миль пятьдесят — шестьдесят.

Рядом с передним фонарем «Пегаса» укреплен красный флажок, знак экстренного рейса. Это должно помогать на станциях. Нам оставалось молиться, чтобы «лестницы» в Аржантейле, Кроликауне и Пинусе освободились от маневров. Но даже если они заняты, красный флажок давал нам право потребовать чистый путь в считанные минуты.

«Пегас» забрал уголь и воду до отказа. Что касается воды, то где-то нам еще придется перехватить глоточек, но угля хватит не только до форта, но, пожалуй, и на полсотни миль от Декейтера.

Моррис встретил нас, лихорадочно вытирая руки паклей. Негры гуськом полезли в вагончик. Придется им там потесниться. Наш вагончик не привык к такому большому обществу. Но ничего, как-нибудь уместятся.

— Все в порядке? — спросил я.

— Кузнечик греет «Страшилу», — сказал он. Черт возьми! Этого еще не хватало!

— Зачем?

— В Пинусе «баржу» в лепешку смяло, поедет растаскивать.

— Сколько у него пара?

— В будку не лазил. Думаю, через полчаса будет горячий.

У меня аж коленки затряслись. Вот так новость! Значит, прощай те самые два запасных часа. Они, конечно, оседлают «Страшилу» не позже чем через час.

Надо же такому случиться! В Пинусе кто-то помял большой товарняк, и «Страшилу» наряжают на помощь.

— Что, у них своих маневровых нет? — спросил я.

— Откуда я знаю? Таких, как «Страшила», конечно, нет. Наверное, тяги не хватает.

— Что делать? Ты бы чего-нибудь со «Страшилой»...

— Колесо отломить?

— Они сядут нам на хвост.

— Ничего. — Улыбка покривила его губы. — Куда им! Оторвемся.

— Ладно, трогаем! — крикнул я и схватил лопату.

— Спокойно, Майк, — сказал он.

Тут же я бросил лопату, выскочил из будки и побежал в вагончик. Все ли в порядке? Они сидели, прижавшись друг к другу и забив все пространство вагончика.

— Поехали, — сказал я срывающимся голосом. — Не высовывайтесь из вагона, ветки выхлещут глаза.

— Мы понимаем, мистер Аллен, — степенно сказал дядюшка Париж.

Многие сложили ладони и, наклонив головы, стали читать молитвы.

Я забросал топку углем, по краям больше, в середину меньше, пламя вспыхнуло белым жаром, подскочил манометр.

— Ну, ладно, — сказал Моррис.

Он перевел реверс вперед до упора, дал два легких толчка регулятором, и «Пегас» тронулся с места. Не успели колеса сделать несколько оборотов, как Моррис закрыл регулятор и крикнул:

— Тормоз!

Я кинулся к железной баранке. В ту же секунду Моррис выпрыгнул из будки, а еще через минуту он карабкался назад, подсаживая Хетти.

Боже мой, Хетти! В испачканном платье, с разбитой коленкой, она неуклюже цеплялась за поручни и бормотала:

— Я с вами, я с вами...

— Как ты нашла, как догадалась... — дрожащим голосом говорил Моррис и неловко толкал ее в будку.

Я помог Хетти. Мы уронили ее палку, но не стали искать.

— Я с вами, я с вами, — повторяла она.

— Конечно, конечно, — говорил Моррис. — Садись сюда, Хетти, сюда, сейчас подстелю... Сюда, Хетти...

Я был ошарашен. Значит, и Хетти с нами? Но куда? Ну и каша заварилась!

— Я сразу поняла, Моррис. Я сразу... — говорила она. — Моррис, Майк, вы такие...

— Тебе кто-то сказал? — спросил я.

— Нет! Я сама догадалась. Я видела. Вы разговаривали с дядюшкой Парижем. А потом Моррис. У него глаза...

— Ты ясновидящая, — пробормотал я. — Может, и все догадались?

— Нет. Я одна. Я никому не сказала.

Глаза у Морриса горели сумасшедшим блеском. Он вцепился в регулятор и сказал:

— Ну как, поехали?

— Трогай, — сказал я. — Чего там!

Он так на радостях дернул, что брякнули суставы вагончика. Наверное, повалились на пол все наши пассажиры.

Когда мы на малом ходу миновали обратное депо, вышедший, как назло, Кузнечик Джеф уронил свою паклю и раскрыл от изумления рот. Он просто хотел подышать воздухом и не собирался глотать пар «Пегаса», но нам от этого было не легче.

Глава 29: «Пегас» набирает ход

Лети, лети, «Пегас», железный огнедышащий конь, скользи колесами-копытами по блестящим стежкам рельсов. Летит в топку уголь, гудит белое пламя, шипя мчится пар по трубкам, неистово мечутся поршни, туда-сюда, туда-сюда прыгают штоки и шатуны, вращая колеса.

Лети, «Пегас», раздирай своей выпуклой грудью лунную темноту, мечи из трубы искры и клубы густого дыма. В тебе бьется горячая жизнь, тысячи шестерен, колесиков, рычагов слились в неустанным движении. Выбросы пара, как белые крылья, рвутся из-под колес. Быстрее, быстрее, быстрее. Прыгает вода за стеклом манометра, топка перемальывает черную россыпь.

Я неистово работаю лопатой. Потом по крику Морриса «Смотри!» кидаюсь к противоположному окну. Это значит, мы входим в поворот. Правда, я почти ничего не вижу.

Глаза, ослепленные блеском топки, бессмысленно напрягаются. Летят навстречу темные массы деревьев. Выскакиваем в чистый лунный прострел, грохочем по мосту, потом опять влажная темнота леса.

— Смотри! — кричит Моррис.

Бросаюсь к окну. От него обратно к топке. Снизу прохватывает жаром, сверху прохладным ночным ветерком. Кажется, я склеен из двух половин, нижняя горячая, а верхняя почти ледяная, оттого еще, что ее заливает пот, остуженный ветром. Пот мешается с угольной пылью, липкая черная жижа ползет по лицу. Я смахиваю ее рукавом блузы, но через минуту она течет снова.

— Смотри!

Ох уже эти повороты! Большой поворот, Енотовый, поворот Два Моста. У каждого есть название. На одном всего месяц назад, как лук из пращи, вылетел лихач из форта. Он поспорил с кем-то, что пройдет всю линию за полтора часа. На другом все время проседает насыпь, и тут, хочешь не хочешь, надо идти с оглядкой. Того и гляди, загремишь под откос.

— Угля! — кричит Моррис.

Я лезу в тендер и начинаю подбрасывать уголь к топке. Наваливаю хорошую горку и снова спускаюсь в будку. Здоровенная искра ударяет в лоб, как звезда. Это одно из неудобств паровозов типа «крэмптон». Будка вынесена слишком высоко, ее обдает из трубы. А сейчас, когда «Пегас» угощается бедным аппалачским углем, это особенно чувствуется. Из кожуха так и валят черные клубы с горящим крошевом. «Пегас» в эти минуты никак не похож на Белый Дымок.

— Смотри!

Как мне удалось уговорить Морриса? Это вышло само собой. После смерти Вика, после размолвки с Хетти он стал какой-то изломанный. Я чувствовал, вот-вот Моррис что-нибудь выкинет. А тут подоспела история с аукционом. Я видел, что Моррису так и хочется ввязаться в игру. Ни за что на свете он не расстался бы просто так с Хетти. Может, поджег бы усадьбу Бланшаров или устроил аварию на линии, кто его знает! Во всяком случае, так мне казалось.

Когда я предложил спасти Арш-Марион, он сразу согласился. Даже не стал задумываться, что из этого может выйти. Хетти в это время совсем извелась. Стала прозрачней воска. Она больше всех переживала за черных, там ведь у нее было много друзей. Я намекнул Моррису, что побег Арш-Мариона был бы для Хетти большой радостью. Он и сам это понимал. Но посвятить Хетти в наши дела мы боялись.

Белый Дымок, паровозик счастья! Я, конечно, о нем не забывал. Рассказы про Белый Дымок сидели в Моррисе глубокой занозой. Он редко об этом заговаривал, но я видел, что Белый Дымок для него не шутка. Нет-нет в «бобовне» услышишь знакомое. То про линии, где здорово платят и нет никаких крушений, то про компании, у которых поработаешь десяток лет и получаешь пенсию. Словом, всякую чепуху.

— А Белый Дымок-то опять видали, — говорил кто-то. Моррис сразу настораживал уши.

— Один джек на Ребл Рут выжал семьдесят миль и уже стал заваливаться на повороте, но тут выскочил Белый Дымок и поддержал его с той стороны.

— Как же он удержал такую машину? Ведь Белый Дымок маленький.

— Маленький! Ты знаешь, что в Индиане он за ночь сдвинул скалу, которая осела на полотно? Просто столкнул ее в каньон.

— Ну, это враки.

— Кто же ее тогда столкнул, если враки?..

Да что пересуды в «бобовне»! Ведь с Белым Дымком гонялся сам Кестер, приемный отец Морриса. А ему Моррис верил, как себе.

План бегства на «Пегасе» просто оживил Морриса. Он лихорадочно взялся за дело. Целыми днями обхаживал паровоз. Сменил все набивки, перебрал золотниковую коробку, масленки, драил цилиндры, штоки, коробками расходовал сало, заливал масло. Быть может, втайне он надеялся увезти Хетти, но теперь так и вышло.

О, звездная стрекоза! Где ты сейчас паришь, в какой стороне горизонта? Повороты меня запутали, и я не знаю, где юг, где север. Над моей головой проносятся черные узоры нависших ветвей, и мириады угольных искр мчатся красным Млечным Путем. Под моими ногами дрожит

железный круп «Пегаса», буря огненных страстей мечется в его квадратной чугунной душе. Он словно стремится подпрыгнуть, взмыть в воздух и превратиться в звездного коня легенды.

— Черт! — отчаянный крик Морриса. Я выглядываю в окно, и сердце замирает от ужаса. Перед нами футах в трехстах прямо по полотну мчится какая-то белая фарфоровая масса. Внезапным озарением понимаю, это свиньи Шепа О’Тула! Его знаменитая «лунная свинина» мчится перед нами по полотну. Не знаю, как этого добился упрямый ирландец, но его свиньи выходили из хлева ночью и вроде лошадей чуть ли не паслись в округе. Отсюда и пошел шеповский бекон, «лунная свинина», совсем особого вкуса штука.

— Проклятье! — кричит Моррис.

Поджарые, облитые лунным светом свиньи ошалело удирают от паровоза. Они никуда не сворачивают. Прытко скачут, прытко, но мы настигаем их, и все это происходит в считанные секунды.

Бросаюсь к баранке тормоза. Сейчас Моррис закроет регулятор и даст контрпар. Но все равно не успеем. Господи, пронеси! Неужто конец? Свиной целая куча.

Хватаюсь за тормоз.

— Нет! — дико кричит Моррис.

К моему удивлению, он до отказа открывает регулятор и, словно подслушав меня, тоже бормочет:

— Господи, пронеси.

На полном ходу мы раздваиваем свиную массу. Что-то постукивает слегка, но плавность «Пегаса» та же. Еще несколько секунд, и мы понимаем, что пронесло. Мы прошли сквозь свиней О’Тула, как нож через масло. Если бы Моррис не открыл регулятор и стал тормозить, было бы куда хуже. Я ведь не знал, что через такую преграду надо идти с открытым регулятором.

Моррис утирает с лица пот. Несколько минут несемся молча. Хетти ничего не видела и потому не поняла, зачем мы кричим, мечемся. Она пристроилась в углу будки на ящике и замороженно смотрит на мелькание за окном. Видно, никогда не ездила ночью. Ночная езда особое дело. Есть машинисты, которые не выдерживают ночных рейсов. Им начинают чудиться призраки. Блеск и жар топки снизу, сумятица мрачных теней поверху сводит их с ума. Недавно один машинист из Пинуса выбросился ночью из будки. Но здесь, на Юге, ночные рейсы редкое дело, тяжелый бег нашего «Пегаса» всколыхнул, должно быть, всю округу.

Почти на полном ходу мы проскочили Аржантейль. Открытый семафор показывал, что «лестница» свободна. Хоть здесь повезло. Правда, выскочил кто-то на платформу, ошалело размахивая руками. Хорошо, что нет на линии телеграфа. Кое-где на Севере он уже действует. Будь телеграф, не прошла бы наша затея. Уже на втором перегоне закрыли бы путь.

Интересно, хватились уже в Гедеоне? Если так, то, дрожа от гнева, «Страшила» вылезает на главный путь. Как ветром сдует ночных игроков из «Колокола» и «Азалии». С ружьями и револьверами облепят «Страшилу», торжественно-гордый Кузнечик Джеф откроет регулятор и поклянется, что «Пегас» не уйдет.

— Где заберем воду? — кричу я Моррису. Он нервно поводит плечом. Сам, мол, знаю. Внезапно приходит в голову, что Вольному Чарли и Плохо Дело с Дровяного полустанка не поздоровится, ох, не поздоровится. Прибьют их по ходу дела. Давно многие «рыцари Юга» точат нож на свободных негров. А тут еще узнают про уголь. Если нас не догонят, то как не отыгаться на обратном пути?

Говорю об этом Моррису. Он сразу понимает, думает.

— Бабочку бросим.

«Бабочка» — это записка с идущего поезда. Но что написать в «бабочке»? Чтобы Вольный Чарли и Плохо Дело на время спрятались? Поможет ли это? Да и как они поймут «бабочку», если вовремя не выскочат к поезду? Заспятся, мало ли. А то и на охоту пораньше уйдут, бывало такое.

Решаем сделать остановку на Дровяном полустанке. Предупредим наших приятелей, глотнем воды и, пожалуй, разберем рельсы. Это у нас предусмотрено на случай близкой погони. Среди обитателей Арш-Мариона много здоровых негров. Снимем гайки, разворочим путь. Глядишь, погоня застрянет.

Сейчас около двух ночи. Скоро начнет бледнеть темнота. Хорошо бы проскочить с ходу Кроликтаун. Но нет, «селедка», рука семафора опущена вниз. На главном пути кто-то заснул. Значит, надо выскакивать, искать стрелку. Проклятье! Заняты и второй и третий путь. Это уже беда.

Подваливаем на тихом к началу платформы. Заспанный дежурный высовывает голову в окно. Моррис выскакивает из будки, бежит договариваться. Здесь все его знают, но дежурный долго не может понять, откуда свалился «Пегас».

Моррис тычет на красный флажок и внезапно кричит:

— Доставка государственного преступника! Это действует на дежурного, он начинает суетиться, а Моррис подгоняет:

— Дорожник Билл, понимаешь?!

Дежурный забегал вовсю. Неужто поймали знаменитого грабителя? Тут Моррис перегнул. Дежурный все старался заглянуть в окна вагончика. Хорошо, мы их завесили.

«Пегасу» пришлось самому расчищать «лестницу». На тихом ходу столкнули четыре пустых вагона и отвели их на запасной. Задержка в Кроликтауне стоила нам получаса.

Дальше Дровяной полустанок. Мы подлетели к нему, когда небо уже посерело. «Пегас» дал свой залиvistый многоголосый гудок.

Ага! Вольный Чарли и Плохо Дело на месте. Вольный Чарли с ружьем. Начинаем объясняться. Из вагончика высыпают негры, а я лезу под локомотив с железным штырем и сдалбливаю шлак с решетки колосников. Если этого не сделать, будет плохая тяга, а тяга нам сейчас ох как нужна.

Другие не теряют времени даром. Негры хватают ломы и начинают выбивать нагели из рельсов. На здешних дорогах плоские незавидные рельсы, балласта почти нет, зато поверх шпал еще продольные лежни, а нагели вбиты довольно часто.

Сразу нашлись умельцы. Те самые, которых посылали на укладку шпал. И песню запели:

Двадцать два нагеля в рельсу, триста две рельсы на миллю, тысячу миль до ворот, о боже, до самых райских ворот!

— Быстрее, быстрее! — кричит Моррис. — Нечего распевать!

— Песня только помогает, Моррис, — говорит дядюшка Париж.

Моррис недоволен.

— В Гедеоне я был мистером Моррисом, — бормочет он. — Их только выпусти на свободу, они сразу...

Сняли один рельс, но хорошо бы еще снять штуки три. Вот новый тащат в вагончик. Снятые рельсы мы забираем с собой. «Страшиле» нипочем не пройти. Правда, Кроликтаун недалеко, могут взять рельсы оттуда, но это лишнее время.

Моррис нервничает. Мы теряем уже час. В сером бесцветном небе проступает влажная синева. Дятлы зацокали в соснах — ток-ток. Упрямые птицы, весь день будут долбить.

Хетти сидит на ступеньках «Пегаса». Белое платье совсем перепачкано. Хетти, Хетти! Связалась ты с нами. Неизвестно еще, чем все это кончится. Мне почему-то жалко Хетти. Ведь не со мной, а с Моррисом ей придется скитаться теперь по Америке. Я-то перекасти-поле, оторванный лист. Сегодня на одном дереве, завтра на другом. Нет, не очень мне нравилось, что Хетти с нами. Ну, погоревала бы. Ведь все забывается. Жила бы в Париже. А теперь как?

— Быстрее, быстрее! — подгоняет Моррис. Мы забираем воду из старой текучей бочки Дровяного полустанка. Подкидываем угольку и дров. Пора в дорогу, Вольный Чарли и Плохо Дело, кажется, собираются с нами. Раздумывают. Уж больно неожиданно на них это свалилось.

— Плохая примета, плохая примета, — дрожа, бормочет Плохо Дело.

— Какая, к черту, примета? — кричит Моррис.

— Да вот, — говорит Плохо Дело, — посмотри. Нашел на земле пятицентовик не той стороной.

— Это из моего кармана, — успокаивает Моррис.

— Плохо, — бормочет Плохо Дело.

Внезапно утробный и низкий звук покрывает небосвод. Все застывают. «Страшила!» Его гудок. Меня прошибает озноб. Не дальше чем в двух-трех милях и, стало быть, через пяток минут будет здесь.

Все срываются с места, кричат, плачут, кидаются к паровозу. Как же так? Почему так быстро? Смотрю на часы. Значит, ушли за нами с интервалом меньше чем в час. То, что мы наверстали по ходу, потеряно в Кроликтане и на полустанке. «Страшила» оказался расторопным. Да что говорить. Ведь мы оставляли ему чистый путь.

Плохо дело. Крутимся в будке. Вольный Чарли и его помощник все еще раздумывают. Бежать с нами или прятаться? Моррис зачем-то вытаскивает свой револьвер. Но главное сейчас — отойти хотя бы на ружейный выстрел. От полустанка начинается прямая, они могут нас достать, если подкатят вовремя.

Внезапно Вольный Чарли выхватывает у Морриса револьвер и говорит:

— Я задержу их, Моррис. Я их запутаю.

— Что ты? Отдай! — кричит Моррис, а сам уже понукает «Пегаса» толчками.

— Я задержу! — кричит Вольный Чарли. Плохо Дело стоит в растерянности.

— Садитесь, садитесь! — кричит Хетти.

— Я хорошо стреляю!

— Отдай револьвер, черт побери!

Тут негр из наших внезапно спрыгивает на землю. Я сразу узнаю его, это ловкий и сильный парень Красная Лапа. Сначала я подумал, что Красная Лапа хочет помочь Моррису и отнять револьвер у Вольного Чарли.

Красная Лапа и вправду выхватывает револьвер у Вольного Чарли и говорит:

— У тебя есть ружье.

Они сразу понимают друг друга. Вольный Чарли мгновение глядит на Красную Лапу и говорит:

— Ну, молись, братец.

— Я тоже хорошо стреляю, — говорит Красная Лапа.

В глазах у Вольного Чарли огонь, лицо перекошилось. Он снова говорит, теперь уже как бы про себя:

— Молитесь, белые братья.

— Эй, эй! — кричит Моррис. — Какого черта! Они вас в два счета прикончат!

— Как бы не так! — Вольный Чарли мрачно усмехается.

Теряем, теряем на этом время! И вот страшная картина. Из-за дальнего поворота пылящей черной громадой вываливает «Страшила». За ним маленькая «люлька», а на ней — боже ты мой! — полным-полно орущих, машущих ружьями преследователей! Они везде: и на тендере «Страшилы», и даже на его будке.

Сразу пальба, но они еще далеко. Моррис хладнокровно открывает регулятор. Я всегда поражаюсь, что в минуты опасности его лицо делалось совершенно спокойным.

«Пегас» потихоньку набирает ход. Какая все-таки неуклюжая штука паровоз! Чтобы разогнаться, ему нужна не одна сотня футов.

«Страшила» тем временем тормозит перед развороченным путем. Ох, сейчас они попрыгают на полотно и кинутся за нами, стреляя на ходу. Они еще успеют приблизиться, пока мы наберем скорость.

Так и есть! Но их встречают пули Вольного Чарли и Красной Лапы. Эй, Плохо Дело! Что же ты растерянно застыл на платформе? Прячься, беги! Тебя не пощадят за то, что в твоих руках нет ружья.

Но бедняга Плохо Дело, кажется, окаменел. У меня аж мороз по коже. Зато двое других встретили нападающих, и те сразу забыли, что они гордые рыцари Черной Розы, и попадали за камни, спасаясь от пуль сумасшедших негров.

Мы уходим. Вижу, как, перезаряжая ружье, Вольный Чарли палит по «Страшиле». Дымок из его ствола. А Плохо Дело все так же красуется на платформе. Беги же! Но он стоит, а потом начинает медленно валиться на бок. Таким и остался в моей памяти Дровяной полустанок. Добряк Плохо Дело падает на стенкой уложенные дрова. А Вольный Чарли и Красная Лапа палят из-за камней. Уцелеют ли бедняги? Ничего я больше о них не слышал.

Всему свой черед, милые дети, всему свой черед. А сейчас время сказки. Да и то сказать, разве то, что до этого было, не сказка? Сказка, чижики, сказка.

Мистер Козодой, сонная птица, как кричит? «Кувык-трррр!» Вот как кричит. А мистер Филин кричит: «Уххх!»

Так что не печальтесь, конопатые, рыжие да вихрастые. В сказке если что грустное, так не на самом деле.

Ну, значит, так, взяли они паровозик тот, Белый Дымок, что ли, и помчали. А может, не Белый Дымок, не помню. Что-то у меня с памятью, гайка там заржавела, клапан хромает.

Да, был там еще один парень. Тоже не помню. Кажется, Колокольчик. Так вот, они прямо к нему и дули. Серьезное дело, скажете вы. Как доверять Колокольчику?

Вот и я думаю, как доверять? Неужто тот мальчик Майк взял да поверил? Я бы ни за что. Плати мне доллар, нет, не поверю. Ну уж, во всяком случае... и всякое такое.

Стало быть, столько народу, а если тот подведет? Ну, Колокольчик? Может, все врал?

Мистер Кролик сказал:

— Врать надо с умом. А то туда же... Вот и я думаю, куда? Везет их паровозик, тащит. Значит, известно, куда?..

Но Мистер Филин сказал:

— Все перья из меня выдерни, неизвестно.

А мистер Козодой подумал, подумал и гаркнул:

— Кувык-тррр!

А тащит он их, мистер Филин, на пристань. А на пристани пароход. На пароходе том, значит, и так далее... А мистер Филин сказал:

— Так нет там никакого парохода!

— Как так нет, мистер Филин?

— Вот так и нет. Нес его ваш Колокольчик в кармане и потерял. Уххх!

— Тьфу на вас, мистер Филин! Как можно носить пароход в кармане да еще потерять?

— Откуда я знаю? — сказал мистер Филин и заснул. А мистер Козодой подумал, подумал и гаркнул:

— Кувык-тррр!

Нет, господа птицы, не то вы мелете. Вон мчится тот паровозик, куча народу, и все на пароход, и все вверх по реке. Как же так, нет парохода? Это ведь будет большое огорчение.

— Так сказка же, — сказал во сне мистер Филин и хлопнул крылом.

Этим крылом он сломал иголку мистеру Ежу. Мистер Еж разозлился и уколол мистера Лиса. Мистер Лис проснулся и трахнул по башке мистера Кролика. Мистер Кролик почесал затылок и пошел к нам.

— Что же это такое творится? Бьют ни за что джентльменов.

— Так всему свой черед, мистер Кролик. Вон Плохо Дело и Вольный Чарли — их вообще прибили.

— Мне-то какое дело? — говорит мистер Кролик. — Я никуда не лезу.

— А капусту кто воровал?

— Так у вас же пароход пропал, а не капуста.

И этот про пароход! Некуда деться. Что они все про пароход заладили! Был какой-то пароход и пропал. Ну, был и пропал, значит, так надо. Всему свой черед.

— Болтай, болтай, — сказал во сне мистер Филин. А мистер Козодой подумал, подумал и гаркнул:

— Кувык-тррр!

Глава 31: Форт Клер — Чилокчо

В Пинусе мы легко обошли смятый на рельсах порожняк. Это крушение сыграло с нами плохую шутку. «Страшилу» грели как раз для того, чтобы растаскивать завалившиеся вагоны. Надо же было кому-то проспаться и долбануть порожняк на тридцати милях. Жертв, правда, не было. Одна бригада успела спрыгнуть, а порожняк стоял и вовсе без паровоза.

Странное это местечко, и название заковыристое: Пинус Стробус. Здесь самые бедные

места Подметки, даже сосна незавидная, иголки все время осыпаются. Издали кажется, что песок, а это слой пожелтевшей хвои. Идешь, как по ковру.

На станции в Пинусе полно калек. Сам начальник без руки, а кладовщик на деревянной ноге. Все большие любители виски. Когда Моррис переводил стрелку, «Вишенка» вылез чуть ли не на четвереньках и никак не мог понять, что происходит.

Овеянный винными парами Пинус Стробус отнял у нас всего пять минут. Впереди чистая аллея до самого форта. Но там нас ждал страшный удар.

Этот удар предстал в виде моего взрослого дружка Дэна Доннела. Нет, я всегда говорил, что Дэн неплохой парень и на него можно положиться. В конце концов, он мог бы и не появляться на платформе форта, тем более что его разыскивали.

Судьба сыграла с Дэном очередную шутку. Оказывается, деньги, на которые он купил свой пароход, были фальшивые. Дэн этого не знал, бывший владелец парохода не подозревал, но, когда дело дошло до банка, все открылось.

От самого Альбертвилла, что на той стороне Каньона, Дэн драпал сюда только для того, чтобы предупредить. Не сделай он этого, мы бы совсем завязли в форте и попали в руки «Страшилы».

Да, но куда теперь? Положение отчаянное. Когда я увидел понурую фигуру Дэна, у меня внутри ёкнуло. Сразу понял, что дело плохо.

Раздумывать некогда, сетовать на судьбу тоже. Я, Моррис и Дэн устраиваем короткий совет. Моррис смотрит на Дэна почти с ненавистью. Тот суетится, заикается, понимает свою вину. Эх, прощай, прогулка на пароходе!

Был у нас вариант и на этот случай. Парни с «подземки» ждут нас на той стороне Красного Каньона, где-то около Альбертвилла. Попасть туда можно не только по реке, но и перевалив хребет. Для этого нужно пройти всю линию от форта до Короны и немного дальше, где путь упирается в гору.

Два года назад отцы Короны затеяли дело, которым надеялись навсегда повергнуть Геден. Они основали компанию «Транс-Аппалачи» и начали строить сквозную дорогу через Красный Каньон. Если бы это удалось. Корона могла связаться чуть ли не со всеми крупными городами Америки. По ту сторону Каньона проходит декейтерская магистраль, она примыкает к целому пучку линий. Но затея, конечно, не по зубам коронцам.

Линию протащили несколько миль, воткнули в Стену Призраков и на этом выдохлись. Недостроенный трехсотфутовый туннель сразу стал пользоваться нехорошей славой. То убитых в нем находили, то выползали оттуда страшные чудовища. Одни рельсовики относились к своей «дырке» с теплотой. Еще столько, говорили они, и путь выскочит в Ущелье Журчащего Ручейка. А по нему до декейтерской линии рукой подать. Ходили слухи, что компания «Транс-Аппалачи» собиралась с силами закончить свою работу.

Если прогнать «Пегас» до самой «дырки» и выгрузиться перед Стеной Призраков, то горными тропами можно пересечь Красный Каньон и спуститься к Альбертвиллу. На это нужно дня два.

Так мы прикидывали на крайний случай. Но теперь положение менялось. «Страшила» на хвосте. Проклятье! Если бы, допустим, гнался «Наш Геденец» или другой паровоз, они бы споткнулись в форте, потому что дальше стефенсоновская колея. Из всех геденских локомотивов только «Страшила» годится для стефенсоновки, и надо же, как раз в его топку судьба подкинула дровишки.

Сколько мы выиграли на разборке рельсов? Моррис считал, что часа два. Сначала они вернутся в Кроликтаун за рельсами, потом кое-как подложат, не станут, конечно, крепить, как надо. Но ведь и на это уйдет время.

Что же? Гнать в Корону? Это означает терять паровоз, бросать его у Стены Призраков. Нет нужды говорить, что значил «Пегас» для Морриса. Его конь, кормилец, приятель.

Вызвали на совещание дядюшку Парижа. Может, они хотят разбежаться кто куда? Вопрос, конечно, дурацкий. Куда тут бежать? Дядюшка Париж сразу сказал, что Арш-Марион дождется своей участи вместе.

В нашем вагончике почти поровну мужчин, детей и женщин. Крепких парней человек восемь, оружия нет никакого, даже смит-вессон остался у Вольного Чарли. Так что о

сопротивлении думать не приходится. По меньшей мере полсотни оголтелых плантаторов выставят против нас каждый по два дула и два остря.

Дядюшка Париж спокоен. Похоже, он и не ожидал ничего хорошего. Хетти тоже спокойна. Белым мотыльком сидит она в нашей грязной будке и струит на Морриса героические волны.

Моррис тверд, глаза его горят. Потеря «Пегаса» с виду его не пугает. Да что потеря! Успеть бы добраться до Короны и уйти в горы, ноги бы унести!

Наверное, больше всех нервничаю я. Рушится вся затея. Мой расчет дал трещину в самом главном месте.

Есть еще слабая надежда, что «Страшилу» задержат в форте. На корейской линии другие хозяева. Здесь и стыка-то почти нет, единственный узелок с поворотной платформой, которая крутится раз в месяц. Компании не ладят. Грязного, неряшливого «Страшилу» могут помучить, прежде чем переведут на корейский путь. В том, что его все-таки переведут, никто не сомневался. Побег негров общее дело. Споры не для того, чтобы ими пользовались черномазые.

Решено. Все по местам. Дэн лезет в будку. Он поведет нас горными тропами через Каньон. Моррис дает красивый гудок и трогается к поворотной платформе. Еще минут двадцать уходит на объяснения и беготню по начальству коронской линии. Впрочем, какое начальство! Сейчас пятый час, главное начальство спит, среднее только просыпается. Маленькое начальство в лице толстенького дежурного пожимает Моррису руку и разрешает встать на «карусель».

Здесь, как и везде, Морриса знают. На обеих линиях, наверное, нет машиниста известней. Бестолковые, добродушные дороги Дикси-кантри! Вот уж нигде на Севере не покатаешься без расписания просто потому, что тебе пожал руку дежурный. Что ж, хоть в чем-то должна быть удача.

— Только до Атчисона, Моррис! — говорит дежурный. — Там не мое дело.

— Ладно. Спасибо, мистер Тиббетс, — говорит Моррис. Еще через полчаса мы гоним всюю на Атчисон. Утренний воздух растоплен нашими искрами и делается розовым. Блестящая тарелка солнца, играючись, катит за нами, срезая верхушки деревьев, обтесывая взгорки, заталкивая в будку оранжевые спицы.

Пошли сплошные подъемы да петли. Дорога здесь еще та. Был случай, когда кондуктора заднего вагона прибило взрывом паровозного бойлера. Это случилось на Дымной Петле, где большой товарняк изогнулся так, что локомотив встретился с хвостом поезда.

Хорошо, нет за нами состава. «Пегас» одолевал подъемы легко даже без «сахарка», хотя песочница наша полна до краев.

— Хетти, — сказал я, — может, тебе сойти?

— Зачем? — спрашивает она испуганно.

— Да просто так. Сойдешь в Атчисоне...

— Угля! — яростно кричит Моррис.

Ладно, бормочу про себя. Лезу в тендер. Неужели он не понимает, что Хетти не одолеть перевал? Может, понесет ее на руках? С нами столько детей, что руки у всех и так будут заняты. Представляю, как будет тяжело в горах. Моррис, должно быть, не знает. А я поскитался, знакомы мне эти прогулки по острым камням, по краешку над пропастью.

— Ничего, ребята, устроимся, — успокаивает Дэн.

С ходу проскакиваем Атчисон, чистенький городишко, пристроенный в уютной горной впадине. Впадина вся залита горячим оранжевым сиропом. Солнце заработало всюю.

Только бы успеть до начала утреннего движения, только бы миновать Корону. А то возьмут в тиски тихоходные товарняки. Но так и случилось. За Атчисоном кончилось наше маленькое везение.

Миль через десять после станции догнали здоровенную «баржу» вагонов на тридцать. Она еле ползла, и деть ее было некуда, хоть сталкивай под откос.

— Ну, все, — сказал Моррис. — Засели.

Машинист товарного высунулся по пояс из будки и рассматривал нас в немом изумлении. Моррис погрозил ему кулаком.

— По-моему, это Грант. У него самый паршивый кофейник. Четыре-два-ноль.

Мы пристраиваемся в хвост товарняку, я перебираюсь с «Пегаса» на крышу вагона и отправляюсь в далекое путешествие к будке машиниста Гранта.

Они поджидают меня с большим интересом.

— Хелло, мистер Грант. Привет вам от Морриса.

— Знаю Морриса, — отвечает тот. — Вы что, спятили? Откуда вы свалились?

— Пропустите нас вперед, мистер Грант, — говорю я. — Мы идем на красных вожжах.

Срочная секретная почта в Корону.

— Опять насчет отделения? Все вы там с ума посходили.

— Пропустите нас, мистер Грант. От этого зависит судьба всего штата.

Нажим на патриотические чувства его не тронул.

— Как же я вас пропущу?

— На первом разъезде.

— Тут нет ни одного разъезда до самого Чилокчо.

— Как нет? А на тридцать первой миле?

— Там сняли рельсы, меняют шпалы.

— Какая же у вас скорость?

— Да миль пятнадцать, парень.

— Значит, в Чилокчо вы будете...

— Часа через полтора.

Я просто похолодел. Значит, еще час потери. И это при том, что «Страшила» уже, наверное, катит к форту.

— А если мы вас подтолкнем?

— Да толкайте. Больше двадцати миль не выжмем. Да и куда вам толкать с таким красавчиком? Вся пудра слетит.

С чем можно сравнить эту адскую пытку? Как будто тебя медленно поджаривают на сковороде. Плетемся за «баржей», поджимаем ее, как можем, а сами оглядываемся назад. Шея уже болит. Неприятный зуд в позвоночнике, А ну как покажется из-за поворота «Страшила»? Тогда конец. Самый настоящий конец. Деться некуда. Слева гора, справа гора, мы тащимся посередине.

— Ничего, — говорит Моррис. — Пока они сгоняют за рельсами, пока то да се...

Дэн уже в курсе дела, он сразу осаживает Морриса.

— Им нечего гонять за рельсами, старина. Это уж поверь. Я знаю. Рельсы при них.

— Как так? — спрашиваю я.

— Думаешь, вы первые сбежали на паровозе? Видел я такие гонки. Кто удирает, снимает рельсы, кто гонится, запасается ими заранее.

— Не догадаются! — говорит Моррис. Догадаются, не догадаются, разве можно на это рассчитывать? Что-то надо придумывать.

— Будем палить мост, — говорит Дэн.

Моррис задумывается. Мосты здесь все деревянные, можно поджечь любой. Но, вижу, Моррису это не по душе. В нем еще дремлет собрат всех рельсовиков. Конечно, сжигать мосты нехорошо. Но что делать? Мы уже разобрали путь и тем объявили войну железной дороге.

Через тендер к нам пробираются дядюшка Париж, Кардинал и молодой башмачник Е-Е. Они вежливо заглядывают в будку, на лицах волнение. Дядюшка Париж говорит, вернее, почти кричит:

— Я так понимаю, Майк, плохи наши дела? Моррис морщится. Ему не нравится, что негры лезут в будку, да еще не к нему обращаются.

— Почему плохи? — говорю я. — Просто кое-что изменилось. Придется идти в Альбертвилл пешком.

— Так-так... — Дядюшка Париж ласково смотрит на Хетти. — Как бы наша миленькая мисс не запачкалась, уж больно у вас здорово, мистер Моррис. Я говорю, все такое черное, что хочется потрогать.

— Ну и потрогай, — говорит Моррис.

— А может, миленькая мисс пойдет к нам? Я бы рассказал ей сказку.

— Не до сказок теперь, — отвечает Моррис. — А Хетти как хочет. Здесь ее силой не

держат.

Но Хетти остается с нами. Моррис обернулся и посмотрел на нее с неожиданной нежностью.

Эх, сказка, сказка...

Кто с кем на свете не расстается? Лист расстается с деревом. Закат расстается с небом. Лето расстается с теплом. Мама расстается с сыном. Хозяин расстается с деньгами. Кто ни с кем не расставался, тот с кем-то расстанется. Хорошее ли дело расставание? А ничего плохого.

Мальчик Моррис, чумазый машинист, сказал:

— Похоже, что трудно мне расстаться с девочкой Хетти.

Хромоножка девочка Хетти сказала:

— Похоже, что трудно расстаться мне с мальчиком Моррисом.

А мистер Филин, тот посмеялся:

— Ну, так и быть вам вместе до гроба.

Вот вам и сказка, сказочка...

Тащимся еле-еле к Чилокчо. И погода, смотрю, поскучнела. Искры из трубы не сыплют, с солнцем не играют в мигалки. Тут и солнце захандрило. Залезло сначала в дымку, а потом и вовсе пропало. Небо спустилось пониже, и дождь закрапал. Месяц его не было, этого дождя. Вот чудо-то из чудес. Уж не нас ли начинают оплакивать ангелы?

Я сообщил Моррису эту мысль. Тот сплюнул в окошко. Потом застеснялся Хетти, выпрыгнул из будки, пробежал рядом с «Пегасом». А там и вовсе пешком пошел. Подъем начался, забуксовал проклятый кофейник Гранта. Нет, видно, гибель наша близка. Хоть бы лопнула кишка в черном пузе «Страшилы»!

— Хетти, — сказал я, — мой совет: выходи в Чилокчо. Вернешься домой на пассажирском, никто и не узнает, что с нами была.

— А я записку оставила, — говорит она.

— Какую записку?

— Что с Моррисом уезжаю.

— Да ты что? — кричу.

Вот, значит, почему так рано хватились. Видно, Мари записку увидела, показала генералу. Тот на станцию, а там Кузнечик все рассказал. Должно быть, рассмотрел черных в вагоне. Или унюхал. Всегда он хвалился, что нос у него как у собаки.

— Хетти, — говорю, — сходи в Чилокчо.

Тут Моррис прыгает в будку. На глазах Хетти слезы. Моррис ко мне, да чуть не в драку. Руки трясутся, губы прыгают.

— Не трогай ее! Она со мной. Не трогай!

Сумасшедшие. Но вот Чилокчо. Неужто дотянем? Вырвемся из бутылки с пробкой в виде товарняка? Вырвались. Товарный отвалил на второй путь. Мы придержали «Пегаса», вернули стрелку на место и, не спрашивая никого, прошли насквозь зону станции. Но если бы одни!

С утробным ревом, качаясь на стрелках, похожий на громадного паука, выпрыгнул из кизиловой роши «Страшила». Мы набирали ход, а он сокращал разделявшие нас футы. Моррис плавно открыл регулятор, и мрачная усмешка покривила его губы. Быть может, он сказал себе: «Попробуй догони, Кузнечик».

Глава 32: Тут побеждает один

Есть гонки, где можно прийти грудь в грудь и разделить первый приз. Даже на реке можно вровень достичь пристани. Но в нашей гонке победит один.

От Чилокчо и началось. Между нами было не больше пятисот футов, они даже пальнули раза два. Но с каждым оборотом колес мы увеличивали разрыв. Впрочем, что можно выиграть на оставшихся милях? Допустим, «Пегас» выжмет все шестьдесят, «Страшила» — не меньше сорока пяти. Это значит, у Стены Призраков мы окажемся минут на десять раньше. И выгрузиться толком не хватит, не то что уйти в горы. Да и трудно надеяться, что до самого Каньона нам откроют семафоры.

— Рельсы бросайте! — кричит Моррис.

Дэн лезет через тендер в вагончик, и скоро оттуда через заднюю дверь на путь начинают лететь шпалы, прихваченные с Дровяного полустанка. Они бросают их неумело. Шпалы подпрыгивают и скатываются под откос. Какая-то застревает между рельсами, но это не помеха «Страшиле». Надо, чтобы преграда легла поперек, да и то это лишь слегка пригасит его скорость. Кузнечик Джеф умелый машинист, видел он и не такие завалы.

Проходит несколько минут, и на рельсы грохается целое сооружение, рельсы и шпалы, связанные в виде каракатицы. Это уже получше. Преследователи отвечают залпом из ружей. Но куда там попасть! Даже посвиста пуль не слышно.

Придется «Страшиле» поскрести носом землю. Он замедляет ход, останавливается, мы теряем его из виду, потому что входим в поворот. Только бы не уткнуться в новую «баржу», только бы проскочить Желтый Сад!

Появляется распаленный Дэн.

— Как мы его? Моррис, успеем сжечь мост?

— Не знаю, — цедит тот сквозь зубы.

— Сколько выигрываем?

— Миллю-полторы.

Сзади нас отчаянным басом орет «Страшила». Орет и орет. Так же он будет орать на подходе к Желтому Саду, надеясь, что кто-нибудь с перепугу закроет нам путь.

— Втравили ребят, — говорит Моррис.

— Что?

— Втравили! — кричит он.

Кого втравили? Ах, негров. Арш-Марион. Да, видно, несладко им сейчас.

Внезапно Моррис закрывает регулятор, дает контрпар. Мы резко тормозим. Что такое?

— Давай кувалду! — кричит Моррис.

Перед нами маленький полустанок. Моррис выскакивает с тяжелой кувалдой, бежит назад к стрелке, переводит ее и начинает остервенело лупить кувалдой по рычагам. Я сразу понимаю: хочет загнать «Страшилу» на запасной и заклинить стрелку.

Он бьет кувалдой, а я держу руку на регуляторе. Когда он вскакивает в будку, даю пар. Срываемся с места, если так можно сказать о резком толчке машины.

Пошли. Где там «Страшила»? Да вот он. Страшно коптит небо, несется. Уходим, уходим. Он приближается, там радостно вопят и вдруг, к своему удивлению, рывком отбрасываются в сторону, на запасной путь. Попались, голубчики!

— Догони! — кричит Моррис, высунувшись из будки. Вот где мы выиграем не миллю и не две, а может, все пять. С этой минуты начинает везти. Проскакиваем Желтый Сад и видим, как сразу за нами главный путь занимает маневровый. Еще подарочек!

— Давай мост! — кричит Дэн.

Моррис соображает. Миль через пять после Желтого Сада грохочем по маленькому мосту и останавливаемся. Если успеем сжечь мост, победа в кармане. На дорожку мы запаслись соломой и керосином.

— Эх, пороху бы кварту-другую! — говорит Дэн. Выскакиваем. Начинаем бестолково обкладывать деревянные стойки соломой и поливать керосином. Дэн суетится, перетаскивает солому с места на место.

Дождь моросит. Дерево мокрое, какое-то задубелое до черноты, чем-то пропитанное. Громадные скобы стягивают мудреную конструкцию моста.

— Зажигай! — кричит Дэн тоном заправского фейерверкера.

Зажигаем. Солома весело вспыхивает. Бежим к «Пегасу». Негры радостно потирают руки. Ждем, когда разгорится. Надо же убедиться, что мосту конец.

Полыхает всюю. Мы ждем. С той стороны яростный рев «Страшилы» извещает, что он выпутался из объятий полустанка. Что ни говори, а противник идет хорошо.

Мы отъезжаем подальше и смотрим. «Страшила» тормозит. Но что-то огня стало поменьше, только дым всюю.

— Надо сматываться, — нервно говорит Моррис. Мы набираем ход и вдруг видим, что доблестный «Страшила» медленно двинулся на горящий мост.

— Ах, черт! — восклицает Моррис.

Видно, что вся толпа осталась на том берегу. Только один паровоз в клубах дыма и угасающем пламени ползет по мосту.

— Гаснет! — кричит Дэн.

Больше наблюдать некогда. Даем деру, Ай да герой Кузнечик! Быстрее, быстрее! Пока переползет «Страшила», пока переберутся плантаторы, успеем немного оторваться. Но ясно, что затея с мостом не получилась.

Здесь началась «пика», и Моррис выжал не меньше семидесяти миль. Вот где «Пегас» показал, на что он способен. Мы шли, что называется, «собачьим галопом», той бешеной скоростью, когда машину, а особенно вагоны, резко мотает из стороны в сторону и кажется, вот-вот вылетишь из колеи.

С мостом не вышло, что еще? Больше ничего нет в запасе. Вся надежда на судьбу и на «Пегаса». А он гнал вперед всей восьмеркой колес, и, если бы смог оторваться от земли, он взмыл бы над Красным Каньоном и плавно перенес нас в Альбертвилл. Да нет, почему в Альбертвилл? Над всей Америкой, над всей Америкой пролетели бы мы с легким вагончиком, и изумленные северяне, пыхая сигарами и сплевывая, спросили бы друг у друга, что за компания возит по воздуху.

О Пегас! Зачем отливать твое имя на медной табличке, зачем преобразать ноги в колеса, а крылья в фонтаны пара? Я все равно узнаю тебя, белый конь сына Золотого Дождя. Когда ты вознесся на гору Геликон и ударил звонким копытом, зажурчал чистый ручей, и поэты черпали оттуда свое вдохновение. Когда я увидел твое имя на медной табличке, в моей голове брызнула родниковая струя. Я почувствовал озарение, я взглянул на звезды и понял, что наша жизнь тоже легенда. Неужто эту легенду растопчут сейчас черные катки «Страшилы»? Неужто пьяные плантаторы наведут на нас ружья и огненный залп вдребезги разнесет хрупкое тело нашей мечты?..

Я в отчаянии. Что делать, что делать? Скоро Корона, и если не удастся получить в запас несколько минут, то «Страшила» достанет нас уже на станции. Корону никак не пройдешь с ходу, потому что она всегда забита составами.

Я вижу, что Моррис усиленно думает. Жилка набухла на лбу. Пульсирует, пульсирует, вот-вот выпрыгнет голубой птичкой.

— Скидывай уголь к топке! — внезапно говорит он. — Всех черных на «Пегаса»!

— Зачем?

— Запалим и отцепим вагончик! Вот оно что! Смелая мысль. Отсечь «Страшилу» горящим вагончиком.

— Но все не уместятся, Моррис!

— Давай уголь, — повторяет он. — Женщин с детьми вперед, парней в тендер.

Справа и слева от бойлера есть узкие мостики с поручнями. Значит, женщин туда. Боже, как они там пристроятся, да еще с детишками! Но я понимаю, почему тендер мужчинам. «Страшила» может подойти на ружейный выстрел, тендер попадет под обстрел.

— Дело! — кричит Дэн. Этот любит горячку.

Да, но как мы пройдем Корону, облепленные людьми, как соты пчелами? Но рассуждать некогда. Лезу в тендер и перекидываю уголь, стараясь освободить побольше места. Дэн в это время неумело управляет топку. Огонь притухает, Моррис отталкивает Дэна, хватая лопату сам.

Начинаем великое переселение. Тоже нелегкое дело. На полном ходу перелезть из вагончика в тендер. Выстраиваем цепочку из самых крепких и ловких, они потихоньку переправляют Арш-Марион на новое место. Бедные черные! До чего они покорны, ко всему привыкли.

Самых маленьких распахиваем по бокам в будке. Хетти держит на коленях двоих. Женщины, замирая от страха, прижимаются к горячему телу «Пегаса». Между ними и несущейся землей только разболтанный тонкий поручень.

Тем временем Дэн сеет оставшийся керосин по вагончику. Прощай, наш верный дружок! До свидания, «голубая гостиная», тыквенные плашки и вся наша утварь. Прощайте, сны, которые я оставил в вагончике. Сейчас опалят вам крылышки. Только самодельной карте дороги мы сохраняем жизнь. Впрочем, зачем? Скоро попрощаемся и с дорогой, и с нашим

верным «Пегасом».

Начался большой хайландерский подъем. На этом подъеме мы и должны отцепить горящий вагончик. Он потеряет скорость, покатится назад под уклон и, дай бог, крепко впечатает «Страшиле». Хайландерский подъем неприятная штука. Тут Моррису труднее, чем Кузнечику Джефу, у «Страшилы» тяга мощнее. Но куда ему деться от набегающего вагончика?

Наш тонкий расчет сбила неожиданность.

— Буксы горят! — кричит Моррис.

Действительно, снизу тянет неприятной гарью. Проклятье! Соскакиваю на ходу, бегу рядом с пыхтящим «Пегасом». Подъем так крут, что скорость совсем маленькая. Точно! Горит букса ведущей пары. Надо останавливаться, масло не выдержало бешеного вращения.

Тормозим. Возимся с буксой. Одновременно размыкаем сцепку и поджигаем вагончик. Надо бы втащить его повыше и оттуда спустить, плохо пришлось бы «Страшиле». Но теперь некогда, «Страшила», должно быть, недалеко.

Вагончик вспыхнул на редкость охотно, не то что мост. Сухое легкое дерево, керосин, чего еще надо? Давай, давай, приятель! Запечатлей на физиономии «Страшилы» огненный поцелуй.

Только вот успеет ли разогнаться? Тронулся еле-еле, пополз потихоньку. Надо было толкнуть его посильнее «Пегасом». Не догадались. Да где тут! Горячка и спешка, за всем не уследишь.

Арш-Марион тем временем устроился поуютнее. Кто-то сел верхом на капот у трубы, кто-то на передние буфера, кто-то на задние. Один человек оседлал песочницу, а двое легли сверху на будку. Некоторые женщины перебрались со смотровой площадки в тендер, от бегущей земли у них кружилась голова. Мы выкопали в угле порядочную яму, и теперь можно прятаться за бортом тендера.

И все-таки «Пегас» имел чересчур живописный вид. Трудно представить, что нас пропустит Корона, если не удастся проскочить ее с ходу.

— Мамми, — пищит черномазый малыш, — я уже не хосю катаюсь.

Она молча прижимает его к себе и гладит. Перед самой Коронай Моррис внезапно говорит:

— Хетти, тебе нужно остаться.

— Где? — спрашивает она испуганно.

— Тут, — говорит он, — в Короне. Хетти, понимаешь... — Лицо его кривится. — Если бы на пароходе, а то ведь... Там очень высоко, в горах.

— Я дойду, Моррис!

— Хетти...

Понимаю, чего ему это стоило. Вцепился рукой в регулятор, так что посинела рука. Я качаю воду, подбрасываю уголь, а сам посматриваю исподтишка на Морриса. Он должен ее уговорить! Мы не вправе губить Хетти.

Пошли предместья Короны. Корона — вечный соперник Гедоне, город красивых сосновых домов с резными фигурами, город огромных каньонских сосен, красных глиняных обрывов, горнорудных фабрик, табачных плантаций и хрустальных ключей.

Корейский вокзал посolidней, чем в Гедоне. В два этажа с готическими башенками по бокам. Занят ли первый путь? Конечно. Но не товарным, не пассажирским, а всего-то маленькой паровой дрезиной. Но и через такую букашку не перескочишь.

Что делает Моррис? Подкатывает мягко к дрезине и берет ее на буфера. В кабине дрезины нет никого, и платформа пуста. Это нам на руку. Толкаем дрезину вперед, за черту станции. Еще несколько минут на то, чтобы спихнуть ее на запасной путь.

Тут обнаруживают пропажу. Проспали, разини! Вставайте, уже половина седьмого. Выскакивают несколько человек, бегут за нами, машут руками. Но новое зрелище заставляет их остановиться.

Какой-то лохматый, дымящийся черный клубок вкатывает на станцию. «Страшила» гонит перед собой полупотушенный вагончик! Ну и дела! Просто, хоть и рискованно, решили они нашу задачку. Значит, не успел разогнаться вагончик, они взяли его на буфера так же, как мы дрезину.

Это, конечно, опасно. Пламя могло достать «Страшилу» и запалить масло. А, ведь у «Страшилы» есть помпа! Должно быть, заливали огонь на ходу.

Так или иначе, снова они на хвосте. Конечно, с вагончиком за нами не пойдут, сбросят его в Короне, но много ли от этого легче? Впереди тупик. Еще десять миль, и крышка.

— Хетти, выходи! — остервенело кричит Моррис.

— Нет! — Она вцепилась в него обеими руками, не оторвешь.

— А! — отчаянно машет рукой, дергает регулятор. Вот вам картина. С грохотом мчится обвешанный людьми паровоз. И вдруг в этом грохоте проступает нестройная песня. Она все ладней и громче. Это негры, невесть как сумев настроиться хором, распевают навстречу ветру:

Отец, дорогу укажи,
отец, дорогу укажи туда,
где счастлив буду я,
в благословенные края!

Глаза Морриса горят. На лице появляется вдохновение.

— Что будем делать? — кричу я ему.

— А что делать? — почти спокойно отвечает он.

— Сколько миль до тупика?

— Почему тупика? — говорит он. — Это еще неизвестно.

Что он хочет сказать? Неужели все? Такой нелепый конец.

— Сколько миль до «дырки»?

— До «дырки» десять, а до Декейтера все пятьдесят.

Неужто верит, что сумеем затеряться в горах? Впрочем, вдвоем-втроем, конечно. А остальные? А Хетти?

— Где будем выгружаться? — кричу я.

— На месте!

— Где?

— В Декейтере!

Не время для шуток.

— Что ты хочешь сказать?

— Пройдем гору насквозь!

— Что ты сказал?

— Пройдем гору насквозь! — повторяет он, оборачиваясь ко мне. — А почему бы и нет?

Прошьем ее, как Белый Дымок! — В глазах Морриса почти безумный огонь.

— Ты что, свихнулся? Там же тупик!

— А мы прошьем гору насквозь! — кричит он пронзительным голосом. Негры поют:

Благословенные края, благословенные края!

— Ты спятил, Моррис!

— Как Белый Дымок! — повторяет он.

— Разобьемся в лепешку!

— Пусть!

— Э, ребята, так не пойдет! — кричит Дэн. — Так не пойдет!

Веди быстрее, колея,
веди быстрее, колея,
туда, где счастлив буду я,
туда, где счастлив буду я!

— Полегче, полегче, ребята! — кричит Дэн.

— Моррис, Моррис, куда мы едем? — кричит Хетти. Все кричат. Внезапно меня осеняет.

Почти безумная надежда. Прошить гору насквозь! Пятьдесят миль до Декейтера!

Как Белый Дымок, как Белый Дымок, как Белый Дымок! Жар бьет в лицо из топки. Голова раскалена и тяжела, как чугунный шар. Горит грудь, и сердце готово разорваться. О, Пегас, ну что тебе стоит! О, Белый Дымок, возьмитесь вместе...

— Угля! — кричит Моррис.

Бросаю последнюю лопату и лезу в тендер. Бестолково сгребаю уголь к будке, спотыкаюсь, падаю на колени. Темнеет в голове. Ну где же вы все, где вы? Или жизнь проста и уныла? Нет легкого коня с белыми крыльями, нет паровоза с фонтаном дыма, рвущимся из трубы. Вот надвигается черный зев туннеля, он мрачен и холоден, там вечная ночь. Оттуда нет выхода, гора навалилась неуклюжим телом. Она нас раздавит, сплющит наши тела и навсегда погребет, как в могиле. Черная ночь, черная ночь, она приближается, она обволакивает холодом, сыростью, запахом камня. Еще несколько футов в гремящем мраке, и толща гранита встретит нас, даже не шелохнувшись. О, где вы, где вы, те, кто спасают? Я верю, вы не оставите нас! Откройте, откройте нам путь! Сдвиньте каменную громаду! Она надвигается, надвигается. Сейчас будет удар. Но нет. Его нет, его нет...

Глава 33: Те, кто спасают

...Нет удара. Внезапно волшебная картина. Гора освещается изнутри голубоватым, постепенно теплеющим светом. Вот он уже хрустальный, и видно, как под округлым, бесконечно уходящим вдаль сводом почти бесшумно мчится наш паровоз, увешанный людьми. Под ним две блестящие стежки рельсов из невиданного металла, а вместо шпал розовый гранитный монолит.

Плавно, слегка качаясь, несется «Пегас», и, замороженные, мы вертим головами. Туннель расширяется, и вот уже по просторным высоким залам лежит наш стремительный путь. Сначала сияет белый ослепительный мрамор, волнами ходят по нему все оттенки, проступают контуры невиданных деревьев. Мрамор сменяет гранит, весь в золотых прожилках, свитых в орнаменты и узоры. Аркады тяжелого черного Лабрадора переходят в зеленоватое свечение коринфского камня. Начинаются палаты розового туфа с колоннами из темной мерцающей яшмы, переходы из нежно-голубого лазурита, квадратные залы с полами, похожими на шахматные доски.

Сколько продолжается это волшебное путешествие под громадой Красного Каньона? Не знаю. Никто не знает. Все онемели. Наши сердца поражены.

Внезапно особенно яркое сияние вдали. Оно предвещает дневной свет. Оно трепетное, слегка сиреневое. Еще мгновение, и мы вырываемся в долину. Какой-то теплый и размягченный свет. Краски природы нежны, как после июньского ливня. Нас окружают лиловые контуры гор, белая пена цветения, и тонкий, пронзительный аромат, похожий на аромат сухого вереска, забирается в ноздри.

Дорога вьется среди аккуратных зеленых склонов. Вдали вырастает белое здание станции. Красная черепичная крыша, золотистый дымок над ней, и длинная рука семафора поднята вверх, путь открыт. Что это? Декейтер?

Подкатываем плавно к перрону. Он пуст, и только маячит на нем яркое платье, и только букет белых роз закрывает лицо одинокой встречающей. Но вот она подбрасывает розы вверх, и они разлетаются белоснежным фонтаном. Руки воздеты, на губах радостная улыбка, сияют глаза, она что-то кричит, бежит к нам навстречу. Мари! О, Мари...

Как ты здесь оказалась, Мари? Какая сила перебросила тебя через теснины Каньона? Как ты узнала, что в эти минуты «Пегас» примчит к перрону? Ведь у него нет расписания. Мы шли без расписания, Мари.

Я выскакиваю, бегу. Я так быстро бегу к ней, что успеваю подхватить падающую розу. Она влажная, фарфорово-упругая и в то же время мягкая, пахучая. Это белая роза чероки из сада Бланшаров. Я говорю...

— Старина! Что с тобой, старина!..

Рассасывается перед глазами влажная пелена. Я на коленях в тендере несущегося «Пегаса». Бьет в лицо тяжелый ветер. Меня трясет Дэн.

— Что с тобой, старина? Ты окаменел, как статуя. Что с тобой?

Он хватает меня за плечи, трясет.

— Что с тобой? Старина, у тебя вид как у покойника!

Я бормочу:

— Где мы?

— Где? Да у самой стены. Давай поднимайся. Ты чуть не упал в обморок, глаза стеклянные. Давай поднимайся, сейчас двигаем в горы.

А... Я все там же. Туннель перед нами. И нет никакого прохода. Нет светлых мраморных залов, нет горной долины и нет Мари...

— Старина, просыпайся. Мы уже рядом. Надо скакать на всех четырех.

Перебираюсь в будку. В это время Моррис резко осаживает «Пегаса» контрпаром. Механически кручу баранку тормоза. Мы останавливаемся перед самой «дыркой», подковообразным туннелем футов тридцать в высоту.

Вот, значит, как. Нет никакого прохода.

Задираю голову. Это и есть Стена Призраков. Высоченный буро-красный отвес с прослойками висячего кустарника и яркими надломами белого и желтого песчаника.

Слева и справа крутые, поросшие кизилом склоны. Деревья висят на них, как акробаты на трапеции. А дальше, выше и выше величественные нагромождения Красного Каньона. Негры, галдя, покидают свои места. «Пегас» осыпается, как осеннее дерево. Что же теперь будет?

— Дэн, Майк, — говорит Моррис, — уводите людей, а я поговорю со «Страшилой».

— Слезай, слезай, старина! — торопит Дэн. Он уже на земле. — Я знаю тут одно местечко. Если разбиться на несколько групп, кто-то сможет уйти.

— Майк, — говорит Моррис. Он очень бледный, волосы совершенно мокрые, и рубашка мокрая, хоть выжимай. — Майк, помоги Хетти, а я поговорю со «Страшилой».

— Какой, к черту, разговор? Слезай! — кричу я.

— Я поговорю со «Страшилой», — твердит он. — А вы помогите Хетти. — Его рука уже на реверсе.

— Моррис, не дури! — кричит Дэн.

— Моррис! — говорю я.

— Если я не поговорю со «Страшилой», вам не уйти, — повторяет он.

— А тебе?

— Ничего мне не будет. Я поговорю со «Страшилой». Его надо перехватить миль за пять отсюда, иначе крышка. Негры уже гуськом поднимаются по тропе.

— Быстрее, быстрее! — кричит Моррис. — Майк, забирай Хетти!

— У нее нет палки, — бормочу я.

— Вылезайте из будки! — кричит он.

— Я никуда не пойду, — дрожащим голосом говорит Хетти. — Я с тобой, Моррис.

— Что-о? — Лицо его искажается. — Пошли, пошли отсюда! — кричит он с внезапной грубостью. — Это мой паровоз! Вон отсюда, вон!

Хетти плачет.

— Моррис, я никуда не пойду. — Она плачет навзрыд. — Я просто не смогу идти. Я не хочу идти, Моррис!

— Они тебя понесут!

— Но как же они меня понесут, Моррис? Тогда и их поймают. Я не хочу, Моррис. Я не могу, я с тобой!

— А я с тобой не могу! Мне надо поговорить со «Страшилой»! Майк, вылезайте! Всех погубите, вылезайте!

Он переводит реверс на задний ход, берется за рычаг регулятора.

Низкий рев «Страшилы» рассыпается эхом в горах Каньона.

— Слышите? Он уже близко! Уходите, уходите, прошу вас!

Внезапно он обнимает Хетти, прижимается грязной щекой к белому платью, бормочет:

— Хетти, ну, миленькая, иди с Майком. Он тебе поможет. Хетти, прощай, миленькая. Даже если останешься тут, тебе ничего не будет. Скажешь, что мы увезли тебя силой.

— Я записку оставила, — плачет она.

— Хетти, ну ладно. Хетти, прощай. Жди меня там, за Каньоном. Мы ведь их всех втравили. Что же, теперь так и бросить? Надо помочь. Я поговорю со «Страшилой», я только задержу его.

— Как ты его задержишь? — спрашиваю я.

— Да просто перехвачу миль за пять. Еще успею. Не перескочит же он через меня. Просто закрою дорогу.

— Они выкинут тебя из будки и погонят «Пегас» обратно.

— Черта с два! Я заклиню реверс.

— Не успеешь.

— Они тебя повесят, Моррис! — кричит Хетти.

— Черта с два! — твердит Моррис.

— Нет, нет, не хочу! — кричит она. — Я с тобой! Они не посмеют! Я скажу дедушке! Они не посмеют при мне! Я никуда не уйду, Моррис!

— Я тоже не пойду, — говорю я.

— Да вы сумасшедшие! — кричит он. — Спятели!

— Давай, Моррис, — говорю я, — вместе так уж вместе.

— Что вместе? Пошли вон!

— Нет! — говорю я.

— А!.. — Он тянет рычаг. — Ладно...

«Пегас» трогается с места.

— Через милю я тормозну, и чтоб духу здесь вашего не было, — говорит он. — Возвращайтесь горами в Корону. Оттуда до форта и пароходом в Альбертвилл. Там меня ждите.

— А почему не вместе? — говорю я.

— Да как же вместе! — кричит он. — Мили запаса для Дэна не хватит!

— Но и пять миль... — начинаю я и замолкаю. Что такое пять миль для здоровенных, откормленных плантаторов? К концу дня они все равно достигнут неповоротливый Арш-Марион с его стариками, детьми и женщинами. Вот что я хотел сказать, но промолчал. Внезапно меня осеняет.

— Моррис! Пустим «Пегаса» своим ходом, а сами в горы!

Он поворачивает ко мне бледное, искривленное какой-то судорогой лицо.

— Умник! Без тебя не знаю! — кивает на трубку манометра.

Я все понимаю. Если притормозить и бросить «Пегаса» за несколько миль до «Страшилы», не хватит пара. Ведь здесь небольшой подъем. А кроме того, кто заклинит реверс? Нет, один должен остаться в будке.

Мы уже набрали порядочный ход. Подкидываю в топку уголь.

— Не слишком, не слишком, Моррис! — кричу изо всех сил.

А он свое. Хочет перехватить «Страшилу» пораньше и потому вовсю гонит «Пегаса». Правда, идем не больше сорока миль. Дорога здесь круто петляет, видимость вперед не больше, чем на триста-четыреста футов. Но опасно, опасно! Короткие отрезки, да еще двойное сближение...

Внезапно рев «Страшилы» где-то совсем недалеко.

— Сейчас придержу, — хладнокровно говорит Моррис. — Майк, Хетти, готовьтесь.

Сбавляет мало-помалу ход.

— Давай на подножку!

— Вместе прыгнем, Моррис! — говорю я.

— Управлюсь с реверсом, тогда и я за вами, — отвечает он.

— Я никуда не пойду, Моррис! — кричит Хетти.

— Прыгайте!

«Пегас» на малом ходу. Если прыгать, то сейчас. Но что-то удерживает меня. Хетти уцепилась за тормозную баранку. Моррис тащит ее. Короткая борьба.

— Майк, помоги!

Вместе с Моррисом пытаюсь оторвать Хетти от тормоза. Какое там! Вцепилась мертвой хваткой.

— Прыгайте! — дико кричит он. Рука уже на регуляторе. «Пегас» на дуге поворота, и — страшная картина. С другого конца дуги из-под навеса висячих деревьев на полном ходу вырывается черный лохматый «Страшила». Несколько сот футов между нами.

— Тормози!

— Поздно!

Его рука вспархивает и тянет за ручку гудка. Звонкий клич «Пегаса» рассекает испуганный вой «Страшилы».

— Прыгайте! — он пытается вытолкнуть Хетти из будки, но та обхватывает его обеими руками.

— Прыгай, Майк!

Краем глаза вижу, как со «Страшилы» в нелепом парении разлетаются те, кто преследовал нас. Они пытаются спастись. Но у полотна здесь сплошные камни.

— Прыгай!

Внезапно он изловчился, кинулся ко мне и сильно толкнул. Раскинув руки, я вылетел спиной из будки, но успел ухватиться за поручень. Я ухватился одной рукой и несколько мгновений висел, пока поручень медленно выскользнул из мокрой ладони.

И в эти мгновения я видел, как Моррис одной рукой до отказа открыл регулятор, другой прижал к себе Хетти. Так они застыли, обнявшись. Она в белом платье, тоненькая. Он перепачканный сажей, углем. Они застыли, обнявшись. Их объятие было вечно. А длилось оно секунду-другую.

Потом я выпустил скользкий поручень и распластался в полете. И широкая, разлапистая ветка каньонской сосны мягко меня подхватила, спасая от смерти. Сосновый лес не хотел моей гибели. Он еще не все знал про Морриса с Хетти. И он принял меня в купель пахучей хвои, чтобы поведать всем историю их любви.

Еще я успел услышать страшный грохот. В небо взметнулся столб дыма и пламени. И мне показалось, что из этого пламени гордо выплыл белый скакун и легким перебором копыт, взмахом коротких могучих крыльев вознес себя в небо. Белесое, хмурое небо, такое непривычное для здешнего жаркого лета.

Глава 34: Годы прошли

Давно это было, ох как давно.

Теперь мне уже не пятнадцать. Да, совсем не пятнадцать.

Часто я сижу вечерами на веранде своего маленького дома и смотрю на закат. Я люблю закаты. Осенние, зимние, весенние, летние. В каждом есть свои краски, каждый рассказывает о своем.

Вот так я сижу и жду. Закаты так же, как люди, все разные. Многие закаты я помню, как лица знакомых. Например, тот закат, когда я пришел впервые к Бланшарам. Он был темно-желтый, а небо над головой фиолетовое. Да, я хорошо это помню.

Или закат в тот последний вечер. На западе перекрещивались золотые и красные стрелы. Все кругом было красное. Он до сих пор еще светится в моих глазах, этот закат.

Чего я достиг в жизни? Не очень многого. И так сказать, я ничего не достиг, но ведь ничего мне и не было нужно.

С двенадцати лет я бродяжничал. И если вспомнить то, что было, когда я встретился с Моррисом, то ведь так оно шло и дальше. Всю жизнь я бродил и что-то искал, искал. Нет, упаси меня боже, я не хотел копить деньги, покупать свиней и сажать капусту. Ведь это делали все другие. Не знаю, кто уж мне вбил это в голову, но больше всего я любил таинственные вещи.

Взять ту же историю с Пегасом. Или с Белым Дымком. Я хоть и спорил со многими, но тайно верил, что все это правда. Во мне всегда сидела особая пружина, и эта пружина толкала к необычным поступкам.

Кто, например, заставил меня сбежать из дома богатого дядюшки и все детство, а потом и юность провести на опасных дорогах Америки?

В доме дядюшки ко мне относились совсем не плохо. Я попал туда малолеткой, когда, заразившись тифом, умерли мать и отец. Дядюшка дал мне хорошее воспитание. Приставил ко мне гувернера, учил языкам, музыке, танцам и надеялся, что я сменю его у конторки торговой фирмы.

Но ничего такого из меня не вышло.

Другой бы на моем месте, даже сбежав, хвастался иногда, что у него есть богатый

дядюшка. Но я это скрывал. Дядюшка дал объявление в газетах и назначил несколько тысяч долларов награды тому, кто поможет меня отыскать. Он описал все мои приметы и добавил, что я хорошо говорю по-французски, а кроме того, играю на нескольких инструментах.

Вот почему я тайлся. Только иногда не мог сдержаться и до сих пор еще помню, как удивил Мари игрой на флейте.

На все, что случилось со мной в Гедеоне, я смотрю теперь, как в подзорную трубу. Все это далеко-далеко. Правда, нет-нет да и сжимается сердце. Быть может, Гедеон — лучшая страница в моей жизни.

Когда Моррис вытолкнул меня из будки, я упал на ветку сосны. Плавно так меня качнуло. Я даже сознание не потерял. Взрывом «Пегаса» и «Страшилы» меня шибануло куда крепче.

Но и тут я остался цел. Встал на ноги и вернулся к тропе. Через несколько часов я настиг Дэна с неграми, и еще через два дня мы перевалили Красный Каньон, и тут нас ждали парни с «подземки».

Вот так и было. Все газеты Юга судачили о случае в Красном Каньоне. Но скоро началась война. Север победил Юг, рабство исчезло с земли Черной Розы.

А что же я? Все так же бродяжничал. Там же на Юге я решил записывать истории, которые негры рассказывают вечерами. Я помнил некоторые сказки дядюшки Парижа, а еще много сказок мне рассказали другие.

Все эти мистеры Лисы и мистеры Кролики, мистеры Филины и Козодои, кукурузные мальчишки и табачные бродяжки — все они стали моими лучшими друзьями.

Я написал про них несколько книжек и некоторые издал. На это и жил. Но по правде сказать, мог бы обойтись и без денег за книжки. Много ли мне надо? Всегда найдется хозяин, у которого можно подработать.

Вечерами я сидел и разговаривал со своими друзьями. Если бы кто послушал, решил бы, что я сумасшедший. Действительно, сидит человек и вслух отвечает: «Да, да, мистер Кролик». Или: «Нет, вы не правы, мистер Лис».

Но я-то знаю, с кем говорю. Они не забывают меня. Нет, не забывают. Мистер Лис совсем постарел, вся голова седая. Но он такой же глупый и чванливый, а мистер Кролик все надувает его.

Мистер Кролик отпустил брюшко и ходит теперь не иначе как в цилиндре. Он нажил целую плантацию и повесил над ней полосатый звездный флаг.

— Я всегда был противником рабства, — говорит мистер Кролик.

— А помните вы Смоляного Малыша, мистер Кролик? — спрашиваю я.

— Это кто же? — говорит мистер Кролик и закуривает сигару.

— Да тот, кого вы с мистером Лисом вместо себя хозяину Тутовому Лбу подсунули, а потом он его застрелил?

— Ну-ну, — говорит мистер Кролик. — Это еще неизвестно, кто кого подсунул. Сдается, это вы с вашим приятелем виноваты.

— Вы-то всегда отвертитесь, мистер Кролик, — говорю я.

— Тем и живы, — отвечает он.

— Разбойник, — говорит ему мистер Лис. — Когда только я с тобой разделаюсь? Похоже, просто сверну тебе шею.

— Ну-ну, — говорит мистер Кролик. — Сейчас это не так просто. Вы не у себя на Юге, мистер Лис. Обратитесь лучше к моему адвокату...

Кривой Початок и Чихни-Понюхай реже заходят. Повзрослели, конечно, но мало изменились. Все бедокурят. Там украдут, там разобьют, там освищут. Я все их увещаю.

— Так скучно ведь, — объясняет Кривой Початок. — Небоскреб, что ли, поджечь?

— Он не горит, — говорю я.

— А вот и посмотрим. Тащи солому!

Пробовали поджечь. Но говорил же им, не горит. Во всяком случае, от пучка соломы. Только и всего, что посадили их в кутузку и штраф назначили с каждого по тысяче долларов. А где их взять? Нет у них ничего. Требовали уплаты с меня. Но нет у меня двух тысяч долларов. Да и почему я должен платить за парней?

— Потому что, — отвечают мне, — потому что, мистер такой-то такой-то, это ваши

ребята. Никто, кроме вас, их не знает. Так что платите.

Пробовал занять у мистера Филина. Тот один глаз открыл и сказал:

— Где это видано, где это слыхано?

Я еще раз объяснил, что прошу займа две тысячи долларов.

Он второй глаз открыл и говорит:

— Просто невиданно и неслыханно.

Боже ты мой! И у мистера Козодоя просил, и у мистера Дятла, и у братца Опоссума, и у братца Быка. Фырчат, отговариваются. Тоже мне друзья.

А кончилось тем, что посадили нас всех в кутузку вместе с Кривым Початком и Чихни-Понюхай. Потом на суд повели, зачитали приговор. Так и так, целый обнаружен звериный заговор против мистера Небоскреба. Кривой Початок и Чихни-Понюхай только исполнители. Всех приговорить!

Всех и приговорили. К разному там, я уж не помню. Мне, во всяком случае, больше всех досталось. Ох, нелегко жить теперь, нелегко...

Мистер Козодой на все это глазами сверкнул да как гаркнет:

— Кувык-тррр!

Понимай, как хочешь...

Наведаясь я в Черную Розу, побывал в Гедеоне. Но много лет прошло, очень много. Что осталось от Гедеона? А почти ничего не осталось.

Когда Север воевал с Югом, городу сильно досталось. То ли припомнили северяне гедеонский конвент, то ли военная была необходимость, но били по Гедеону из пушек и весь развалили, сожгли.

Что ж, рабство ведь запретили. Чем Гедеону жить? Так и не оправился после войны. Мало-помалу разъехались последние жители. Город остался в развалинах, буйная зелень выбралась на улицы и скрасила запустение.

Долго бродил я по мертвому городу. Все вспоминал. Вот здесь стоял Капитолий. По этому большому квадрату земли, заваленному битым кирпичом и заросшему низким говорили, говорили друг другу...

Вот станция. Ржавые рельсы. Еще сохранились остовы складов, но вокзала под черепичной крышей уже нет. Что ж, почти полвека прошло.

Мало что осталось в Гедеоне, но дом Бланшаров еще стоял. Вернее, часть дома. Его фасад, выходящий в сад сплошной галереей. Я бродил по его комнатам без потолков. Я угадал оранжевую гостиную, я посидел на галерее в потемневшем соломенном кресле.

Где обитатели «Аркольского дуба»? Я ничего не знал о них. Только однажды прочел случайно в парижской газете, что виконтесса де Орвильи изъявила желание рассказать читателям о жизни своего славного деда, героя французских войн генерала Сижисмона Бланшара. О, она стала уже виконтессой, моя Мари.

Я вышел в сад и долго стоял в прохладной тени столетних дубов. Они могучи, эти создания природы. Они все знают. Они видели нас молодых. На этом дубе я спал так много лет назад, у этого я слышал разговор Морриса с Хетти. Мне кажется, я и сейчас слышу его.

— Хочешь, я все время буду носить тебя на руках? — шепчет он.

— Нет, нет, Моррис, я боюсь.

— Какая у тебя рука холодная.

— А у тебя сердце бьется. Я слышу, как оно бьется.

— Пускай бьется. Не вырывай руку.

— Моррис, зачем...

— Дай мне руку. Дай. Какая холодная. Хочешь, я все время буду держать твою руку и она не будет холодная?

— Хочу, Моррис. Я бы так любила тебя, Моррис.

— И я, и я, Хетти. Только бы вместе быть.

— Мы всегда будем вместе, Моррис?

— Всегда, всегда, Хетти. Она уже теплая, твоя рука.

— Ох, Моррис, как хорошо...

Они шепчутся, не обращая на меня никакого внимания. Я подхожу и смотрю на них. И

слезы текут по моему лицу. Я срываю какой-то цветок и вытираю слезы цветком. На лице моем остается блаженный аромат прошлых дней.

Потом я снова иду на станцию. Я смотрю на рельсы и стараюсь вообразить на них колеса нашего паровоза. Вот он летит, всюю работая медными штоками, украшая себя клубами дыма, фонтаном пара, и все мы, счастливые, молодые, выглядываем из его готических окон, обрамленных сверкающей медью.

О, Пегас! Где же ты, славный скакун? Закидываю голову и смотрю в небо. Я жду тебя, жду всю жизнь. Увези нас, Пегас...

Дома при свете лампы я читаю книги. Есть у меня небольшой том «Народные баллады американского Юга». Я часто раскрываю его на разделе «Рельсовые баллады». Здесь я нахожу страницу, заложенную сухим листочком из сада Бланшаров, и все читаю, читаю. Почитайте и вы.

ХЕТТИ И МОРРИС

Жили-были на белом свете
мальчик Моррис и девочка Хетти.

Ох, как друг друга любили,
только недолго они прожили.

Пожили, значит, немножко.

Она была хромоножка,
а Моррис, другое дело,
был машинистом смелым.

Его паровоз назывался «Пегас»,
на пиках давал по семьдесят в час,
на шесть голосов у него гудок,
такой бы и мне голосок.

Однажды Моррис, придумал тоже,
решил спасти чернокожих,
он всех посадил на свой паровоз
и в день распродажи увез.

А Хетти? Хетти, конечно, с ним,
зачем расставаться им?

Они так друг друга любили,
что поровну все делили.

Но следом помчался «Страшила»,
не паровоз, громила,
черный как дьявол и злой,
дым из него метлой.

Мчатся они по просторам,
дорога уходит в горы,
но кончился, кончился путь,
некуда больше свернуть.

И Моррис сказал: «Бегите, ребята,
я вас спасу, поверну обратно».

А Хетти? Хетти, конечно, с ним,
зачем расставаться им?

И дернул он реверс правой рукой,
а Хетти обнял левой рукой,
помчался навстречу «Страшילה»,
навстречу своей могиле.

Ох, как он Хетти к себе прижал,
«Люблю тебя, Хетти», — сказал.

«И я тебя, Моррис, — сказала она,

и буду тебе до смерти верна».
И тут раздаётся — трах-тарарах!
Все рассыпается в прах.
Два паровоза всмятку,
такие дела, ребята.
Эту историю мне рассказал
Филин, который все знал.
Мистеру Филину тысяча лет,
вам от него привет.